

К 40-летию открытия
памятника Могилы
Неизвестного
Солдата

▲ Возложение
цветов
к Могиле
Неизвестного
Солдата

«ИМЯ ТВОЕ НЕИЗВЕСТНО,
ПОДВИГ ТВОЙ БЕССМЕРТЕН»

▲ Церемония зажжения Вечного
огня на Могиле
Неизвестного Солдата.
С факелом — Герой Советского
Союза А.П. Маресьев
8 мая 1967 г.

▲ Почетный караул у Могилы
Неизвестного Солдата

▲ Смена почетного караула

МОГИЛА Неизвестного Солдата у Кремлевской стены в Александровском саду — мемориал в память советских воинов, погибших в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.

В декабре 1966 года в ознаменование 25-летней годовщины разгрома гитлеровских войск под Москвой останки Неизвестного Солдата были перенесены в Александровский сад из братской могилы на 41-м километре Ленинградского шоссе.

Открытие мемориала, созданного по проекту архитекторов Д.И. Бурдина, В.А. Климова, Ю.Р. Рабаева и скульптора Н.В. Томского, состоялось 8 мая 1967 года в канун 22-й годовщины Победы. Вечный огонь славы зажег Генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев. Пылающий факел, зажженный от Вечного огня на Марсовом поле в Ленинграде, Брежнев принял от Героя Советского Союза А.П. Маресьева. «Имя твое неизвестно, подвиг твой бессмертен» — начертано на гранитной плите надгробья. Справа на гранитной аллее расположены порфиновые блоки с замурованными в них капсулами, в которых хранится священная земля городов-героев.

Ежегодно 9 мая, отмечая День Победы, к могиле Неизвестного Солдата возлагают цветы и минутой молчания чтут память погибших.

С 1997 года это пост номер 1 почетного караула, охраняемый Президентским полком.

Уважаемые читатели!

Вы можете оформить подписку на «Военно-исторический журнал» в отделениях связи по каталогу «Газеты. Журналы. Книги. Учебные пособия» агентства «Роспечать».

Индекс журнала для российских и зарубежных подписчиков — 70137. Вы можете подписаться на «Военно-исторический журнал» также в киосках по каталогу «Газеты. Журналы. Книги» на всей территории России. Стоимость одного экземпляра журнала по каталогу во втором полугодии 2007 года — 39 рублей. В розницу цена свободная.

Адрес для переписки: 119160, Москва, Хорошевское шоссе, д. 38д, редакция «Военно-исторического журнала». Тел. редакции для справок: (495) 693-54-10

Электронная версия «Военно-исторического журнала» и интернет — приложений «Военно — исторического журнала» — на главной странице сайта Министерства обороны РФ www.mil.ru

Жители Москвы и Подмосковья могут приобретать отдельные номера журнала в Редакционно-издательском центре Министерства обороны РФ, тел.: (495) 157-80-47.

Ежемесячное издание
Министерства
обороны
Российской
Федерации

**ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

Май
№ 5
2007 год

ИЗДАНИЕ МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ • WWW.MIL.RU

Лавровая петля
генерал-лейтенанта
А.А. Власова

«Поучение о хлебе
я адресовал
И.В. Сталину»

Мобилизация
женщин в Красную
армию в годы
фашистского
нашествия

Мусульманское
духовенство в годы
Великой
Отечественной
войны
1941—1945 гг.

Деятельность
Императорского
русского военно-
исторического
общества.
1907—1917 гг.

Военное
книгоиздание
в России
при Петре I

«Среди зарубежных
морских писателей
Н.А. Монастырев
занимает одно
из видных мест»

ISSN-0321-0626

**РАЗРУШИТЬ ПАМЯТНИК
ВОЗМОЖНО**

Фрагмент плаката. Автор Г. КАНДРАШОВ

**9 мая — День Победы советского народа
в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.
День воинской славы России**

История мемориала Победы

В 1942 году, когда вражеские войска захватили Донбасс и Кубань, вели бои на Кавказе, вышли в районе Сталинграда к Волге, московским отделением Союза архитекторов СССР было принято постановление о проведении открытого конкурса на проекты памятников героям Великой Отечественной войны. Впоследствии, в 1955 году, Г.К. Жуков предложил «в ознаменование разгрома фашистских агрессоров под Москвой и всемирно-исторической победы советского народа и его армии в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. соорудить величественный памятник — монумент в г. Москве или Подмосковье на месте исторического сражения».

Решение о строительстве памятника Победы на Поклонной горе было принято Политбюро ЦК КПСС 31 мая 1957 года, а 23 февраля 1958-го на высшей точке горы был поставлен гранитный закладной камень с надписью: «Здесь будет сооружен памятник Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов». В 1961 году на Поклонной горе был разбит парк Победы. В 1980 году принят проект мемориала Победы (авторы проекта — архитекторы Н. Томский и А. Полянский, художник З. Церетели), согласно которому в состав комплекса входили: монумент Победы, Центральный музей Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. и парк Победы.

В 1985 году началось строительство мемориала. 9 мая 1993 года в художественной галерее музея открылась первая выставка «Защитники Отечества». 9 мая 1994 года для посетителей были открыты зал Славы, зал Памяти, военно-историческая экспозиция. В день 50-летия Победы состоялась торжественное открытие всего комплекса мемориала Победы на Поклонной горе. Монумент Победы представляет собой штык с бронзовыми барельефами и богиней Победы Никой высотой 141,8 м, что символизирует 1418 дней и ночей Великой Отечественной войны. Мемориальный комплекс включает в себя храм Святого великомученика Георгия Победоносца.

За время существования музея в нем была собрана огромная коллекция предметов, рассказывающих о Великой Отечественной войне: оружие, боевая техника, обмундирование, награды, фотографии, кинодокументы, фронтовые письма, художественные произведения: картины, скульптура, графика, плакаты. Научная библиотека музея насчитывает более 50 тыс. печатных изданий, имеет отдел редкой книги.

В музее постоянно действуют экспозиция «Путь к Победе», художественная галерея, шесть диорам, посвященных основным сражениям войны. На территории парка размещена выставка боевой техники и фортификационных сооружений.

Со дня открытия в Центральном музее Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. побывали миллионы посетителей.

Публикацию подготовила
А.Н. ЧАБАНОВА

Иллюстрации из путеводителя: Центральный музей Великой Отечественной войны. М.: Граница, 2004.

На строительной площадке музея Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.

Монумент Победы

Монтаж монумента Победы

Фонтаны на центральной аллее парка Победы

Мундиры генерала армии А.П. Белобородова и маршала бронетанковых войск О.А. Лосика

7,62-мм станковый пулемет системы

П.М. Горюнова

«ТРАДИЦИЙ СЛАВНЫХ АРМИИ ВСЕГДА ДОСТОИН БУДЬ»

К 40-летию Новосибирского высшего военного командного училища

Здание главного учебного корпуса

НОВОСИБИРСКОМУ высшему военному командному училищу — военному институту в июне 2007 года исполняется 40 лет. Созданное как высшее военно-политическое общевоинское училище, оно рекомендовало себя за прошедшие годы подлинной кузницей высокопрофессиональных военных кадров, способных и словом, и оружием отстаивать интересы Отечества. Двадцать два офицера — выпускники училища — за мужество и героизм на полях сражений удостоены Золотой Звезды Героя, при этом шестнадцать человек — посмертно. Шестнадцать выпускников стали генералами, многие бывшие курсанты-новосибирцы занимают высокие ответственные должности как в Вооруженных силах, так и в различных государственных структурах, стали учеными, артистами, бизнесменами.

Ныне НВВКУ — один из ведущих военных вузов страны, где готовят квалифицированных специалистов по организации морально-психологического обеспечения войск. Им сегодня доверено самое главное — обучение и воспитание людей, от которых зависит безопасность государства.

Об истории института читайте в статье кандидата исторических наук полковника А.М. Панченко «Кузница военных кадров».

Боевое знамя и нагрудный знак училища

Читайте в номере

Генерал армии Д.Т. Язов в училище
Март 1987 г.

Начальник НВВКУ, кандидат педагогических наук, доцент генерал-майор В.П. Егоркин

Юбилейные знаки училища

Аллея героев

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЕВРОПА» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

КНИЖНАЯ ПОЛКА ВОЕННОГО ИСТОРИКА

НЕДАВНО в свет вышел сборник* документов о преступлениях эстонских коллаборационистов в годы Второй мировой войны. Эти документы, включая недавно рассекреченные, позволят читателям самостоятельно составить представление о событиях 1941—1945 гг. на оккупированных немцами территориях Эстонии и других республик бывшего Советского Союза.

В сегодняшней Эстонии упорно распространяются утверждения, будто в 1941—1945 гг. эстонские солдаты на службе вермахта в карательных акциях не участвова-

ли, к расстрелам мирного населения и истреблению евреев отношения не имели. На этом настаивают не только эстонские комбатанты, но только юные неонацисты, невозбранно пропагандирующие лозунги по меньшей мере удивительные для страны, принятой в состав Европейского союза, но и высшие официальные лица, включая бывшего президента Эстонии Арнольда Рюйтеля. Согласно официальной позиции политиков этого государства, эстонцы в немецких мундирах сражались за свободу Эстонии на территории своей страны только с Советской властью и сделали все, для того чтобы «создать основу для продолжения сопротивления, приведшего к восстановлению независимости Эстонии через десятилетия». Такие лживые фальсификации опровергаются и нуждаются в комментариях документы, собранные в этой книге.

* Эстония. Кровавый след нацизма: 1941—1944 годы. Сборник архивных документов. М.: Европа, 2006. 268 с.

Обложка книги

В ОЧЕРЕДНЫХ НОМЕРАХ ЖУРНАЛА

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941—1945 гг.

Артиллерия
Донского фронта
на завершающем этапе
Сталинградской битвы

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ

«Сталин... сказал
уверенно, что победа
будет за нами»

ЛОКАЛЬНЫЕ ВОЙНЫ И ВООРУЖЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ XX ВЕКА

Суэцкий кризис
1956 года: истоки,
сущность, уроки

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

Революционные
матросы
и анархистское
движение Н.И. Махно.
1917—1919 гг.

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Военные реформы
1860—1870 гг. на Урале

ЭПОХА В БИОГРАФИЯХ

«Константин
Павлович... сочетал
редкую чуткость
и рыцарский
образ мыслей
и поступков». Великие
князья на военной
службе

НА РУБЕЖАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Казачи в Армении.
Конец XIX —
начало XX века

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии (ВАК) Министерства образования и науки РФ «Военно-исторический журнал» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук по истории

И.А. АНФЕРТЬЕВ — главный редактор «Военно-исторического журнала», капитан 1 ранга, кандидат исторических наук, заслуженный работник культуры РФ (Москва)

Редакционная коллегия:

С.В. АВЕРЧЕНКО — заместитель главного редактора «Военно-исторического журнала», подполковник, кандидат исторических наук (Москва)

В.П. ВОЛОДИН — председатель Военно-научного комитета Генерального штаба ВС РФ по военно-научной работе, генерал-лейтенант, кандидат технических наук, старший научный сотрудник (Москва)

И.О. ГАРКУША — директор Российского государственного военно-исторического архива, заслуженный работник культуры РФ (Москва)

С.А. ИЛЬЕНКОВ — начальник Архивной службы ВС РФ, полковник (Москва)

В.И. ИСАКОВ — начальник Тыла Вооруженных сил — заместитель министра обороны РФ, генерал армии (Москва)

В.Г. КИКНАДЗЕ — ответственный секретарь редакции «Военно-исторического журнала», капитан 3 ранга, кандидат военных наук (Москва)

А.В. КИРИЛИН — начальник Военно-мемориального центра ВС РФ, генерал-майор, кандидат исторических наук (Москва)

В.П. КОЗЛОВ — руководитель Федерального архивного агентства России, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН (Москва)

А.А. КОЛЬЦОВ — начальник Института военной истории МО РФ, полковник запаса, кандидат военных наук, старший научный сотрудник (Москва)

И.П. МАКАР — начальник кафедры истории войн и военного искусства Военной академии Генерального штаба ВС РФ, генерал-майор, кандидат исторических наук, доцент (Москва)

В.В. МАСОРИН — главнокомандующий Военно-морским флотом, адмирал, кандидат педагогических наук (Москва)

А.А. НОГОВИЦЫН — заместитель главнокомандующего Военно-воздушными силами, генерал-полковник, доктор военных наук (Москва)

А.В. ОСТРОВСКИЙ — ведущий научный редактор редакции «Военно-исторического журнала» (Москва)

Н.И. РЕЗНИК — начальник Главного управления воспитательной работы ВС РФ, генерал-полковник, доктор политических наук, кандидат экономических наук (Москва)

А.С. РУКШИН — начальник Главного оперативного управления — заместитель начальника Генерального штаба ВС РФ, генерал-полковник, кандидат военных наук (Москва)

С.Е. РЫБАКОВ — начальник Управления информации и общественных связей МО РФ — заместитель начальника Аппарата министра обороны РФ, генерал-майор запаса, доктор философских наук, профессор (Москва)

А.С. СКВОРЦОВ — заместитель начальника Генерального штаба ВС РФ, генерал-полковник, кандидат политических наук, доцент (Москва)

Н.Е. СОЛОВЦОВ — командующий Ракетными войсками стратегического назначения, генерал-полковник, доктор военных наук, профессор (Москва)

В.И. ТЕРЕЩЕНКО — председатель Военно-научного комитета Сухопутных войск, полковник (Москва)

А.О. ЧУБАРЬЯН — директор Института всеобщей истории Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор, академик РАН (Москва)

С.И. ЧУВАШИН — начальник Центрального архива МО РФ, полковник, заслуженный работник культуры РФ (г. Подольск Московской области)

Редакционный совет:

К.М. АНДЕРСОН — директор Российского государственного архива социально-политической истории, кандидат исторических наук, доцент (Москва)

И.И. БАСИК — заместитель начальника Института военной истории МО РФ по научной работе, полковник, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (Москва)

А.А. БУДКО — начальник Военно-медицинского музея МО РФ, полковник медицинской службы, доктор медицинских наук, профессор (Санкт-Петербург)

В.В. ГРАДОСЕЛЬСКИЙ — председатель Комитета ветеранов военных комиссариатов г. Москвы, генерал-майор в отставке (Москва)

Е.Ю. ГУСЬКОВА — руководитель Центра по изучению современного балканского кризиса Института славяноведения Российской академии наук, доктор исторических наук (Москва)

И.С. ДАНИЛЕНКО — начальник Научно-методического центра отечественной военной стратегии Военной академии Генерального штаба ВС РФ, генерал-майор в отставке, доктор философских наук, профессор (Москва)

Л.П. ЗАПРЯГАЕВА — директор Российского государственного архива кинофотодокументов, заслуженный работник культуры РФ (г. Красногорск Московской области)

А.А. ЗДАНОВИЧ — заместитель председателя Всероссийской государственной телерадиокомпании, генерал-лейтенант запаса, кандидат исторических наук (Москва)

С.Н. КОВАЛЕВ — начальник научно-исследовательского отдела Института военной истории МО РФ, полковник, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург)

Г.Ф. КРИВОШЕЕВ — консультант Военно-мемориального центра ВС РФ, генерал-полковник в отставке, кандидат военных наук (Москва)

В.М. КРЫЛОВ — начальник Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, полковник запаса, доктор исторических наук, член-корреспондент Российской академии ракетных и артиллерийских наук (Санкт-Петербург)

В.Н. КУЗЕЛЕНКОВ — директор Российского государственного военного архива (Москва)

Г.А. КУМАНЕВ — руководитель Центра военной истории России, главный научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор (Москва)

С.В. МИРОНЕНКО — директор Государственного архива Российской Федерации, доктор исторических наук (Москва)

Н.И. НИКИФОРОВ — заместитель начальника Института военной истории МО РФ, полковник, кандидат исторических наук (Москва)

А.К. НИКОНОВ — директор Центрального музея Вооруженных сил, полковник запаса (Москва)

Р.Б. РЫБАКОВ — директор Института востоковедения Российской академии наук, доктор исторических наук (Москва)

М.Р. РЫЖЕНКОВ — директор Российского государственного архива древних актов, кандидат исторических наук (Москва)

А.Н. САХАРОВ — директор Института российской истории Российской академии наук, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН (Москва)

А.Р. СОКОЛОВ — директор Российского государственного исторического архива, кандидат исторических наук, доцент (Санкт-Петербург)

А.А. ЧУРИЛИН — Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Румынии (Бухарест)

РЕДАКЦИЯ:

научные редакторы:

Р.А. АЛИЕВ;
Е.В. ДОБЫЧИНА, кандидат исторических наук;

В.Т. ИМИНОВ, генерал-лейтенант в отставке, кандидат исторических наук, профессор;

Н.Ф. КОВАЛЕВСКИЙ, полковник запаса, кандидат философских наук, старший научный сотрудник;

Ю.Л. КУШЕР, полковник запаса, кандидат исторических наук;

В.Г. ОППОКОВ, капитан 1 ранга в отставке;
А.В. ОСТРОВСКИЙ;
Р.И. ПАРФЕНОВ, лейтенант;
А.А. ПИМЕНОВ, полковник в отставке;
О.Р. СПЛИХИНА;
А.Н. ЧАБАНОВА

секретариат:
М.В. ЗАБРОДИНА (заместитель ответственного секретаря редакции);
К.Н. АГАФОНОВА;
Е.В. КРИГЕР;
Ю.В. СНЕГОВА;
А.С. ФИЛИППОВА

литературная редакция:

О.К. ГРАЧЕВА, заслуженный работник культуры РФ;
Е.С. ДАНИЛИНА;
А.М. ПЕТРОВ, полковник запаса

художественные редакторы:

Л.П. ДЕМАХИНА;
Т.Г. ПИМЕНОВА

заведующая редакцией:

М.П. МОИСЕЕВА

ЛАВРОВАЯ ПЕТЛЯ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА А.А. ВЛАСОВА

ОТОМ, как генерал А.А. Власов стал предателем, написано много. Недавно появилась еще одна версия¹, которая, несмотря на кажущуюся абсурдность, получила право на существование. Не был Власов обычным карьеристом, ставшим жертвой непреодолимых обстоятельств и собственной жажды выжить, не был он и замаскировавшимся или «вдруг прозревшим» врагом Советской власти, а был вернейшим из верных сынов партии, выполнявшим секретное задание Ставки ВГК в самом глубоком тылу врага. Вступив в командование 2-й ударной армией в тот момент, когда было ясно, что выполнить поставленную задачу ее войскам не удастся, и оказавшись в котле, Власов получил надежную «легенду» для внедрения к немцам.

А вот другой сюжет: русский офицер и истинный патриот Андрей Андреевич Власов, не понаслышке знающий о засилье в СССР партноменклатуры, «душащей народ», оказался в плену перед непростоим выбором и выбрал «не тот» путь. Да и могло ли быть иначе? Не против России бок о бок с нордическими союзниками пошел Власов — он пытался использовать их для свержения И.В. Сталина. А там, дай срок, ударил бы и по новым хозяевам, под знаменами Российской республики.

Добавляет искренности авторам этой версии один нюанс. На чем базировалось сотрудничество нацистов и «русских патриотов»? На сходстве взглядов о засилье комиссаров в СССР, компартии в Красной армии. Вот и Организация украинских националистов (ОУН) воевала на два фронта за Украинскую народную республику. И прибалтийские зондеркоманды сражались якобы не за «третий рейх», а лишь за утраченную независимость своих республик. С той же общностью взглядов они вычищали каунаские и вильнюсские еврейские кварталы, охраняли Саласпилс. Список поделщиков Власова не исчерпывается бандеровцами или латышскими айзсаргами. Скажем, в далекой Азии поддержки нацистов и самураев против британских, французских, голландских и иных колонизаторов искали деятели Индийского национального конгресса во главе с Ч. Босом и будущие вожаки индонезийской революции. Мера тут для каждого своя, ведь из Азии европейский кошмар был виден недостаточно четко, да к тому же ранее Европа веками равнодушно наблюдала азиатские зверства. Индийские, индонезийские, прибалтийские националисты могли исходить из ложно понимаемых ими интересов собственных народов. Однако именно со Второй мировой войны мир задумался об истинности пословицы: враг моего врага — мой друг.

Для России эта схема в любом случае неприменима. Никакую монархию или «республику Русь» Гитлер не намеревался восстанавливать, и надо было быть, мягко говоря, наивным, чтобы не понять: иного выбора, кроме как между своими и чужими, у Власова не было. Как бы там не «прозревал» Власов, вряд ли он мог стать в од-

ночасье бóльшим ненавистником Советов, чем Деникин и многие другие эмигранты-белогвардейцы, отказавшиеся поддержать «восточный поход» Гитлера². В целом судьба Власова интересна не более, чем судьба любого другого офицера или рядового «Русской освободительной армии» (РОА). А среди них были и противники сталинского режима, и люди, надеявшиеся перейти с оружием в руках через линию фронта к своим, и те, кто просто хотел выжить и выйти сухим из воды. Наверняка были и агенты НКВД. Если даже допустить, что главным из таких агентов действительно был сам Власов — резидент эдакой «бело-сине-красной капеллы», это ничего не меняет.

Гораздо интереснее современная «историографическая» судьба Власова, который, вопреки своей реальной роли марионетки спецслужб «третьего рейха», усилиями ряда публицистов и историков из третьестепенной фигуры сегодня чуть ли не превращен в одного из ведущих деятелей российской истории XX века. Об этом свидетельствует тот факт, что авторы современных учебников и пособий считают необходимым помещать информацию о А.А. Власове (и даже его портреты) наряду с рассказами о В.И. Ленине, И.В. Сталине, Г.К. Жукове и т.д. Например, материалы о Власове представлены среди биографий «людей, внесших заметный вклад в историю своей страны», в учебном пособии М.Н. Черновой «Люди и судьбы. Россия — XX век». Собственно, история Великой Отечественной войны в этом пособии представлена всего двумя биографическими очерками — о Г.К. Жукове и А.А. Власове (биографии И.В. Сталина, К.Е. Ворошилова и С.М. Буденного включены в него вне свя-

**НИКАКУЮ монархию
или «республику Русь»
Гитлер не намеревался
восстанавливать**

зи с войной). Характерно, что история Власова и его «армии» подается здесь в русле современных ревизионистских представлений: рассматривая «сталинизм как наипугающее, что было за всю российскую историю», Власов в борьбе с этим игром «решил использовать немцев»³. Изменил ли Власов присягу, можно ли расценивать его переход на сторону врага как предательство — эти вопросы автор пособия обходит молчанием. Как оправдание сделанного Власовым «выбора» звучит мысль о том, что попасть в плен для советского офицера уже означало «зачисление в разряд предателей, которым уготован либо расстрел, либо лагерь» — имеется в виду, конечно, ГУЛАГ⁴.

Невежественность и отчасти наивность этих и им подобных представлений исходит от аргу-

ментов в защиту власовцев и власовщины, которые формулируются как в научно-популярных статьях и книгах, так и в сочинениях историков-профессионалов.

Примером здесь могут служить работы историка из Санкт-Петербурга К.М. Александрова⁵. Внимание к его сочинениям тем более оправдано, что по каким-то причинам именно этот молодой человек был приглашен на роль ведущего эксперта и комментатора по истории войны в телевизионном сериале В. Правдюка «Вторая мировая. Русская версия». К.М. Александров является одним из представителей той генерации историков, которая стремится предложить обществу некое «новое прочтение» истории Великой Отечественной войны, в частности по-новому оценить место и роль власовцев и самого Власова в российской истории.

Прежде всего эта новая оценка базируется на общем для ревизионистского направления утверждении о «неполноценности» советской историографии, в которой, считает К.М. Александров, «наиболее полно нашел отражение порочный тезис о том, что история — это политика, опрокинутая в прошлое»*. «Власть и режим» поставили перед историками задачу скрыть масштабы сотрудничества граждан СССР с врагом, «запрещалась сама постановка проблемы», так что изучать «власовское движение» было просто некому⁶.

Переход Власова, равно как и других граждан СССР, на сторону Германии рассматривается К.М. Александровым как закономерное явление, обусловленное политическими и социальными причинами — «беспрецедентными внутренними пороками сталинского общества»⁷. «Власовское движение» выступает в этом контексте как форма борьбы против Сталина и советской системы, причем ей приписывается «стихийный» и «закономерный» характер⁸.

Предлагаемая К.М. Александровым аргументация позволяет получить представление об особенностях «исследовательского метода» сторонников ревизионистского взгляда на историю войны, пытающихся представить «антисталинский протест» как массовое, имевшее «беспрецедентные масштабы» явление. В свою очередь констатация якобы массового характера сотрудничества с врагом советских граждан служит затем одним из обоснований тезиса о закономерности этого «протеста».

В данном случае при истолковании источников используется один и тот же прием: любое отраженное в документах (письмах солдат, материалах советской цензуры, особых отделов НКВД и военной прокуратуры) проявление недовольства военнослужащих Красной армии рассматривается как свидетельство «протестного настроения» в обществе. При этом, считает К.М. Александров, протест был направлен именно против советского строя — «сталинской системы несвободы»⁹.

Вот, например, увидев на Карельском перешейке финский хутор, солдат сказал: «Финны живут лучше... их в колхоз не заставить идти, ибо там много хуже». Это, конечно, с его стороны не просто констатация факта, а протест против «социалистического эксперимента» и лично товарища Сталина¹⁰. Любые критические высказывания, любое выражение частичного недовольства, даже жалобы (питание вовремя не подвезли или

валенки не того размера выдали) истолковываются как резкая критика «проклятой системы». Согласились попавшие в плен красноармейцы окопы для врага копать — налицо «протестное поведение»! Ясно, если бы не коллективизация, отказались бы копать даже под угрозой расстрела...¹¹. Используя такую «методологию», как выразился В.Г. Оппоков — «пузырчатую бухгалтерию»¹², можно, действительно, подверстать к «антисталинскому протесту» миллионы и миллионы людей. Сколько там было в армии Паулюса украинцев — ездových и прочих обозников? Не иначе все это из-за ужасов «голодомора».

Оправдание «власовцев» начинается с попыток объяснить причины необъективного, по мнению К.М. Александрова, отношения к участникам «движения» в общественном сознании. «Акт видимой измены, — пишет он, — свидетельствовал о нестандартном и непривычном поведении человека в экстремальной ситуации. Как правило, в сознании историков и тем более в массовом сознании априори складывалась негативная оценка таких поступков, равно как и тех, кто их совершал». Отметим, что негативная оценка власовщины и иных форм коллаборационизма сформировалась у русских людей не априори, как кажется автору, а под влиянием непосредственного опыта войны, когда любое подобное «нестандартное» поведение могло стоить и стоило нашему народу бесчисленного множества дополнительных жертв и страданий. Но читаем дальше: «И вот уже с заданным самому себе психологически отрицательным восприятием современный историк пытается объяснить поступок Власова... Причина такой заданности в том, что поведение Власова... расходится с собственным воображаемым поведением в аналогичных обстоятельствах... Важную роль играет и то, что непознанный многими из историков ужас нацизма в их сознании последовательно распространяется на все, что связано с гитлеровской Германией»¹³.

Не совсем ясно, каким образом непознанный ужас нацизма может «последовательно распространяться» в чьем бы то ни было сознании. Отвлекаясь, однако, от стилистических красот данного текста, зададимся вопросом по существу и в полном соответствии с предлагаемой автором «методологией»: а как бы сам К.М. Александров поступил, оказавшись, скажем, в середине 1990-х годов не в читальном зале Национального архива США, а на территории Чеченской Республики и будучи мобилизованным подносить бандитам патроны или хотя бы читать подрастающим шахидам лекции по поводу «ужасов сталинских депортаций»? Каким образом он представляет себе свое собственное «воображаемое поведение»? Отказался и был бы убит, как многие безвестные молодые люди его возраста, или пополнил бы ряды участников «антиельцинского протеста»?

Понятна заинтересованность, с которой нынешние антисоветчики, раздувая масштабы и степень неприятия людьми советского строя, радостно подтверждают справедливость выдвигавшихся тогда органами НКВД обвинений по статье 58 («антисоветская агитация и пропаганда»). Но если в условиях военного времени, особенно в наиболее критические для нашей страны периоды войны, сотрудники особых отделов или военной прокуратуры преследовали людей за «контрреволюцию» и «антисоветчину» нередко по смехотворным с точки зрения сегодняшнего дня поводам, каким образом и почему можно делать то же самое?¹⁴

* В чем К.М. Александров усматривает «порочность» данного тезиса, не совсем ясно, тем более что его собственные работы можно рассматривать как подтверждение справедливости этого самого положения.

Следующий шаг — отрицание юридической обоснованности квалификации действий «власовцев» как измены Родине, предательства. Это обосновывается таким рассуждением: Советский Союз представлял собой «преступное государство», «крайне опасное» для своих граждан, и поэтому те имели «полное право» включиться в «освободительную борьбу» и воевать на стороне Германии, поскольку находились в состоянии «крайней необходимости».

Оценка действий Власова и других участников «антисталинского протеста» с точки зрения «наличия де-юре для его участников состояния крайней необходимости устраняет любые рас-

То, что набор идей, во время войны представленный на страницах геббельсовских листовок, сегодня тиражируется и с ученым видом обсуждается в российской печати, весьма прискорбно

суждения об «измене Родине», — утверждает К.М. Александров. Здесь он считает нужным для убедительности сослаться на авторитет доктора исторических наук А.Б. Зубова, заявившего где-то (вероятно, в эфире радиостанции «Свобода»), что СССР и государством-то считается не может, это — «незаконные властные структуры, типологически сходные с разбойничьими бандами». Исходя из этого К.М. Александров отказывается признавать переход на сторону врага в военное время изменой Родине и предлагает считать казнь Власова и его поделельников в 1946 году «бессудной расправой» и «убийством по политическим мотивам»¹⁵.

Насколько обосновано применительно к «власовцам» использование понятия «состояние «крайней необходимости»?»

Действительно, уголовным правом предусматривается неприменение наказания в случае, если то или иное преступное деяние было совершено для «отвращения опасности, которая была неотвратима при данных обстоятельствах другими средствами» (ст. 13 УК РСФСР 1926 г.), но только если причиненный при этом вред является менее важным по сравнению с предупрежденным. Иными словами, в состоянии крайней необходимости, ради спасения собственной жизни, человек может причинить вред чужому имуществу. Однако в случае с власовцами дело обстоит иначе.

Вернемся к гипотетической ситуации поведения К.М. Александрова в плену у бандформирования или террористов. Возможно, под угрозой расстрела он согласился бы не только подносить патроны, но и стрелять в сторону федеральных войск. Возможно, (на войне как на войне) ему пришлось бы кого-то убить. Помогла бы ему ссылка на состояние крайней необходимости уйти потом от наказания? Очевидно, нет. Иначе пришлось бы признать, что ценность жизни К.М. Александрова выше убийства им солдата, что противоречит не просто букве закона, пусть и «фиктивного» с точки зрения К.М. Александрова Уголовного кодекса 1926 года, но и фундаментальным принципам права.

Отношение общества — не только советского — к данной проблеме всегда было одинаково: ни в одной стране и ни в одну эпоху понятие «состояние «крайней необходимости»» не распространялось на ситуации, связанные с участием в войне на стороне противника. В нашем случае можно, конечно, сказать, что Советский Союз не был «своим» для населявших его людей и что у них на тот момент не было «своего государства». Однако справедливость этого утверждения в какой-то мере допустима только в отношении тех убежденных противников Советского государства, кто никогда не признавал его легитимности — не жил по его законам, не участвовал в его мероприятиях, не пользовался его денежными знаками. Жил в лесу, партизанил в горах, шел в лагерь за отказ служить в армии. Остальные граждане СССР, признав над собой власть советских законов, приняли на себя и долю ответственности за происходящее в стране. Тем более это касается тех, кто, как А.А. Власов, давал присягу на верность Советскому государству. Напомним ее текст: «Принимаю присягу и торжественно клянусь... Если же по злему умыслу я нарушу эту мою торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся».

Правила игры по ходу меняться не могут. Они принимаются или не принимаются, а не так: когда мне выгодно — признаю, когда не выгодно — не признаю. Поэтому вся РОА была предательством, вся в целом, или ошибкой, в той мере, в которой предательство стараются назвать ошибкой.

Таким образом, попытки К.М. Александрова подвести некую юридическую базу под рассуждения о невинности А.А. Власова и других участников «движения» несостоятельны. Соответственно, выражаемое им «прискорбие» по поводу того, что отношение в России к «власовцам» основано не на юридических представлениях, совершенно неуместно¹⁶.

Обращает на себя внимание другое обстоятельство. Дело в том, что попытки оправдания

СОВРЕМЕННЫЙ агитпроп, не переставший обрабатывать общественное мнение в духе антикоммунизма, выпускает такие псевдоисторические книги солидными тиражами

войны против СССР и существовавшего в нем общественно-политического строя с помощью «юридической» аргументации не являются каким-то ноу-хау современных ревнителей исторической правды. В частности, соответствующие идеи развивались нацистскими «учеными» в Германии. Известно, например, что некий доктор юридических наук Э.-Г. Бокгофф в работе «Является ли Советский Союз субъектом международного права?» (1936 г.) рассуждал примерно так же, как А.Б. Зубов и К.М. Александров: СССР — не государство, а сборище кочевников, задающихся революционно-разрушительными целями, поэтому «всякая война против Советского Союза, кто бы и почему ее ни вел, вполне законна»¹⁷. То, что набор идей, во время войны представленный на страни-

цах геббельсовских листовок, сегодня тиражируется и с ученым видом обсуждается в российской печати, весьма прискорбно.

В этой связи заслуживает внимания еще одно творение, принадлежащее перу другого петербургского «писателя и исследователя». Это книга Николая Коняева «Власов. Два лица генерала»¹⁸. Работа любопытная, но отнюдь не с точки зрения содержащихся в ней фактов. Собственно, ничего нового по сравнению с публикациями других историков этой волны мы в ней не най-

ТАК и представляешь себе, как Сталин, склонившись в Кремле с карандашом над картой России, обдумывает, где бы у нее, родимой, отрезать кусок территории, да еще так, чтобы населен он был всенепременно русскими. И все это — ради своей личной власти!

дем: современный агитпроп, не перестающий обрабатывать общественное мнение в духе антикоммунизма, выпускает такие псевдоисторические книги солидными тиражами.

Стержневая мысль книги все та же: разоблачение политики Сталина. Если мы хотим возродить Россию, с пафосом закликает Коняев, нельзя защищать Сталина! За защитой Сталина — «конкретная угроза духовному здоровью нации», «рецидив патриотической шизофрении»... Он, Сталин, ради своей власти легко приносил в жертву интересы нашей страны... Примеры? Да вот, пожалуйста: «во время коллективизации... Или когда вычерчивал на карте границы республик, приписывая к Казахстану и Украине населенные русскими людьми области»¹⁹. Так и представляешь себе, как Сталин, склонившись в Кремле с карандашом над картой России, обдумывает, где бы у нее, родимой, отрезать кусок территории, да еще так, чтобы населен он был всенепременно русскими. И все это — ради своей личной власти! Что касается коллективизации, то неужели она тоже была предпринята исключительно ради укрепления личной власти Сталина? Кажется, Коняев всерьез полагает, что в интересах русских России надо было остаться крестьянской страной. А Гитлер напал на СССР только потому, что испугался русской индустриализации и коллективизации?

Мы уже привыкли, что наши «патриоты-антикоммунисты» победу в Великой Отечественной войне любят. Это у них «русская победа», победа «матушки-России», а коммунисты тут не причем, они только мешали. А вот коллективизацию — то, без чего эта победа была бы невозможна, — нет. Она у них «не в интересах России»²⁰. Видимо, они думают, что Гитлера можно было победить так же, как Наполеона — заманить его подале, а потом со всех сторон — вилами да колыями. Так ведь и Наполеона не партизаны победили, а в первую очередь армия.

К.М. Александров сочувственно цитирует эмигрантский журнал «Часовой» от 1939 года, под-

черкивая «безусловное различие» между «традиционной Россией» и «агрессором-СССР», не имевшим к ней «ни правового, ни морально-этического отношения»²¹. СССР — не Россия**. Что же тогда Россия? Дух бесплотный? Как можно, выступая против Сталина, но за Россию, истреблять русских людей? Во имя какого «морально-этического отношения»?

Коняев заявляет, что не хочет уподобляться «нынешним антисталинистам»²², но идет дальше многих из них: «По отношению к России и русским фашизм ничем не отличался от большевизма»²³. Так что, «патриотические» публицисты, хватит агитировать за Советскую власть. Признайте наконец, что прав был Геббельс: Ленин и всякие эренбурги, мехлисы, кагановичи и даже левитаны²⁴ были настолько враждебны России и русским, что бедному русскому мужику в солдатской шинели было, в общем-то, все равно, в кого стрелять — в немецкого солдата или в своего командира. Служившие в вермахте казаки, например, пишет К.М. Александров, были «обречены... вынужденно сражаться на стороне тех, кто казался им злом меньшим»²⁵.

На этом фоне, конечно, А.А. Власов — страдалец, заслуживающий всяческого сочувствия со стороны современного просвещенного патриота. Вот что пишет об А.А. Власове Н. Коняев: «Он был человеком, попавшим в очень непростую ситуацию... Он сделал неверный выбор... Но он был живым русским человеком и, ошибившись, продолжал искать выход... Он не находил его — найти было невозможно! — но он мучился, ме-

ВИДИМО, они думают, что Гитлера можно было победить так же, как Наполеона — заманить его подале, а потом со всех сторон — вилами да колыями. Так ведь и Наполеона не партизаны победили, а в первую очередь армия

тался. Он тосковал по выходу и порою, сам того не сознавая, прозревал истину, которую неплохо было бы прозреть и нам»²⁶.

Вот так все, оказывается, просто: «попал», «искал выход»... А сталинские палачи его взяли да повесили.

Сотни тысяч русских людей, оказавшись в похожей ситуации, выход нашли: кто, сохранив последнюю гранату, взорвал себя вместе с окружавшими фашистами, кто ушел к партизанам, а кто только плюнул в лицо своим палачам, но не сдался и тем более не согласился хоть в чем-то помочь гитлеровцам в их «священной борьбе» против «гидры большевизма». Сотни тысяч попавших в лагерь, даже умирая от голода, не согласились все же встать под власовский флаг. А «живой русский человек» Власов, значит, этого очевидного для многих других наших соотечественников выхода не заметил?

** Книга К.М. Александрова, где собраны написанные им в разные годы очерки о «власовцах», названа «Против Сталина». Против Сталина — не значит против России, утверждает автор.

Или, может быть, все наши герои были недостаточно русские?

Действительно, по Н. Коняеву выходит, что коммунистом может быть только ярый русофоб. При этом ему мало Сталина с Лениным заклеивать. У него есть еще разрушители рангом помельче. Это цари всякие, например Петр I, и вообще все правители России. Вот веками и страдал наш народ православный²⁷.

Перед нами — очередной пример мифотворчества, причем его «губительность для общественного сознания» уже и доказывать не надо. Расчленили СССР — и жить стали русские, вместе с другими народами Советского Союза, гораздо хуже. Или, может быть, Н. Коняев думает, что снижение средней продолжительности жизни, увеличение числа убийств и самоубийств,

ОПРАВДАНИЕ «власовцев» провоцирует оправдание коллорабационизма

жертв террора и катастроф произошло само собой, вне связи с ликвидацией советской общественно-экономической системы? Может быть, К.М. Александров, сидя в Санкт-Петербурге (или исследуя «антисталинский протест» в зарубежных архивах), действительно верит, что, сбросив гнет «проклятых коммунак», русский крестьянин в 1990-е годы радостно приступил к «свободному труду», в разы увеличив его производительность?

Конечно, для апологетов «нового мышления», начиная с периода «перестройки», возня вокруг имени А.А. Власова, попытки его реабилитации проходят не без пользы — они оттачивают аргументацию, которая может пригодиться при оправдании собственного предательства по отношению к Советскому государству, выхода из рядов компартии и перехода в стан бывших противников СССР в «холодной войне». Идеологическое обоснование современного коллаборационизма органично включает те наработки геббельсовской агитпропаганды, которые использовались для вовлечения русских людей в ряды всевозможных «добровольческих формирований», а также для ослабления сопротивления нацистскому режиму жителей оккупированных областей. «Более четверти века народы России вели борьбу против ненавистной диктатуры большевизма... Лишь война позволила ведущим силам народов России освободиться от гнета сталинской тирании и обрести условия, при которых они были защищены от большевистского террора и получили возможность развернуть грандиозную работу по собиранию антибольшевистских сил», — эти прочувствованные слова вполне могли бы принадлежать современному историку «демократической ориентации», однако, это — отрывок из выступления самого А.А. Власова на учредительном съезде Комитета освобождения народов России, состоявшемся 14 ноября 1944 года²⁸. Кто писал или, по крайней мере, редактировал и утверждал этот текст, хорошо известно.

Сегодня оправдание Власова, скрытое за всхлипываниями по поводу «трагической судьбы» его самого и его сторонников, гораздо опаснее для национального самосознания, чем любое благостное мифотворчество по поводу

выдающейся роли в нашей истории И.В. Сталина, Л.И. Брежнева или даже Л.Д. Троцкого. Оправдание «власовцев» провоцирует оправдание коллаборационизма как такового. Достаточно заявить: наше правительство — злодеи, мерзавцы, инородцы, просто «преступная банда», и значит измена присяге такому правительству — вовсе и не измена. Это всего лишь «поиски выхода из непростой ситуации». Руководствуясь такой «логикой», современные ученые-«правоведы» реабилитировали многих из тех, кто совершил преступления против Советского государства. Раз власть была «тоталитарной», «плохой», значит те, кто с ней боролся, — не преступники, а «истинные патриоты». В свою очередь те, кто сжигал партийные билеты перед телекамерой или выдавал американцам советские оборонные секреты, по той же «логике» могут тоже представлять свои действия как героические.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Филатов В.И.* Машина смерти: Преступления против России и русского народа. М., 1995. С. 153—413; *Он же.* Власовщина. РОА: белые пятна. М., 2005.

² О разногласиях внутри эмиграции в связи с вопросом об отношении к начавшейся войне см.: *Доронченков А.И.* Эмиграция «первой волны» о национальных проблемах и судьбе России. СПб., 2001. Гл. IV. Патриотизм и идея защиты покинутого Отечества. С. 163—187.

³ *Чернова М.Н.* Люди и судьбы. Россия — XX век: Материалы по курсу «История России. XX век». М.: АРКТИ, 2003. С. 131, 132.

⁴ Это ошибочно: известные историкам статистические данные свидетельствуют, что из общего числа военнопленных и окруженцев за период с октября 1941 по октябрь 1944 года было арестовано около 4 проц., примерно столько же было отправлено в штрафные роты и батальоны. Из военнопленных, освобожденных после войны, по состоянию на март 1946 года репрессиям подверглись около 15 проц. См.: *Земсков В.Н.* ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // *Социс.* 1991. № 7. С. 4, 5; *Кокурин А., Петров Н.* НКВД — НКГБ — «Смерш»: структура, функции, кадры // *Свободная мысль.* 1997. № 9. С. 96; *Меженко А.В.* Военнопленные возвращались в строй... // *Воен.-истор. журнал.* 1997. № 5. С. 33.

⁵ *Александров К.М.* Против Сталина. Власовцы и восточные добровольцы во Второй мировой войне. Сб. статей и материалов. СПб.: Ювента, 2003.

⁶ *Александров К.М.* Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова 1944—1945 гг. СПб., 2001. С. 13, 15.

⁷ *Александров К.М.* Против Сталина... С. 7.

⁸ Там же. С. 8, 12.

⁹ Там же. С. 12.

¹⁰ Там же. С. 8, 9.

¹¹ Там же. С. 25.

¹² См.: *Оптоков В.* Воронеж // *Патриот.* 2001. № 30. С. 9.

¹³ *Александров К.М.* Против Сталина... С. 14, 15.

¹⁴ Там же. С. 10.

¹⁵ Там же. С. 227—230.

¹⁶ Там же. С. 227.

¹⁷ Цит. по: *История дипломатии.* М.; Л., 1945. Т. 3. С. 706.

¹⁸ *Коняев Н.* Власов. Два лица генерала. М.: Вече, 2003.

¹⁹ Там же. С. 182.

²⁰ Ряд справедливых замечаний на эту тему высказано С.Г. Кара-Мурзой в полемике с И.Р. Шафаревичем и В. Бондаренко. См.: *Кара-Мурза С.Г.* Антисоветский проект. М.: Алгоритм, 2002. С. 38, 39.

²¹ *Александров К.М.* Против Сталина... С. 20.

²² *Коняев Н.* Указ. соч. С. 61.

²³ Там же. С. 191.

²⁴ Там же. С. 53.

²⁵ *Александров К.М.* Против Сталина... С. 240.

²⁶ *Коняев Н.* Указ. соч. С. 183.

²⁷ Там же.

²⁸ См.: *Генерал Власов в планах гитлеровских спецслужб* // *Вишнев О.В.* Накануне 22 июня. М., 2001.

«МЫ СЕГОДНЯ В ЛОГОВЕ ВРАГА, НО СТРАНА ПОМНИТ О КАЖДОМ ИЗ НАС»

НАУТРО было общее построение батальона. Несмотря на то, что накануне вечером подтянулись отставшие, заблудившиеся, раненые, не пожелавшие отправляться в госпиталь, батальон заметно поредел.

Комбат гвардии майор Бетин был немногословен:

— Я приветствую всех стоящих в этом строю как верных сынов Родины, как гвардейцев, которые с честью выполнили поставленную задачу! Посмотрите вокруг. И эти поля, и эти леса, и этот поселок, покинутый жителями, — все это вражеская земля. Еще вчера мы стояли у границ Восточной Пруссии. А сегодня мы — в самом центре ее, преодолев в одном стремительном броске свыше двухсот километров. За мужество и самоотверженность в боях я объявляю всему личному составу батальона благодарности!

Из строя вышел замполит гвардии майор Уфимцев.

— Только что поступила «Правда», — поднял он пачку газет над головой. — В двух номерах подряд опубликованы приказы Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища Сталина войскам 2-го Белорусского фронта.

Уфимцев громко, торжественно начал читать. В обоих приказах среди частей, наиболее отличившихся в боях, назывались танкисты полковника Козикова. В первом — за прорыв сильной, глубоко эшелонированной обороны немцев на западном берегу реки Нарев и вступление в пределы Восточной Пруссии, во втором — за успешный штурм города Пшасныш и крепости Модлин — важных узлов коммуникаций и опорных пунктов обороны немцев, а также за овладение более 1000 других населенных пунктов. Всему личному составу бригады объявлялась благодарность Верховного Главнокомандующего. Столица нашей Родины Москва в честь этих побед дважды салютовала вой-

скам 2-го Белорусского фронта 20 артиллерийскими залпами из 224 орудий.

— Мы сегодня в логове врага, — сказал от себя замполит, — но страна помнит о каждом из нас. И каждый из нас обязан ответить на это новыми сокрушительными, гвардейскими ударами по врагу.

Мы хлопали в ладоши, кричали «ура!». Нет, мы не чувствовали себя остатками батальона. Каждый погибший гвардеец как бы незримо передал нам эстафету ратных дел, которые не успел совершить. Нам судьбою выдано жить, а значит, воевать за себя и за тех, кто не вышел из боя.

Но в боях выдалась пауза. Бригаду требовалось укомплектовать техникой и личным составом. Все это делалось довольно организовано и быстро. Пополнение, которое направлялось на 2-й Белорусский фронт и которое не успело в связи с переносом срока начала наступления, теперь оказалось как нельзя кстати. Второй танковый батальон вместо «Валентайнов» и «Шерманов» получал тридцатьчетверки с новой 85-мм пушкой. Пополнилась и наша минометная рота. Это были в основном солдаты, уже побывавшие в боях, и подготовку их не надо было начинать с нуля. Характер учебы вскоре подказала сама жизнь. А дело было так.

Среди, как говорится, бела дня на одно из наших танковых подразделений вышла из леса группа гитлеровских солдат и сдалась. Это, конечно, хорошо. Но начальство расценило это по-другому. А если бы вышла и не сдалась? А если бы не такой группой, а побольше? И было решено: прочесать ближние окрестные леса. Для этого выделили роту автоматчиков и нашу роту без минометов.

СУТРА отправились в путь. У леса развернулись в цепь с интервалами, чтобы каждый солдат видел соседа. Идем. Автоматы и карабины наготове. Ожидали по мере продвижения попасть в чащобу, а вышли на широкую поляну, посреди которой возвышался замок. Нет, средневековых ба-

шен с бойницами не было, но четыре этажа внушительного каменного строения с многочисленными окнами вполне могли превратиться в крепость. Без лишнего шума взяли строение в полукольцо. От каждого подразделения выделили своего рода штурмовые группы, которые под прикрытием кустарников приблизились к центральному подъезду. Тихо и внутри. Вошли. От огромной овальной прихожей вправо и влево шли коридоры с многочисленными дверями, широкая лестница с перилами из белого камня вела на второй этаж. Да здесь можно батальон солдат спрятать, так что и не обнаружишь! Но батальона не было. Отсутствовали и хозяева, и прислуга. В доме порядок. Никаких следов поспешного бегства.

Подтянулись наше прикрытие. Автоматчики и минометчики рассыпались по этажам. На первом в одном крыле располагалась огромная кухня. Вполне могла бы питать наш батальон. Потом пошли какие-то подсобки, кладовки, прачечная, бельевая.

Поднялись на второй этаж. Такой же широкий коридор, уходящий в крылья здания. Двинулись по нему, распахивая по пути двери с правой и левой стороны. Столы, кресла, шторы на высоченных окнах. В одной из просторных комнат у дальней стены высилась огромная кровать, а на пышной подушке под огромным одеялом лежала седовласая старуха. Лицо ее, изможденное то ли болезнью, то ли годами, было бледным, как полотно. Широко открытые глаза следили за нами без любопытства и страха.

Снизу слышались команды, призывающие выходить на улицу. Ничего подозрительного обнаружено не было. Надо было продолжать «шествие» по лесу.

Прежним порядком, рассыпным строем прошагали еще километров пять-семь. Из-под ног выскакивали зайцы, взлетали птицы, вдалеке мелькнула лань с гордо поднятой головой. Лес кончился. Открылось просторное поле, засеянное озимой пшеницей. За ним тянулась

дорога, по которой бесконечной колонной двигались на север наши войска.

Прочесывать дальше местность не было смысла, да и по времени надо было возвращаться в батальон. По собственным следам теперь уже нестройными рядами двинулись в обратный путь. И опять прежний редкий ухоженный лес. Просторная поляна с замком.

Мы уже подошли почти вплотную к темно-коричневому зданию с тыла, когда изнутри отчетливо донесся звук, похожий на выстрел.

— Слинков и Даутов — влево и к выходу! — скомандовал ротный старший лейтенант Тарасенко. — Попов — со мной!

Мы с ним побежали в обход вправо. Наш путь оказался длиннее. И когда мы, запыхавшись, выбежали к фасаду, у входа один за другим раздались два выстрела. Издали заметили белую лошадь и сани, стоящие у парадного подъезда. Подбежали. У саней лежал человек в белом полушубке и валенках. Офицерская шапка, свалившаяся со светловолосой головы, лежала в стороне. Над убитым стояли Даутов и Слинков, смущенные тем, что, кажется, шлепнули своего офицера.

— Кто стрелял? — спросил возмущенный ротный.

— Сначала он, — виновато кивнул Слинков на убитого, — а потом я.

Перебивая друг друга, бойцы рассказали, как, обогнув здание, выбежали к его фасаду, увидели сани, которых здесь раньше не было. А потом этот в полушубке вышел из подъезда и быстрым шагом — к саням. Даутов окликнул: «Эй, товарищ!» В ответ — выстрел.

— Кашу заварили, сами и расхлебывать будете, — пригрозил командир роты. — Достаньте у него документы.

Слинков как главный виновник случившегося, потянув за рукав, перевернул труп на спину. Из-под распахнувшегося полушубка был отчетливо виден немецкий мундир. Меня как током ударило. И белая лошадь, и этот человек в полушубке, и сани были те же, которые мы встретили не так давно в деревне и, приняв за своих, отпустили. А это были немцы! Но мы в темноте ничего не заподозрили. Тогда еще два солдата были с этим.

— Обыскать дом! — подумав, наверное, о том же, приказал старший лейтенант Тарасенко подбежавшим на выстрелы автоматчикам. — Там еще должны

быть немцы. — И нам: — Бегом в спальню! Они приезжали, видать, за старухой.

Что стоит девятнадцатилетним парням взлететь по лестнице на второй этаж.

Одна створка двери, ведущей в большую комнату, была открыта. Ударом ноги отшвырнули и вторую, на секунду задержались, не пересекая порог. Если бы в комнате был враг, нервы его не выдержали, и он выстрелил бы в раскрытую дверь. Но было тихо. Настороженно переступили порог. Пусто. Старая женщина по-прежнему лежала под одеялом, только лицо было повернуто к окну, а подушка, на которой она покоилась, была залита красным. Из пулевого отверстия на правом виске стекла уже слабеющей струйкой кровь. Без сомнения, ее лишил жизни тот самый выстрел, глухо донесшийся из замка, когда мы, возвращаясь, вышли на поляну.

— Пошли доложим, — кивнул я подчиненным.

Тарасенко рассматривал документы убитого немца. Заглянул в них и я, прочитал: «Оберлейтенант Арнольд фон Шпрунг. Год рождения 1920...».

— Перевести сможешь? — протянул мне удостоверение ротный.

Я повторил вслух только что прочитанное.

— Это и я понял, — сказал Тарасенко, — а дальше что написано?

Дальше моих знаний не хватало.

— Ладно, отдадим начальнику разведки, там поймут, что к чему... Подними пистолет.

Только сейчас я увидел возле трупа прикрытый полой полушубка парабеллум. Поднял, протянул ротному. Тот вынул обойму.

— Так и есть, двух патронов не хватает. Один — на старуху, другой — на Даутова.

— Возьми себе, — сказал он, вернув пистолет.

— А можно я Слинкову отдам? Чей выстрел — того и трофей.

— Нет, теперь уж давай мне, — неожиданно потянулся к пистолету ротный и, подозвав Слинкова, деликатно стоявшего в стороне, торжественно произнес:

— Вот держи! За меткий выстрел! И носи до самой победы!

— Постараюсь! — вспыхнул детским румянцем явно польщенный солдат.

А мне ротный сказал:

— Надо автоматчиков вернуть. Никого они там не найдут.

Он один приезжал. Видишь, одна лежка в соломе на санях. Были бы солдаты, и от них след остался бы.

— Разрешите, я за автоматчиками сбегаю, — воодушевленный тем, что все обошлось, вызвался Слинков.

Похоже, что и ротный был готов загладить приступ необоснованного гнева:

— Мне бы надо было на факультет иностранных языков пойти, — неожиданно заговорил он, — а я в истории подался. Сейчас бы всю службу этого отпрыска баронов раскрыли.

— Барон, а против немощной женщины оружие в ход пустил, — сплюнул Даутов.

— Э-э-э! Не просто против женщины, — протянул Тарасенко. — Видите, герб на фронтоне и на нем вензеля вокруг латинской буквы «S»? И этот Шпрунг, — кивнул он на убитого, — похоже, из того же рода. Видно, забота о чести или попросту высокомерная чванливость не позволяли ему и в мыслях допустить, что одна из представительниц этого рода может попасть живой в руки «варваров», пришедших с востока...

Но не превратности судьбы этого знатного прусского рода занимали мои мысли. Я думал о ротном. Вот уже полгода как я служил под его началом. Полгода на фронте — немалый срок! А что я знал о нем? Что гвардии старший лейтенант. Что звать Василием Никифоровичем (и то узнал недавно). Угрюмый — и все. И вот как-то неожиданно вырвался маленький лучик из его замкнутой души, и предстал перед подчиненными человек со своими заботами и не осуществленными чаяниями, терзаемый совестью из-за несправедливых упреков в адрес подчиненных...

Ш ЕЛ февраль 1945 года. Именно в этом месяце, а точнее, 7 числа, минуло два года со дня моего призыва в армию. Два года, перевернувшие всю мою жизнь! Шесть месяцев в стенах военного училища. Потом — фронт. Ранение. Госпиталь. Опять действующая армия. За какие-то полгода мы прошли с боями Белоруссию, Польшу, Восточную Пруссию от ее южных границ до Балтийского моря.

Теперь мы в обороне. Нашему батальону отвели на берегу залива Фришес-Хафф* участок, от города Толькемит** на север протяженностью около

* Ныне Вислинский залив, Польша и Калининградский залив, Россия.

** Ныне территория Польши.

Благодарственная грамота Верховного Главнокомандующего за участие в штурме города, крепости и порта Пиллау (ныне г. Балтийск Калининградской области)

дующего. Строй ответил на поздравление дружным «ура!».

— Помните, где мы отмечали двадцать шестую годовщину Красной армии? — спросил замполит, обращаясь к строю, и сам же ответил: — На восточных границах Белоруссии. А сейчас мы на берегу Балтийского моря. О чем это говорит? О том, что для воина Красной армии нет непреодолимых

преград. Придет день, и мы возьмем Кёнигсберг. Как бы ни сопротивлялся враг, доблестные советские воины овладеют и Берлином и водрузят над ним Красное знамя нашей победы.

Мы опять прокричали «ура!».

— А теперь позвольте мне выполнить почетную и приятную миссию — вручить боевые награды отличившимся в боях на территории Восточной Пруссии.

Первым вызвали Василия Никифоровича Тарасенко. Он был награжден орденом Красной Звезды. За ним прозвучала фамилия Даутова. Он все еще носил повязку на голове. И Уфимцев заметил это:

— Вот пример, достойный подражания. Гвардии ефрейтор Даутов Сергей Сергеевич был ранен, но не покинул поля боя, остался в строю. И сегодня я с особой радостью вручаю ему орден Славы II степени.

Потом назвали мою фамилию. Что-то екнуло в груди. Сдерживая волнение, подошел к столу. Замполит узнал меня и не упустил возможности «мобилизовать» всех:

— Вот смотрите — гвардии младший сержант, командир минометного расчета, комсорг роты, а сейчас исполняет обязанности комсорга батальона. Правильно я говорю? — повернулся он к Бедрину.

Тот согласно кивнул.

— Вот видите, все правильно. От души поздравляю младшего

сержанта и вручаю ему орден Славы III степени.

Медалями «За отвагу» были награждены Слинков и Широков. Прозвучали также фамилии Голубева и Иткина, удостоенных боевых наград посмертно.

УВОЙНЫ свои приметы. Бывалый солдат без труда определит, что в боевых действиях вот-вот что-то изменится. В те дни мы обратили внимание на то, что перестали летать ночные бомбардировщики. Потом снялся с позиции и уехал расчет прожектора. Выходило, что и мы не засидимся здесь.

И еще одна примета. Перед крупными боями некоторые воины писали заявления в партию. Обычно со стандартной концовкой: «Если убьют, прошу считать меня коммунистом». На этот раз ко мне парторг роты старшина Яроцких подошел сам:

— Мы вот в партгруппе подумали и решили: пора тебе в партию вступать. В батальоне ты уже почти год. Проявил себя хорошо. Медаль «За отвагу» заслужил. А теперь вот орден Славы. Опять же комсорг роты, и за Бедрина в батальоне работаешь.

А я подумал: вот соберутся они на партсобрание. Все коммунисты и по годам, и по воинскому званию постарше. Что я им буду говорить? А вслух сказал:

— Молодой я еще. Всего девятнадцать.

— В народе говорят: молодой, да ранний, — продолжал Яроцких. — У тебя все идет, как надо. Среднее образование, минометный расчет твой на хорошем счету, опыт боевой есть. Девятнадцать, говоришь, а уже трижды ранен был, обратно же — награды. Рекомендация я тебе дам, и ротный даст. Я с ним говорил. Бедрин, знаю, тоже не откажет.

Я понял, что вопрос этот обговорен и решен. Надо соглашаться.

— Вот и хорошо! — заключил парторг. — Пойдем, я тебе бумагу дам. Да у меня там и напишешь.

Бумага оказалась хорошей: белая, плотная. Письмо бы на такой бумаге написать.

— А можно мне еще листочек?

— С чегой-то?

— Вдруг испорчу, — слукавил я.

Он протянул было лист. Но тут в нем хозяйственный взывал:

— Садись прямо здесь, в землянке, и пиши. Я подскажу, как.

Написал. Он прочитал. Одобрил. Все в аккурат, как надо. Протянул было руку за другим листком. Но я быстро сложил

двадцати километров. Это не значит, что подразделения использовали всю эту местность траншеями и ходами сообщения. Прилегавшие к заливу леса и поля были в значительной мере заняты болотами. Наша минометная рота обосновалась на сухом участке недалеко от Толькемита. Оборудовали окопы для минометов, укрытия на личный состав, землянки для ночлега. Впереди по самому берегу проходила железная дорога, связывающая прибрежные города, часть которых севернее нас и далее вплоть до Кёнигсберга оставалась еще в руках у немцев.

23-го, в день очередной годовщины Красной армии, на позицию прибыли замполит гвардии майор Уфимцев и гвардии старший лейтенант Бедрин — парторг, превратившие монотонное течение жизни в маленькое торжество.

Прямо на поляне поставили стол, накрыли красной скатертью. Разложили на нем картонные коробочки с боевыми наградами за бои у населенного пункта Вольфсдорф***. День был теплый, солнечный, какие в этих краях — редкость. Снег в полях уже сошел, и лишь в лесу под кронами молодого сосняка виднелись его белые пятна.

Рота стояла в строю в одних гимнастерках. Сняли шинели и гости. Замполит зачитал праздничный приказ Верховного Главнокоман-

*** Ныне территория Польши.

его вчетверо и сунул в карман. Он наконец сообразил, что к чему:

— Ладно, так бы и сказал, что письмо написать. Родителям пиши. Они, знаешь, как беспокоятся. Для них мы все еще малые дети. И про орден напиши. Радость-то какая будет! Вся улица узнает. И что в партию вступаешь. А что? Не каждому такая честь оказывается.

ЧТО КАСАЕТСЯ примет, то через несколько дней нас действительно подняли по тревоге. Бригаду перебрасывали на северо-восток вдоль берега залива Фришес-Хафф под город Браунсберг****, оставшийся еще в руках немцев, как, впрочем, и вся полоска побережья севернее до самого Кёнигсберга. Мы понимали, что противнику не удержаться здесь. Прижатые к берегу немецкие войска не могли рассчитывать на помощь. Восьмикилометровый залив, покрытый льдом, отделял их от своих частей, находящихся на косе. Переброска по непрочному льду тяжелой техники исключалась. Артиллерийская поддержка издалека тоже малоэффективна. Не приходилось им рассчитывать и на авиацию. Наши самолеты господствовали в воздухе.

Поэтому ехали мы в хорошем настроении. На душе было спокойно и светло. Я написал обстоятельное письмо домой. На собрании партийной группы роты, а потом и в парторганизации батальона был положительно решен вопрос о моем вступлении в партию. Люди, которые знали меня, и мало знакомые говорили обо мне хорошие слова и, по-моему, даже больше того, чем я заслуживал на самом деле. Теперь слово за политотделом. Но там уже больше по бумагам будут судить. Давно ли на фронте? Полтора года. Ранен был? Был. Дважды награжден. Опять же — младший командир.

Мирное течение мысли прервал рев моторов. Один за другим пронеслись наши истребители и садились где-то рядом за пригорком. Если это аэродром, то выбран он был весьма рискованно. До передовой здесь было рукой подать. Но это был не аэродром в обычном понимании слова. Когда наша колонна поднялась на высоту, мы увидели широченную автомагистраль, двумя бетонными полосами уходящую на север и на юг. Это был автобан, связывавший когда-то Берлин и

Кёнигсберг. Ровное, как стол полотно. Все пересечения с другими магистралями на разных уровнях, по виадукам и акведукам. На эту первоклассную дорогу и садились наши истребители, в специально оборудованных местах заправлялись горючим, оснащались боекомплектом и опять уходили в небо. Это тебе не полевой аэродром, раскисающий после каждого дождя.

Миновали автобан по мосту, проходившему над обеими полосами. Километров через пять остановились. Дальше ехать было нельзя — впереди слышалась стрельба. Спешились. Стали готовиться к ночлегу в оставленных немцами окопах и блиндажах. Но едва стемнело, раздалась команда на движение вперед. Шли по полю, потом по ходам сообщения. Добрались до первой траншеи, где сменили какой-то стрелковый батальон, уходящий на другое направление. Понимали: раз выдвинули танковую бригаду, будем наступать.

Как только отодвинулся фронт, к нам в траншею пришел сержант. Назвал мою фамилию.

— В чем дело? — спросил я.

— Мне приказано сделать фотографию на кандидатскую карточку, — пояснил он.

Только теперь я заметил у него фотоаппарат.

— Фотографию? Да я еще и не умывался сегодня.

— Умойся.

Хорошо сказать «умойся». Мы стояли в поле, где на километр кругом не было воды. Сказал ему об этом, но он не растерялся:

— И не надо. Сними каску. Вот расческа — причешись.

Причесать волосы, стриженные под машинку, — не проблема.

— Вот и хорошо, — одобрил он, доставая из полевой сумки свернутый кусок белой материи. Подозвал двух солдат. Те развернули полотно прямо в траншее за моей спиной. Фотограф принаоровился, щелкнул аппаратом два или три раза и начал быстро собирать свои пожитки.

Кандидатскую карточку мне вручили позднее. Страна, прав оказался замполит гвардии майор Уфимцев, действительно помнила о каждом из нас, отстаивающем ее честь и свободу в самом логове жестокого врага.

**Полковник в отставке
В.И. ПОПОВ**

**** Ныне территория Польши.

• НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ИНФОРМАЦИЯ

Конференция в Московском открытом социальном университете, посвященная 65-летию разгрома фашистских войск под Москвой

В МОСКОВСКОМ открытом социальном университете (МОСУ) состоялась научная конференция на тему: «Объективное освещение боевых действий в ходе Битвы под Москвой на страницах «Военно-исторического журнала»». В ней приняли участие представители университетского и редакционного коллективов.

Открыл конференцию проректор по учебной части и методической работе МОСУ Г.А. Шабанов. В короткой вступительной речи он выразил удовлетворение крепнущими и ставшими уже традиционными связями профессорско-преподавательского состава вуза с журналом. Затем слово было предоставлено главному редактору «Военно-исторического журнала» капитану 1 ранга И.А. Анфертьеву, который обстоятельно доложил собравшимся об освещении в журнале хода Битвы под Москвой, последовательном противостоянии фальсификациям и искажениям правды о Великой Отечественной войне, встречающимся на страницах различных изданий.

Ведущие научные редакторы редакции кандидат исторических наук, профессор генерал-лейтенант в отставке В.Т. Иминов сделал доклад на тему «Развитие военного искусства в Битве под Москвой»; капитан 1 ранга в отставке В.Г. Оплоков, пользуясь архивными материалами, осветил малоизвестные фронтовые эпизоды, свидетельствующие о массовом героизме защитников столицы.

Творчески подошли к участию в содержательном мероприятии студенты 3-го курса финансово-экономического факультета МОСУ Владислав Гостев и Кирилл Афанасьев, озвучив содержание редких документов военного времени, хранящихся в редакционном архиве «Военно-исторического журнала».

Большую организаторскую работу по подготовке конференции провели профессора университета полковники в отставке А.В. Павлов и В.П. Семин.

«ПОУЧЕНИЕ О ХЛЕБЕ Я АДРЕСОВАЛ И.В. СТАЛИНУ»

Современные размышления фронтовика о буднях Великой Отечественной войны

НЕИМОВЕРНО велики фронтовые тяготы: недоедание и голодание, жара и стужа, недосыпание и физическая усталость, тоска по близким, полный бытовой дискомфорт и ограниченность в духовной пище. А самое главное – постоянно, каждую минуту и каждую секунду находишься в ожидании «своей» пули или «своего» осколочка. Все это иногда порождало безразличие к жизни. Поскольку тебя, как ощущалось многими, почти наверняка убьют, то пусть это свершится скорее, чтобы меньше терпеть мук. Вот и солдат Степан Перченко, сколько его ни ругали, не желал остерегаться. Посланный, к примеру, за коробками с патронными лентами, Степан не станет ни ползти, ни делать короткие перебежки. Более того, даже не пригнетса под огнем. И не потому, что дерзок или чрезмерно храбр. Просто смерть торопил. Как сейчас вижу его на высоте 147,6 идущим вдоль железнодорожной колеи с коробками в обеих руках. Бредет во весь рост, лишь немного втянул голову в плечи, как бы ожидая, что вот-вот его ударят. И... дождался: сразил солдата немецкий снайпер. Не будь апатии, безразличия, отрешенности, может быть, и сейчас был бы жив человек.

Из-за трудностей некоторые шли на самоубийство, не дожидаясь вражеской пули. Отдельные решались на жестоко наказуемые самострелы или другие формы членовредительства. А в периоды напряженных боев, наверное, редко кто не считал за удачу получить ранение, чтобы отдохнуть малость да отоспаться вволю. Но после «санаторного» пребывания в тылу, как правило, снова рвались в горячее дело, так что подобные проявления слабости у преобладающего большинства фронтовиков были временными.

В состоянии накопившейся усталости и постоянного психического напряжения и ко мне при-

ходило безразличие к жизни. И в такие минуты меня часто выручал образ Павки Корчагина из романа «Как закалялась сталь» Николая Островского. Ведь подобная психическая неустойчивость посещала в безвыходной, казалось, ситуации и его, но он ведь находил силы преодолеть себя, находил веские аргументы в пользу борьбы за жизнь. Например, такой: самое дорогое у человека – это жизнь, и надо сделать ее максимально полезной для других, чтобы не жег позор за бесцельно прожитые годы. «Если он мог, – размышлял я, – то почему я не смогу? Разве он не прав, что за жизнь стоит побороться. Тем более что враг топчет нашу землю. Кто же станет бороться с врагом, кто станет побеждать его?..»

После войны я перечитывал свое письмо ко матери, написанное с Калининского фронта примерно в июне 1942 года: «Береги каждый кусочек хлеба, каждую корочку», – наставлял я ее. А через несколько месяцев, в октябре, поучение о хлебе я адресовал И.В. Сталину. Отлично помню то письмо. Не буквально, конечно, каждое слово в нем, а лишь содержание. Перескажу его.

На фронте и в тылу, сообщал я вождю, красноармейцы часто голодают, в результате чего они физически ослаблены и не всегда устойчивы в бою. Поэтому у них возникает недовольство. Вот и у нас при передвижении в составе маршевой роты некоторые роптали: «Вот посылают голодными в бой, а потом спрашивают, почему города сдаем». Я, например, получил неплохую военную подготовку и хочу сразаться с врагом, но в данный момент – не совсем полноценный боец, так как истощен, и не могу успешно выполнить задачу...

Думал, что могут расстрелять за паникерство, но куда и не

вызывали даже по поводу того письма. Не исключено, что его содержание совпало с более основательной информацией о реальном положении дел. Так или иначе, но лично я с осени 1941 до осени 1943 года ни разу не наелся досыта. Чувство голода не покидало меня даже в пехотном училище, даже в госпитале, где питались вообще-то сравнительно сносно.

ПО ПРИБЫТИИ на Калининский фронт в район Осташков-Селижарово в мае 1942 года возникли какие-то неурядицы с постановкой нас на довольствие. Несколько дней находились на подножном корму, искали крапиву, какие-то травы, листья. И без того ослабленные, мы еще более слабели. Совершаем марш. Я отстаю. Только догону на привале, а тут уже команда на движение. Наконец, совсем отстал. Бродил неизвестно где. Вышел к окраине деревни, а там грузовая машина в грязи застряла. Подхожу, пробую, что в мешках, а там сухари. Перочинным ножом разрезаю мешок, достаю несколько сухариков и кладу в карман... И тут бежит шофер. Ведет меня в крайнюю избу. «Ну, – думаю, – сейчас меня расстреляют». Здесь снабженцы только что позавтракали: на столе остатки пищи. Старший начальник, лейтенант, укоряет меня:

– Комсомолец, со средним образованием, а воруеть.

– А вы посмотрите на меня.

– Ну, садись за стол.

Такого оборота я не ожидал. Жую хлеб, селедку, пью чай. Вспоминаю, как умирали голодные, дорвавшись до еды. Думаю, не хватил ли, но никак не оторвусь. Об опасности не помнил лейтенант. Я согласился. Он дал на дорогу начатую буханку. Несу ее под мышкой и не могу удержаться, нет-нет да отщипну кусочек. Прошел не-

сколько километров – и от буханки ничего не осталось.

Если бы тогда пришлось наступать или отходить, я бы не смог. Еле-еле передвигался. Чтобы перешагнуть через веточку, жердочку, небольшой предмет, требовались большие усилия. Стала отказывать память. Жизнь еле теплилась. И тогда я был направлен в госпиталь. Нет, не по ранению, а по истощению. Пульс снижался ударов до 30 в минуту, ниже нормы держалась температура.

На передовой, пожалуй, вторым после поест было желание выспаться. Как правило, попавшие в медсанбат или в полевой госпиталь двое-трое суток непрерывно спали, кроме времени процедур и принятия пищи. Постоянное состояние тревожности, необходимости держать себя начеку, беспокоящий огонь, движение, оборудование окопов, доставка боеприпасов и снаряжения и многое, многое другое не оставляли ни времени, ни физической возможности забыться во сне.

Летом 1943 года на Курской дуге мы совершали ночные марши по пути к Белгороду. Останавливались на десятиминутные привалы и все мгновенно засыпали. Если в это время услышишь команду: «Командиры рот и взводов в голову колонны», то испытываешь удовлетворение от того, что ты не офицер и тебе не надо бежать, а можно лечь на землю и забыться сном. Только один участок мозга не отключался, тот, который воспринимает команду: «Встать... Шагом марш.» На марше по ровной местности ухитрились спать на ходу: глаза закрыты, включены механизмы движения и контроля. Легче было, когда двигались в ногу, в одном ритме.

А какие проблемы возникали с потребностью в воде. Но вода, если в большинстве случаев она жизнь в различных формах и проявлениях, то зачастую – это и смерть.

Весной 1942 года в калининских лесах и болотах вода одолевала и мучила нас. Копнешь лопатой землю – через несколько минут полный ровик губительной жижи. Она лишала нас возможности спрятаться от пуль противника, поэтому ночью носили грунт из тыла и устраивали пулеметные гнезда. Создавали хоть какую-нибудь защиту для себя.

На дорогах войны всегда и для всех довольно часто была еле преодолимой помехой

грязь. Еще хуже передвигаться холодной осенью, в полной темноте, под проливным дождем или когда идет мокрый снег.

ВОЙНА – это и преодоление многих водных преград, больших и малых. Широкий и могучий Днепр я форсировал ниже Кременчуга. В памяти остался островок, который называли «островом смерти». С нашего берега к нему соорудили мостки. Немцы, конечно, знали, что там, на острове, скапливалась наша пехота, и непрерывно подвергали его артиллерийско-минометному обстрелу. Однажды идущую по мостку санитарку ранило в живот, и вода потащила ее вниз. Она кричала: «Спасите, спасите!» На помощь ей бросился мой товарищ Нариман Бахишев. Девушка вцепилась в него и не давала ему держаться на плаву. Нариман успокаивал её: «Не хватай меня, не души. Я вытащу...» И он вытащил. Хоть и многоводен Днепр, но не смог сокрыть того, что его могучее течение окрашено солдатской кровью.

25 марта 1945 года в половодье форсировали небольшую р. Грон. Достигли противоположного берега промокшими по грудь. А дальше нас не пускал немецкий огонь. Несколько часов вели бой промокшие и прозябшие в ледяной воде. Наконец двинулись вперед. Обсохли на ветру. И как ни в чем не бывало. В обычной жизни приключились бы тысячи болезней.

Реку Ляо-Хэ китайцы называют «горе Китая». Она катится грязным потоком, часто меняя свое русло. Вот и на глазах бойцов, очищавших дальневосточные земли от японских оккупантов, она выплеснулась из берегов и проложила себе путь через кукуру, гаолян и арбузное поле. А ее нужно было форсировать. Нашли брод, но в воде остановиться нельзя. Немедленно подмывает под ногами ил и засасывает глубже и глубже. В пяти шагах от меня заглох мотор «студебеккера». И машина стала быстро погружаться в реку. Скрылись капот, кузов, кабина. Все. Едва успели выскокить шофер и пассажир.

Мысли о воде не выходят из головы и тогда, когда ее нет совсем. Более того, отсутствие воды мучительно испытывает каждая клеточка тела, что и заставляет постоянно думать о ней.

В сентябре 1942 года мы выполняли задачу по ликвидации коридора, который образовали фашисты, прорвавшиеся к Вол-

ге севернее Сталинграда. В поселке Кузьмичи завязались затяжные бои. В дыму и пыли с песком при сильной жаре все испытывали острое чувство жажды. Единственный родничок с хорошей питьевой водой оказался в балке на нейтральной полосе. С наступлением темноты и наши, и немцы пробирались к родничку. Часто он становился ареной жестоких схваток. Дорого доставался каждый глоток воды. Помня это, ветеран нашей дивизии Г.Я. Назаров по возвращении с войны в поселок Айдырлинский Оренбургской области первым делом вырыл колодец возле своей хаты, а затем на свои средства и собственными руками вырыл и обустроил еще два колодца в поселке – в память о том фронтовом источнике и погибших за обладание им друзьях-однополчанам.

В августе 1945 года части нашей дивизии совершили тысячекилометровый марш через пустыню Гоби и хребты Большого Хингана. В сутки проходили до 80 и более километров с оружием, боеприпасами и продовольствием на себе. Днем жара в пустыне достигала 40 градусов и выше. Над колонной стояли густые клубы дыма и песка, он забивал зубы, уши, глаза, нос – и ни глотка воды. Встретишь озерцо, а вода в нем соленая-соленая. У всех лица черные, губы запекшиеся, потрескавшиеся. Разговаривать не хотелось. В горле першило. Подступала тошнота. Но надо было идти вперед и вперед.

Помню, как упал командир пулеметного расчета сержант Иванов: «Не могу больше. Оставьте. Пристрелите. Умру здесь». Командир роты старший лейтенант Н.Е. Кибец строго приказал встать. Подняли сержанта на ноги. Разошелся он и пошел. Инженерные подразделения отрывали колодцы, во многих из них вода была непригодной для питья. К колодцам с пресной водой ставили усиленную охрану, чтобы люди не раздавили друг друга и каждому досталось хоть по глоточку. Были отдельные случаи, когда слабовольные, еще не обстрелянные молодые ребята из-за жажды и физических тяжестей кончали жизнь самоубийством.

И все же, если и решали лишить себя жизни, то, как правило, при угрозе оказаться в руках врага. Уж лучше смерть, чем позорный плен. Такая заповедь сидела прочно и в моем созна-

нии. Она формировалась всей системой воинского воспитания. Я был психологически готов к тому, чтобы в опасную минуту пустить пулю в себя или подорваться гранатой, и следил за тем, чтобы не израсходовать последний патрон или последнюю гранату. Соответственно этому складывалось и отношение к тем, кто попадал в плен.

Помню, как я прибыл в 6-й гвардейский воздушно-десантный стрелковый полк, который располагался по дамбе на левом берегу р. Тиссы. Как раз шла подготовка к форсированию водной преграды. Тогда-то я и познакомился с командиром стрелковой роты (назовем его Слоновым), которому был придан мой пулеметный взвод. Примерно в декабре часть нашего батальона, продвигаясь в ночную пургу, попала в окружение. Мне рассказывали, что Слонов той ночью был убит и похоронен. Все приведенные приметы были схожи. Я написал в Москву родственникам о его смерти. Вскоре получил письмо от его сестры. Она просила сообщить, при каких обстоятельствах он убит, так как ей не верится, что брата нет в живых. Я ничего не мог ответить.

ПОСЛЕ окончания войны с Германией наша дивизия передислоцировалась в Монголию, готовая вступить в боевые действия с Японией, и здесь неожиданно объявился Слонов. Он рассказал следующее. В окружении был ранен в руку. Попал в плен. Орден, партия и другие документы прятал в бинтах. Из лагеря военнопленных освободили американцы, предложившие остаться у них. Но он, отказавшись, разузнал маршрут своей дивизии, вместе с эшелонами, отправлявшимися на восток, догнал свой полк. Мы встретили его с известным недоверием. Когда вступили в боевые действия, Слонов пропал из виду. У меня надолго осталось какое-то чувство вины за тот холодок и недоверие, которое он мог ощутить по отношению к себе. Хотелось найти его и снять этот неприятный осадок, но не удавалось. И вот лет через сорок на одной из встреч мне показало, что вижу Слонова. Затеял разговор об этом случае, чтобы наконец извиниться за тот недружелюбный прием. Слонов не признался. Видимо, до сих пор сидит в нем та неприятная заноза, а, возможно, и обида на самого себя, за то, что не сумел избежать плена.

Известно, что немцы жестоко обращались с нашими военнопленными. Высылали специальные команды добывать раненых на поле боя. Расстреливали по любому поводу и без всякого повода. Ослабленных, не способных работать заставляли лопатами рыть себе могилы. И многое другое проделывали.

Но ведь немец немцу рознь. Разве не было немцев, которые из чувства интернациональной солидарности воевали против своих соотечественников, не разделяя их нацистской идеологии. Впрочем, Красная армия и была армией воинов-интернационалистов. В Чехословакии командиром одного из моих пулеметных расчетов был русский Ковалев, а остальные – украинец, белорус и молдаванин. Этот интернациональный расчет был слаженным и очень дружным, как одна семья. Инициативно действовал в бою. Я всегда был спокоен за этот расчет. А когда 15–19 февраля 1945 года фашисты форсировали р. Грон и захватили плацдарм в полосе нашей дивизии, все пулеметчики погибли, но не отошли. Я их нашел в лесу. Все четверо лежали возле пулемета лицом к противнику. У пулемета большая горка стреляных гильз.

Там же, на Гроне, ярко проявилось боевое содружество советских и чехословацких воинов. В ночь на 14 февраля наша дивизия помогала Натранской партизанской бригаде выйти из вражеского тыла через Грон. Тогда переправилось 856 человек. Партизаны бригады — чехи, словаки, а также граждане других стран — настойчиво просили принять их в состав нашего соединения. Они были сведены в интернациональный батальон и сражались вместе с нами плечом к плечу против общего врага.

То, как мы выполняли интернациональный долг, видно было по радостным встречам, которые устраивали нам поляки, болгары, румыны, венгры, чехи, а позднее монголы, китайцы, корейцы. Помнится, на берегу Тиссы я просил своего товарища: если наступит тот особый случай, то на дощечке к обычному «погиб в борьбе за свободу и независимость Родины» добавить – «и за освобождение народов Европы». Да, проходя по странам Европы, я особенно зримо и осязаемо чувствовал великую освободительную миссию Красной

армии. И редко кто из молодых солдат не спешил поделиться радостью от осознания этой миссии с матерью после освобождения какого-нибудь очередного чешского или мадыарского городка.

НАВЕРНОЕ, никогда в другое время не складывались такие нежные взаимоотношения между матерями и сыновьями, как во время пребывания последних на фронте, во время опасности для их жизни. Мне постоянно хотелось увидеть и обнять свою мать, особенно в трудные минуты. И, конечно, матери хотелось увидеть сына. Летом 1943 года на Орловско-Курской дуге я находился километрах в 150 от дома. Написал матери, что если идти через Каменово, Успенку и далее все время на юг, в сторону солнца в полдень, то можно дойти до меня, в д. Верхние Опочки. Цензура пропустила эти строчки. И мать, оставив на попечение соседей дом и живность, отправилась в нелегкое странствие. Ей повезло. Какая это была радостная, счастливая встреча!.. И надо же, когда мама отправилась в обратную путь-дорогу, разыгралась знаменитая битва.

Мать однополчанина В.П. Овчинникова разыскала сына даже во время наступательных боев. В 1976 году в возрасте 109 лет умерла мать моего однополчанина-сталинградца Наримана Бахишева. Она знала, что старший сын, Фарман, погиб на глазах у младшего, Наримана, но до последних минут матери казалось, что Фарман должен вернуться. Когда же через два месяца после гибели старшего из братьев появился на свет его четвертый ребенок, она назвала внука тоже Фарманом, как будто тот, и впрямь преодолев смерть, возвратился к родному порогу.

Незримо оберегали солдат не только родные матери, но и любимые и любящие невесты. И в моем нагрудном левом кармане тоже хранилась фотокарточка той, которую считал своей невестой, которую своим воображением возносил в поднебесье и окружал радужным ореолом. Ее письма ко мне были целебными. И пусть наши судьбы разошлись, я благодарен той женщине за свет и надежду на лучшее будущее. Она помогла выжить, удержаться от безрассудных поступков, оберегаться от апатии и безразличия.

П. В. ГОРНОСТАЕВ

МОБИЛИЗАЦИЯ ЖЕНЩИН В КРАСНУЮ АРМИЮ В ГОДЫ ФАШИСТСКОГО НАШЕСТВИЯ

Когда фашистская Германия обрушила на СССР 22 июня 1941 года без объявления войны свою вооруженную армаду, вобравшую в себя мощь почти всей Европы, и советскому правительству потребовалось задействовать людские и материальные ресурсы всей страны, вместе с мужчинами в ряды защитников Отечества встали женщины. Их мобилизации в Красную армию, Военно-морской флот и войска Наркомата внутренних дел проводились добровольно на основе соответствующих постановлений Государственного Комитета Обороны (ГКО).

КАЖДАЯ из мобилизаций женщин-добровольцев проходила при участии центральных и местных партийных и комсомольских организаций, поскольку предпочтение отдавалось членам партии и комсомола, и оформлялась в районных и городских военных комиссариатах. Годные к службе в возрасте от 19 до 30 лет поступали в воинские части и учреждения, а в возрасте до 45 лет — в стационарные тыловые службы. Не призывались женщины, имевшие семьи и беременные, а также работавшие в оборонных производствах, наркоматах внутренних дел и государственной безопасности, на железнодорожном и водном транспорте¹.

Первая мобилизация среди женщин началась на второй день Великой Отечественной

войны, т.е. еще до образования ГКО. Призывались врачи, фельдшеры, медицинские сестры и другие специалисты в области медицины в целях развертывания медико-санитарной службы. Это позволило в короткий срок организовать на базе медицинских вузов, техникумов и общества Красного Креста и Красного Полумесяца массовую подготовку медицинских сестер и санитарок. Всего же за время войны в военно-санитарные части и учреждения поступили 41 224 женщины-медработницы².

Большое внимание уделялось подготовке из числа женщин-добровольцев военных связистов, для чего была организована сеть учебных и запасных частей связи, а при заводах радиопромышленности — система курсов и школ. В целях их укрупнения ЦК ВЛКСМ 19 августа 1941 года по поручению ГКО принял постановление «О мобилизации 20 тысяч комсомольцев в РККА на курсы радиоспециалистов». В проведении этой акции участвовали центральные комитеты комсомола всех союзных республик, все краевые и областные комитеты комсомола. Это позволило военным комиссариатам провести отбор 10 тыс. юношей и 10 тыс. девушек «преимущественно, — как говорилось в постановлении, — из числа добровольцев и радиолюбителей», имевших образование не ниже 7—8 классов средней школы³.

Согласно постановлению ГКО, принятому 13 апреля 1942 года, были мобилизованы 28 272 женщины в возрасте от 19 до 25 лет, большинство из которых направлялись на пункты подготовки военных связистов, а 5394 — в части связи делопроизводителями, писарями, поварами, фельдшерами, санитарками, библиотечарями, кинемеханиками и

пр.⁴ Летом и осенью того же года состоялась мобилизация еще 11 тыс. патриотов, пополнивших учебные заведения и части связи Красной армии⁵. Всего же в эти части за годы войны поступили 41 886 женщин, не менее половины из которых являлись членами ВКП(б) и ВЛКСМ⁶.

В начале 1942 года в ЦК ВКП(б) был поставлен вопрос о призыве женщин в Войска противовоздушной обороны территории страны, в связи с чем командующий войсками ПВО генерал М.С. Громадин 20 марта направил в Наркомат обороны докладную записку с предварительными расчетами и предложениями. В ней говорилось, что женщины могли бы, например, в приборных отделениях зенитной артиллерии из 11 номеров заменить 8, в расчетах зенитных пулеметов из 5 номеров — 3, на постах воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС) из 6 номеров — 5, в расчетах прожекторных станций из 11 номеров — 3, а рядовой и младший начальствующий состав административной, хозяйственной, технической и санитарной служб частей и подразделений — полностью. «Произведенная таким образом замена, — отмечалось в докладной записке, — высвобождает в частях ПВО территории страны 94 тысячи хорошо обученных и боеспособных бойцов, позволит дать фронту 12 стрелковых дивизий». И далее предлагалось: «Комплектование частей ПВО женщинами целесообразно производить на добровольных началах из числа комсомолок в возрасте 18—27 лет. Призываемые женщины должны быть с образованием: до 40 процентов из общего числа призываемых — со средним, остальные 60 процентов — 5—7 классов. Набор женщин-

комсомолок в части ПВО возложить на ЦК ВЛКСМ»⁷.

Эти предложения легли в основу массовой мобилизации женщин в войска ПВО. Так, 28 марта 1942 года ЦК ВЛКСМ принял соответствующее постановление, обязавшее комсомольские организации в регионах призвать совместно с военкоматами до 10 апреля 100 тыс. комсомолок в возрасте от 19 до 25 лет, в частности, из Москвы и Московской области — 8000⁸. В действительности же благодаря высокому патриотическому подъему среди молодежи в апреле 1942 года в части Московского корпусного района ПВО прибыли более 20 тыс. комсомолок (около четверти всей его численности)⁹, что позволило этот корпусной район преобразовать во фронт ПВО, а свыше 6000 мужчин из него передать в полевые войска¹⁰. Во вновь образованных в июне—октябре 1942 года 144 частях ПВО, направленных в действующую армию, имелись женские расчеты, взводы, батареи¹¹.

С КОНЦА октября 1942 года велась вторая мобилизация женской молодежи в войска ПВО. Теперь она проходила не одновременно, а по мере готовности частей и соединений принять новое пополнение. В ноябре, например, из Москвы призывались 1500 женщин, годных к строевой службе, из Армении — 5484, из Азербайджана — 4500, из Кировской области — 2200¹².

В боях Великой Отечественной войны участвовали и женские авиационные полки. Их было три. В начале войны по просьбе Героя Советского Союза, известной летчицы М.М. Расковой, Наркомат обороны издал директиву о формировании 122-й авиагруппы¹³, которую инициатор и возглавила. Вместе с тем на ее призыв откликнулись сотни женщин из разных концов страны. 10 октября 1941 года ЦК ВЛКСМ, утверждая списки кандидатов в 122-ю авиагруппу, оказался в затруднении из-за большого числа желающих. Народный комиссариат обороны вынужден был издать приказ о формировании дополнительно сперва 587-го

бомбардировочного и 588-го ночного легкобомбардировочного авиаполков, а затем о выделении из 122-й авиагруппы личного состава для 586-го истребительного полка¹⁴. Последний (командир Т.А. Казаринова) вошел в состав действующей армии в апреле, 588 ап (Е.Д. Бершанская) — в мае 1942 года, а 587-й (М.М. Раскова) — в январе 1943-го.

Осенью 1941 года по почину комсомольца Феодосия Смольякова на Ленинградском фронте зародилось движение снайперов, вскоре ставшее массовым. Первые его участники прошли подготовку по программе «Ворошиловский стрелок» еще до войны. А в период войны обучение снайперскому делу было организовано на курсах и в школах, созданных в системе Всевобуча. Весной 1942 года при Главном управлении Всевобуча НКО СССР была организована Центральная школа инструкторов-снайперов, где наряду с юношами обучались и девушки. Здесь же в декабре открылись курсы снайперской подготовки для женщин, на которых в начале следующего года числились 490 курсанток, отобранных из добровольцев по мобилизации ЦК ВЛКСМ. В мае 1943-го на базе этих курсов открылась Центральная женская школа снайперской подготовки (ЦЖШСП), производившая 7 выпусков и направившая на фронт 1061 снайпера и 407 инструкторов снайперского дела¹⁵. Ее питомцы, по неполным данным, полученным из частей, соединений, армий и фронтов, только за один год истребили 11 821 гитлеровца¹⁶.

Нередко в войска направлялись снайперские подразделения, состоящие из девушек — представительниц местных комсомольских организаций. Так, в освобожденном от немецкой оккупации Краснодарском крае в апреле 1943 года была сформирована снайперская рота для пополнения снайперских подразделений Северо-Кавказского фронта. А вскоре энтузиасты сформировали еще и снайперский взвод из 45 кубанских казачек и передали его 4-му гвардейскому Кубанско-

му кавкорпусу. К весне следующего года все они за нанесенный урон живой силе врага были награждены орденами, а 18 лучших из них стали кавалерами ордена Славы трех степеней¹⁷. В числе наиболее отличившихся патриотов можно назвать 19-летнюю Таню Костырину, ушедшую на фронт в составе комсомольской снайперской роты Краснодарского края и уничтожившую 120 солдат и офицеров противника. Вернувшись из госпиталя после ранения в свою часть, сражавшуюся в Крыму, под Керчью, в бою за поселок Аджимушкай она заменила выбывшего из строя командира батальона, подняла бойцов в атаку. К сожалению, в том бою Таня погибла. Младший сержант 691-го стрелкового полка 383-й стрелковой дивизии 56-й армии Татьяна Костырина была удостоена звания Героя Советского Союза¹⁸.

П О ПОСТАНОВЛЕНИЮ ГКО в ноябре 1942 года была сформирована 1-я отдельная женская добровольческая стрелковая бригада численностью в 11 тыс. человек. Личный состав для нее тоже отбирали территориальные комсомольские организации. Возраст мобилизованных не превышал 25 лет, а образование было не ниже 4 классов¹⁹. Бригада состояла в резерве действующей армии. Несколько ранее, в мае того же года в соответствии с постановлением ГКО начал производиться отбор девушек в 32 областях, краях и союзных республиках из числа добровольцев, годных к службе в береговых и тыловых частях Военно-морского флота в качестве электриков, радисток, топографов, шоферов, коков, писарей, кино- и радиомехаников, лаборанток, библиотечниц, санитарок и других специалистов²⁰. Они, как свидетельствуют архивные документы, успешно справлялись с непростыми обязанностями. Так, на совещании комсомольских работников, состоявшемся в ЦК ВЛКСМ в конце мая 1944 года, отмечалось: «В рядах Военно-морского флота уже два года служат несколько тысяч девушек-краснофлотцев, прибывших

по путевке комсомола. За это время советские патриотки хорошо освоили военные специальности и тем самым дали возможность высвободить значительное число мужчин-краснофлотцев для более рационального их использования на кораблях и в частях флота»²¹.

Исходя из потребностей действующих и тыловых частей Красной армии, ГКО принял несколько постановлений о массовой подготовке шоферов на курсах, в автошколах, при гаражах, автобазах, МТС с отрывом и без отрыва от производства. Например, в одном из постановлений (обнародовано 28 августа 1941 г.) предусматривалась подготовка 25 тыс. водителей автомашин в возрасте не моложе 17,5 лет, в том числе 14 430 женщин²². В 1943 году подобный призыв молодежи проходил в 40 областях, краях и автономных республиках Российской Федерации, в 1944-м — в 47. Все курсы и школы шоферов комплектовались по комсомольским мобилизациям²³, и если в начале войны на военно-автомобильных дорогах встречались в основном мужчины-водители пожилого возраста, то с весны 1942 года их стали заменять в значительном количестве молодые женщины, обеспечивая действующие части продовольствием, вооружением, боеприпасами, горючим и т.д. По вольному найму служили в войсках и женщины старших возрастов (до 45 лет). Они трудились в качестве обслуживающего персонала в стационарных военно-медицинских, продовольственных, вещевых, банно-прачечных, ремонтных и других учреждениях. Пока нет возможности определить их численность, поскольку в отчетных документах они учитывались вместе с работавшими по вольному найму мужчинами старших возрастов, ограниченно годными к военной службе по состоянию здоровья.

Таким образом, мобилизации женщин в годы Великой Отечественной войны носили массовый характер и оказывали заметное влияние на укрепление Красной армии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Кривошеев Г.Ф.* О потерях среди женщин-военнослужащих и вольнонаемного состава // *Воен.-истор. журнал.* 2005. № 1. С. 33.

² Там же.

³ СССР в Великой Отечественной войне 1941—1945. Хроника. М., 1970. С. 67, 68.

⁴ Центр хранения документов молодежных организаций (ЦХДМО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 282. Л. 135.

⁵ Там же. Оп. 3. Д. 285. Л. 53; Д. 287. Л. 86.

⁶ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 43. Д. 548. Л. 190; Д. 594. Л. 148; Д. 660. Л. 61; Д. 683. Л. 62; Д. 710. Л. 44.

⁷ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 72. Оп. 12 310. Д. 921. Л. 169, 170.

⁸ ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 282. Л. 9; ЦАМО РФ. Ф. 72. Оп. 12310. Д. 921. Л. 261.

⁹ ЦАМО РФ. Ф. 218. Оп. 287410. Д. 50. Л. 220.

¹⁰ Битва за Москву. М., 1975. С. 389.

¹¹ *Никитин Е.Ф., Глазачев В.А.* КПСС — организатор победы советского народа в Великой Отечественной войне. М., 1970. С. 27.

¹² Москва — фронту. 1941—1945. Сборник документов и материалов. М., 1966. С. 220; Кировская областная партийная организация в годы Великой Отечественной войны. Сборник документов. Киров, 1961. С. 353; ЦХДМО. Ф. 7. Оп. 22. Д. 6. Л. 2; Д. 44. Л. 2; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 10. Л. 17, 18, 23.

¹³ ЦАМО РФ. Ф. 46-го гв. ночного легко-бомбардировочного авиационного полка (НЛБАП). Оп. 526 939. Д. 6. Л. 1; Ф. 586 иап. Оп. 116 599. Д. 7. Л. 2; Оп. 196 816. Д. 15. Л. 2.

¹⁴ *Ченева М.П.* Небо остается нашим. М., 1970. С. 36; ЦАМО РФ. Ф. 125 гв. бап. Оп. 345 731. Д. 1. Л. 1; Оп. 518 876. Д. 1. Л. 2; Ф. 46 гв. нлбап. Оп. 143 557. Д. 1. Л. 8; Оп. 518 931. Д. 1. Л. 2; Ф. 586 иап. Оп. 116 599. Д. 7. Л. 2; Оп. 196 816. Д. 15. Л. 2.

¹⁵ *Мурманцева В.С.* Женщины в солдатских шинелях. М., 1971. С. 102.

¹⁶ Там же. С. 103; ЦАМО РФ. Ф. ЦЖШСП. Оп. 284 811. Д. 2. Л. 39, 41; Оп. 52 554. Д. 2. Л. 34, 45 — 47, 89, 170; Оп. 52 557. Д. 1. Л. 34 — 37, 87 — 89; Оп. 52 558. Д. 6. Л. 104, 106, 108; Оп. 585 169. Д. 6. Л. 95, 96.

¹⁷ ЦАМО РФ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 47. Л. 5.

¹⁸ Герои Советского Союза. Краткий биографический словарь. М., 1987. Т. 1. С. 749.

¹⁹ ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 290. Л. 134.

²⁰ Там же. Д. 283. Л. 17, 18, 49.

²¹ Там же. Оп. 5. Д. 209. Л. 15.

²² Там же. Оп. 3. Д. 275. Л. 77, 78, 132, 133, 136.

²³ Там же. Л. 3, 49, 51; Д. 307. Л. 149, 155, 156.

Н.А. КИРСАНОВ

КНИЖНАЯ ПОЛКА ВОЕННОГО ИСТОРИКА

КНИГИ, ПОДАРЕННЫЕ РЕДАКЦИИ «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА»

Лубченкова Т.Ю. Самые знаменитые путешественники России. М.: Вече, 1999. 464 с.

Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941—1945 гг.: Сб. документов. Министерство иностранных дел СССР. Т. 1. Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19—30 окт. 1943 г.). М.: Политиздат, 1978. 422 с., ил.; Т. 2. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (28 ноября — 1 декабря 1943 г.). 1984. 175 с., ил.; Т. 4. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4—11 февр. 1945 г.). 1979. 326 с., ил.; Т. 5. Конференция Объединенных Наций в Сан-Франциско (25 апреля — 26 июня 1945 г.). 1980. 710 с., ил.; Т. 6. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 авг. 1945 г.). 1980. 551 с., ил.; *Переданы В.Д. Протасовым (Москва)*

Гребенщикова Г.А. 100-пушечные корабли типа «VICTORY» в Русско-шведской и Наполеоновских войнах. СПб.: «Издательство ОСТРОВ», 2006. 392 с., ил.

Передана автором — кандидатом исторических наук Г.А. Гребенщиковой

(Санкт-Петербург)

Bogusław Brodecki, Zbigniew Wawer, Tadeusz Kondracki. Polacy na frontach II Wojny Światowej. Warszawa: Bellona, 2005. 123 s.

Передана атташе по вопросам обороны, военным, военно-морским и военно-воздушным, кандидатом военных наук генералом бригады Анджеем Левандовски

(Москва)

Судьбы реформ и реформаторства в России. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Коломна: КГПИ, 2006. 470 с.

Передана заведующим кафедрой экономической теории и всеобщей истории Коломенского государственного педагогического института, кандидатом исторических наук, доцентом А.И. Шевельковым

(г. Коломна)

Матинян Л.Н. О некоторых аспектах российской истории советского периода. Ереван: Егя, 2005. 44 с.

Передана автором
(г. Ереван, Армения)

ЖЕНЩИНЫ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ В АНТИФАШИСТСКИХ ДОБРОВОЛЬЧЕСКИХ ВОЕНИЗИРОВАННЫХ ФОРМИРОВАНИЯХ

24 ИЮНЯ 1941 года, через два дня после нападения гитлеровской Германии на Советский Союз, СНК СССР принял постановления «Об охране предприятий и учреждений и создании истребительных батальонов» и «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе»¹. Эти документы были продублированы руководством западных областей страны. 26 июня бюро Курского обкома ВКП(б) и облисполком приняли решение «немедленно приступить к организации истребительных батальонов во всех районах Курской области»².

В августе в Курске был создан городской комитет обороны во главе с первым секретарем обкома ВКП(б) П.И. Дорониным. На одном из заседаний комитета обороны начальник оперативного штаба областного УНКВД майор А.Г. Климин докладывал, что в Курской области вооружены и обучены 10 650 бойцов из 68 истребительных батальонов (66 районных и два батальона Ленинского и Дзержинского районов г. Курска). В них насчитывалось 4978 членов ВКП(б), 1061 комсомолец и 3731 беспартийный³. Как правило, в истребительных батальонах состояли мужчины, но изредка в них зачислялись и женщины. А в Глазуновский районный истребительный батальон записались 38 женщин (одна медсестра на 4 бойца)⁴. Всего же в истребительных батальонах, сформированных в Курской области, состояли около 420 женщин, или 4 проц. личного состава.

В КОНЦЕ августа 1941 года немецко-фашистская авиация совершила первый налет на город, затем они повторялись регулярно. В период с августа по октябрь с участием бойцов истребительных батальонов Курской области были сбиты 8 вражеских самолетов Ю-88, взяты в плен 4 летчика, 7 парашютистов⁵.

В октябре начались бои на подступах к городу, который обороняли части 2-й гвардейской стрелковой дивизии и ополченцы. В этих боях отличились девушки из истребительного батальона Воловского района, поступившие в состав Сталинского полка народного ополчения во главе с лейтенантом милиции М.М. Чудиновым⁶. Мужественно сражались и комсомолки Стрелецкого истребительного батальона, находившиеся в составе Дзержинского полка народного ополчения⁷. В ноябре 1941 года личный состав истребительных батальонов был передан в ряды Красной армии. Забегая вперед, отметим, что по мере освобождения территории области от немецко-фашистских оккупантов стали воссоздаваться истребительные батальоны численностью от 100 до 200 человек для борьбы с диверсантами противника⁸. Судя по докладной записке руководства УНКВД Курской области на имя начальника Центрального штаба истребительных батальонов НКВД СССР полковника Б.П. Трофимова, они комплектовались «из подростков 1927 г[ода] р[ождения] и женщин-комсомолок»⁹. В мае 1945 года истребительные батальоны были расформированы.

Наряду с истребительными батальонами с июля 1942 года в области началось формирование частей народного ополчения¹⁰.

Собрания по созданию ополчения вылились в яркую демонстрацию единения Красной армии и трудящихся. Так, учительница Т.К. Булгакова из Тимского района в заявлении писала: «Я клянусь, что от всей души, до последнего дыхания буду защищать Родину до полного уничтожения фашизма — врага всего прогрессивного человечества»¹¹. 12 июля 1941 года рабочие и служащие Курской биофабрики, в большинстве женщины, на собрании решили вступить в народное ополчение. Председатель профкома фабрики В.М. Мазалова на митинге сказала: «Рука каждого горячо любящего Родину тянется к оружию, чтобы встать на ее защиту... Я призываю всех женщин, кто еще не вступил, вступить в народное ополчение»¹².

В ряде случаев в полки народного ополчения вступали семьями — муж, жена, а иногда и дети. Так поступила, например, семья Ф.И. Здановского из Дзержинского района г. Курска.

Отметим, что в формировании народного ополчения женщины являлись в основном медицинскими работниками. Так, в составе Кировского полка был санитарный батальон, возглавляемый начальником врачебно-санитарного участка Курского железнодорожного узла М.Н. Шахаевым. В санбате насчитывалось 566 женщин, обучавшихся военному делу в хирургическом отделении железнодорожной поликлиники¹³, в том числе медсест-

Партизаны Курской области в бою
1943 г.

Бомбардировка Курского железнодорожного узла
2 июня 1943 г.

ры В.Н. Хлебникова, М.А. Бутова, Л.А. Бартошевич, санинструкторы Т.Ф. Должикова, Т.Г. Рассолова, Е.А. Булатникова¹⁴. В Ленинском полку 26 женщин находились в составе медицинской службы, среди них медсестры В.М. Евдокимова, В.И. Ряполова, В.С. Пахомова, А.Б. Боброва, Н.В. Михеева и многие другие¹⁵.

К 15 августа 1941 года военный отдел Курского обкома ВКП(б) подвел первые итоги формирования частей народного ополчения. К этому времени в них по спискам значилось 119 239 человек, из них 36 044 женщины¹⁶. В полках народного ополчения Курска из 10 757 записавшихся числилось 4853 женщины, в Льгове — 1741, Белгороде — 1963, Дмитриеве — 634, Рыльске — 299 женщин. Наибольшее число женщин, записавшихся в ополчение, отмечалось в Льгове, Белгороде, Чернянке, наименьшее — в Верхнем Любаже, Обояни, Судже, Прохоровке.

В каждом полку народного ополчения организовывались курсы по подготовке медсестер и сандружинниц. Так, при медсанбате ополчения Ленинского района г. Курска профессорско-преподавательским составом мединститута был создан учебный центр, в котором овладевали медико-санитарными специальностями 1073 женщины¹⁷. В ополчении Сталинского района в двух группах готовились 430 медицинских сестер в возрасте до 35 лет. В полку были созданы 32

сандружины, которые охватывали подготовкой 90 проц. женщин — бойцов ополчения. В ополчении Дзержинского района имелось 5 групп по подготовке медсестер, в которых занимались 172 женщины, 6 сандружин (189 женщин) и 111 санпостов (460 женщин)¹⁸.

В Белгороде на курсах медсестер занимались 235, на курсах подготовки сандружинниц — 132 женщины. Заведующий военным отделом Ивнянского РК ВКП(б) — начальник штаба полка народного ополчения А.М. Плохих докладывал заведующему военным отделом обкома И.Н. Лоскутову, что «занятия с женщинами проводятся по ГСО и ПВХО, для чего закреплен медперсонал и инструкторы...»¹⁹.

ВНАЧАЛЕ октября 1941 года гитлеровские войска вступили в пределы Курской области. Многие из женщин-бойцов ополченческих формирований в эти дни проявили настоящий героизм. В.П. Панова — учительница Радубежской школы Фатежского района, ушедшая с бойцами Фатежского полка на рубежи обороны Курска, вынесла с поля боя раненого командира роты И.М. Найденова. Учительница начальной школы из пос. Новая Жизнь Михайловского района П.Г. Гукина неоднократно помогала солдатам и офицерам Красной армии, попавшим в окружение²⁰.

Бои за г. Курск начались 1 ноября 1941 года и продолжались двое суток. 2 ноября на улице Карла Маркса и в районе

медицинского института шел бой. Подняв бойцов в атаку, погиб отважный комбат А.С. Марашев. Фашисты, заняв трамвайный парк, установили там орудие с целью обстрела баррикады на улице Ленина. Ополченцы метким огнем уничтожили расчет вражеского орудия. В этом бою отважно сражались женщины-ополченцы из Фатежского района В.П. Панова, В.А. Плохих и другие. Мужественно выполняли свой долг медицинские сестры Ленинского полка народного ополчения: Т.П. Кондратова, Т.Ф. Должикова, Е.И. Арепьева, сандружинницы К.И. Лучкина, Н.В. Михеева. Бывшая студентка мединститута, медсестра 7-й роты 3-го батальона Т.П. Кондратова и сандружинница 2-го батальона А.Ф. Букреева, перевязывая раненых ополченцев на баррикаде, оказались в окружении. Но девушки не растерялись. Т.П. Кондратова бросила гранату в приближавшихся фашистов. Воспользовавшись замешательством, они вышли к боевым позициям ополченцев²¹, а Т.Ф. Должикова, сама будучи контуженной, вывела с поля боя раненого комиссара батальона²².

После отхода из Курска ополченцы вступили в ряды 2-й гвардейской, 87-й и 160-й стрелковых дивизий. В их числе были В.П. Панова, В.А. Плохих, Н.В. Михеева, Т.Ф. Должикова, А.Г. Толмачева, Г.В. Подкопаева. В бою за с. Сенчуковку Черемисиновского района Курской области погибла медсестра 395-го

Ветераны специальных формирований НКПС.
В центре: слева – Н.П. Власова, работник ВЭО-14, справа – С.Д. Новикова, помощник машиниста паровозной колонны № 8

Ополченцы – участники обороны Курска 1941г.
В центре слева направо: Г.В. Подкопаева – разведчица, М.С. Смирнова – помощник машиниста бронепоезда, А.Г. Толмачева – разведчица, Н.Д. Непогодина – помощник машиниста бронепоезда

Октябрь, 1986 г.

гвардейского стрелкового полка 2-й гвардейской дивизии — бывшая медсестра 2-го курского родильного дома Е.И. Арепьева. В ходе боя она пыталась вытащить в безопасное место раненого политрука и была раздавлена гусеницами вражеского танка²³.

Многие из женщин, вступивших в ряды ополчения в северо-западных районах области (Михайловский, Хомутовский, Дмитриевский, Конышевский и др.), стали партизанами или их активными помощницами, содействовали бытовому и продовольственному снабжению партизанских отрядов и подпольных групп.

Женщины Курской области в годы Великой Отечественной войны активно работали и в составе специальных формирований Наркомата путей сообщения, в том числе в 14-м военно-эксплуатационном отделении (ВЭО), сформированном в основном из курских железнодорожников (начальник — И.А. Родионов). Огромная тяжесть на их плечи легла в период подготовки и проведения Курской битвы. С марта по август 1943 года коллектив ВЭО-14, насчитывавший 3500 человек, среди которых было более 700 женщин²⁴, в условиях массированных вражеских бомбежек (наиболее

ожесточенная произошла 2 июня 1943 г., в ней участвовало свыше 520 самолетов) обеспечивал бесперебойное продвижение воинских эшелонов на участках Касторное — Курск, Курск — Поньры и Курск — Льгов²⁵. Только работники станции Курск с апреля по июль 1943 года (в этот период станцию 29 раз бомбили в общей сложности 1247 вражеских самолетов, сбросивших более 11 тыс. бомб) обеспечили прием и отправку 5245 поездов с военными грузами²⁶.

Ожесточенные бомбежки, массированные разрушения железнодорожных путей вынудили руководство ВЭО-14 организовать мобильные путевые подразделения — восстановительные бригады, так называемые летучки, в которых также трудилось большое количество женщин. Это, например, три сестры Верютины, путевые рабочие А.В. Дрынова, П.Я. Семенова, К.А. Смахина, М.Н. Смольянова, Анна и Александра Зубковы.

ОСЕНЬЮ 1942 года на железнодорожных участках, примыкавших к Сталинграду, широкое применение получили созданные на Московском железнодорожном узле подвижные военно-эксплуатационные формирования — паровозные колонны особого резерва Нар-

комата путей сообщения (ОРКП НКПС). Всего было создано 30 колонн с 630-ю паровозами²⁷. В каждой ОРКП работали и женщины — проводники вагонов-теплушек, медперсонал, а нередко и поездные вагонные мастера.

Большинство женщин-курянок трудились в составе 8 и 9 ОРКП. Многие из них проявили стойкость и мужество. Так, 11 апреля 1943 года во время бомбежки Курского узла от прямого попадания бомбы загорелся вагон со снарядами. Пламя угрожало перекинуться на цистерны с бензином, стоящие на боковом пути. Старший машинист ОРКП-8 И.В. Жданов, рискуя жизнью, провёл свой паровоз через стену огня и вывел вагоны с бензином в безопасное место. Проводник вагона этой бригады курянка П.А. Сопкина вытаскивала из огня раненых, оказывала пострадавшим первую помощь. Приказом НКПС от 24 августа 1943 года П.А. Сопкина была награждена знаком «Почетному железнодорожнику».

Отлично работали в сложных фронтowych условиях вагонный мастер К.М. Синюткина, проводник Т.А. Баранова и многие десятки других женщин-курянок.

НЕМАЛО курских женщин участвовали в партизанском движении²⁸. Это была молодежь в возрасте

В.М. Диканова

К.М. Витяева

**Т.И. Морозова
(Тарасова)**

хангельском районе, она не только доставила сведения о противнике, но и создала в этом районе разведывательную группу. В октябре Балабанова в обстановке блокады партизанских отрядов доставила для диверсионных групп в гор. Курск взрывчатые вещества, которыми было уничтожено 5 паровозов и 22 вагона...»³⁴. Бесстрашная разведчица Е.П. Балабанова была представлена к

18—25 лет, по социальному составу преобладали выходцы из крестьянской среды, бывшие учителя, младшие и средние медресисты, учащиеся. Большая часть женщин-партизанок являлись поварами, кухонными рабочими, прачками, но немало было разведчиц, связников, подпольщиков²⁹. Отважными разведчицами рекомендовали себя К.В. Молчанова – бывший секретарь райкома ВЛКСМ, К.А. Софронова, О.Д. Бобкова, А.Г. Ермакова, В.И. Козлова, В.Г. Небогатых и другие девушки. Они неоднократно ходили на задание, проводили глубокую разведку в Орле, Брянске, Курске, Льгове, собирали ценные сведения о немецких гарнизонах, участвовали в проведении диверсий на железнодорожных коммуникациях, особенно на дороге Льгов — Брянск³⁰. К.В. Молчанова и К.А. Софронова в 1946 году были награждены орденами Отечественной войны 2-й степени, О.Д. Бобкова, А.Г. Ермакова, В.Г. Небогатых и ряд других — медалями «За отвагу».

В числе бесстрашных партизанских разведчиц была А.А. Филина, неоднократно проникавшая в расположение вражеских частей. По ее данным партизанам удалось разгромить немецкие гарнизоны в Амони, Высоком, Долбенкино, уничтожив при этом более 150 вражеских солдат и полицейских. В октябре 1942 года партизанские разведчицы А.А. Филина, С.П. Гладышева и В. Сабитова подорвали неподалеку от станции Отрешково вражеский эшелон, уничтожив

паровоз, 24 вагона, 4 танка, более 100 вражеских солдат³¹.

В июне 1942 года в Троснянский партизанский отряд вступила комсомолка Т.М. Манухина. Вместе с А.А. Филиной она дважды побывала в Орле, трижды в Курске, Брянске, Севске, Льгове, где собирала ценные сведения. В Курске Т.М. Манухина не раз останавливалась на квартире у З.Ф. Волобуевой, которая помогала партизанке в сборе разведанных. За свои подвиги Т.М. Манухина была отмечена медалями «За отвагу», «Партизану Отечественной войны» 2-й степени³².

Наиболее отважными разведчицами 1-й Курской партизанской бригады были Е.П. Балабанова, Ю.С. Кузнецова, К.М. Витяева³³.

В докладной записке Курскому обкому ВКП(б) о работе комсомольских организаций на временно оккупированной территории области секретарь обкома ВЛКСМ Г.Г. Мачулин отмечал, что «осенью 1942 г. благодаря своевременно доставленным [Е.П. Балабановой] сведениям о противнике был предотвращен разгром Троснянского партизанского отряда. Проникая в расположение противника, Катя всегда распространяет советские листовки и проводит массово-разъяснительную работу среди населения. В сентябре 1942 г. Балабанова, попав в опасное положение в гор. Льгове, вырвалась из рук врага и доставила в отряд разведывательные данные. В этом же месяце, находясь в разведке в Мало-Ар-

ордену Красного Знамени³⁵.

Весной 1942 года к партизанам из окружения пришла медсестра К.М. Витяева. Вместе с А.А. Филиной, Ю.С. Кузнецовой она неоднократно бывала в Курске, поддерживала связь с разведывательно-диверсионной группой на Курском железнодорожном узле, возглавляемой паровозным машинистом П.П. Бабкиным. К.М. Витяева останавливалась как в доме Бабкиных (Театральная, 12), так и на квартире Т.Н. Белогуровой (Мурыновский переулок, 52), которая помогала разведчицам в сборе сведений³⁶. В наградном листе К.М. Витяевой, представленной к ордену Отечественной войны, отмечалось, что она в отряде с мая 1942 года, 16 февраля 1943 года принесла ценные сведения об обороне немцев. 18 февраля 1943 года под сильным огнём противника, который вел бой с партизанами за село Клишино Михайловского района, вынесла с поля боя двенадцать человек бойцов с оружием³⁷.

ВБОРЬБЕ с врагом многие курянки погибли. Так, разведчица Белгородского партизанского отряда М.К. Ушакова 15 декабря 1941 года во время встречи на явочной квартире была выслезлена сельской старостой Т.А. Спесивцевым и выдана оккупантам. Через два дня ее расстреляли в с. Мясоедово на глазах жителей. Вместе с ней погибли еще 10 юношей и девушек, саботировавших мероприятия немецкого командования³⁸.

Памятный знак
на партизанской могиле

По доносу предателя была схвачена и казнена 10 апреля 1942 года в районном центре Крупец А.А. Зайцева, посмертно награжденная орденом Красного Знамени³⁹.

18-летнюю В.М. Терещенко в октябре 1942 года выдал фашистам староста Бушнев. После продолжительных допросов, сопровождавшихся пытками и издевательствами, девушку 16 октября 1942 года повесили в городском сквере⁴⁰. Та же участь постигла 19-летнюю разведчицу Михайловского партизанского отряда В.М. Диканову, которую опознал один из полицаяев. Разведчица была арестована и 20 ноября 1942 года повешена в слободе Михайловка. Перед казнью В.М. Дикановой арестовавший ее предатель С. Сопляков гвоздями прибил к груди девушки табличку «Партизанка»⁴¹.

Выполняя разведывательные задания в тылу противника, погибли первый секретарь Ленинского райкома ВЛКСМ г. Курска Т.П. Кравченко, секретари Солнцевского РК ВЛКСМ М.П. Бобнева, Ленинского (сельского) — М.Р. Мякотина, Дзержинского г. Курска — Г.Г. Орлова⁴².

Важное значение в организации боевой деятельности партизан имело обеспечение их устойчивой радиосвязью с Большой землей. С 15 сентября 1942 по март 1943 года радисткой-шифроваль-

щицей в 1-й Курской партизанской бригаде служила Т.И. Тарасова. Ей удавалось постоянно поддерживать связь с разведотделами воинских частей Брянского фронта, Брянским штабом партизанского движения. За образцовое выполнение боевых заданий Т.И. Тарасова была награждена орденом Красной Звезды⁴³.

Не менее значимо для партизан было и медицинское обеспечение. Разумеется, всех женщин — врачей и медсестер, находившихся в партизанских отрядах, не перечислить, но есть и такие, имена которых хорошо известны в Курской области. Так, 5 мая 1942 года в штаб отряда им. В.И. Чапаева (командир — майор Н.С. Исаев), размещавшийся в поселке спиртзавода, пришла шестнадцатилетняя Е.О. Мымрикова с просьбой принять ее в отряд. После нескольких отказов командование уступило настойчивым просьбам комсомолки. Екатерина Мымрикова отлично исполняла обязанности санитарки-инструктора, часто оказывала помощь раненым. В июне в бою с карателями у с. Новониколаевка Е.О. Мымрикова, поднявшись во весь рост, повела в атаку партизанскую группу, но получила смертельное ранение⁴⁴.

В апреле 1942 года в бою с немецким гарнизоном в с. Пигоревка Средино-Будского района Сумской области медсестра партизанского отряда им. Боженко А.М. Бояринцева вынесла с поля боя трех раненых. В феврале 1943 года она была награждена медалью «Партизану Отечественной войны» 2-й степени⁴⁵.

Всего же в июле 1946 года орденами и медалями были отмечены более 240 партизан Курской области, из них 40 женщин⁴⁶. Это говорит о том, что многие женщины, входившие в состав добровольческих военизированных формирований, внесли весомый вклад в дело достижения Победы, проявили себя мужественными и стойкими защитницами Родины.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Воен.-истор. журнал. 1996. № 1. С. 9, 10.

² Государственный архив общественно-политической истории Курской области (ГАОПИКО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 2609. Л. 59—61.

³ Там же. Д. 2616. Л. 57; Д. 2773. Л. 1, 5, 11. Имеются и другие данные о численности истребительных батальонов области в 1941 г. Так, в докладной записке руководству УНКВД о работе 4-го отдела, направленной в октябре 1942 г. в адрес Курского областного комитета ВКП(б), значится, что к августу 1941 г. в области было создано 70 истребительных батальонов численностью 10 544 человека. См.: там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 26. Л. 21 об.

⁴ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2616. Л. 57—61; Д. 2619. Л. 34—36; Д. 2773. Л. 1, 2.

⁵ Суровая правда войны. 1941 год на Курской земле в документах архивов. Часть 1. Курск, 2002. С. 191, 192.

⁶ Истребительные батальоны Липецкого края в годы Великой Отечественной войны. Липецк, 2005. С. 16.

⁷ Информационный центр Управления внутренних дел Курской области (ИЦ УВД КО). Ф. 38. Оп. 1. Д. 8. Л. 16.

⁸ Пилишвили Г.Д. Боевое взаимодействие истребительных батальонов и войск Красной армии в Центрально-Черноземном регионе РСФСР (июнь 1942 — июль 1942 гг.) Воен.-истор. архив. 2006. № 8 (80). С. 69.

⁹ ИЦ УВД КО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 14. Л. 4.

¹⁰ Особенностью ополченческих формирований являлось то, что на их создание и боевую подготовку тратилось в 5—6 раз меньше времени, чем на формирование кадровых стрелковых частей.

В короткий срок был решен вопрос денежного обеспечения ополченцев. Так, постановлениями ГКО № 84 от 10 июля и № 156 от 15 июля 1941 года «О денежном обеспечении лиц, вступивших в народное ополчение» был определен порядок выдачи денежного довольствия в частях ополчения, сохранялись зарплаты ополченцев по их прежнему месту работы. Постановлением ГКО № 1567 от 9 апреля 1942 года «О порядке денежного обеспечения лиц, вступивших в народное ополчение, истребительные батальоны и партизанские отряды...» был определен новый порядок содержания ополченцев. Они обеспечивались Наркоматом обороны СССР денежным и материальным довольствием по нормам, действовавшим в Красной армии.

¹¹ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2774. Л. 73; Курский край. Науч.-истор. журнал. 2000. № 4—5 (13—14). С. 5.

¹² Курская область в период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг. Сб. документов и материалов. Т. 1. Курск, 1960. С. 81.

¹³ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2774. Л. 1, 7.

¹⁴ Там же. Ф. П-2160. Оп. 1. Д. 129. Л. 162; Д. 130. Л. 54; Ф. П-2. Оп. 1. Д. 7. Л. 5.

¹⁵ Там же. Д. 6. Л. 9, 144.

¹⁶ Там же. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2774. Л. 25.

¹⁷ Там же. Л. 20, 21.

¹⁸ Там же. Л. 52.

¹⁹ Там же. Л. 48, 57.

²⁰ Там же. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 358. Л. 236, 258; Курский край... 2000. № 4—5 (13—14). С. 12.

²¹ ГАОПИКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 6. Л. 9, 102, 148; Д. 8. Л. 22.

²² Городские известия. 2006. 9 ноября.

²³ ГАОПИКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 356. Л. 36; Курская правда. 1942. 7 мая.

²⁴ Наибольшее количество привлеченных к работам на прифронтовых участках женщин насчитывалось в коллективах Шигровской дистанции пути, 7-й Курской дистанции сигнализации и связи, 5-го Курского вагонного участка. С первых дней восстановления Шигровской дистанции пути в ее состав с 10 по 24 февраля 1943 г. были приняты до 150 молодых женщин, выполнявших в зимних условиях самые тяжелые путевые работы. Среди них были ст. путевая рабочая колонны П.Я. Семенова, путевые рабочие дистанции А.В. Боровлева, А.А. Тихонова, В.К. Вереина, М.Н. Смольникова, К.А., В.В., М.И. Смахины и многие другие. См.: Архив управления Московской железной дороги (АУМЖД). Ф. 219. Оп. 1-л. Д. 1. Л. 94, 95, 157—161.

²⁵ Там же. Ф. 219. Оп. 1-л. Д. 1. Л. 95, 157—161.

²⁶ Манжосов А.Н. Железнодорожники России в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Курск, 2003. С. 132, 218.

²⁷ 217 человек работали в колоннах с 15 паровозами, 425 человек — с 30 паровозами серии Э.

²⁸ Архив Управления ФСБ РФ по Курской области (АУФСБ РФ КО). Ф. 4-го отд. УНКВД КО. Д. 191. Т. 1. Л. 38—40.

²⁹ ГАОПИКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 356. Л. 12; Д. 358. Л. 238, 257; Д. 368. Л. 3; Д. 384. Л. 18.

³⁰ Там же. Д. 369. Л. 34, 54; Д. 370. Л. 4, 5, 9, 16, 34; Л. 34, Д. 384. Л. 60, 75.

³¹ Там же. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 358. Л. 251; Д. 384. Л. 93; Народные мстители. Воспоминания курских и бел-

городских партизан и подпольщиков. Воронеж, 1966. С. 183, 184.

³² ГАОПИКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 379. Л. 10; Д. 380. Л. 78; Д. 381. Л. 217.

³³ Там же. Д. 205. Л. 62, 63; Д. 207. Л. 38; Д. 368. Л. 3, 17; Д. 369. Л. 13; Д. 384. Л. 18, 29, 55.

³⁴ Курская область в период Великой Отечественной войны... С. 327—329.

³⁵ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 41. Д. 117. Л. 18. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 июля 1946 г. Е.П. Балабанова была награждена орденом Отечественной войны 1-й степени. См.: ГАОПИКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 384. Л. 18; Курская правда. 1946. 21 июля.

³⁶ ГАОПИКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 368. Л. 13; Д. 380. Л. 34; Д. 384. Л. 55.

³⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 41. Д. 117. Л. 32.

³⁸ ГАОПИКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 207. Л. 3; Д. 368. Л. 34. В июле 1946 г. М.К. Ушакова посмертно была награждена орденом Отечественной войны 1-й степени. См.: Курская правда. 1946. 21 июля.

³⁹ Гусев П.В. В тылу врага. Курск, 2006. С. 136. По представлению Курского обкома ВКП(б) А.А. Зайцева указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 июля 1946 г. была посмертно награждена и орденом Отечественной войны 1-й степени. ГАОПИКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 368. Л. 10.

⁴⁰ ГАОПИКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 205. Л. 26, 43, 44; Д. 207. Л. 46; Д. 358. Л. 250, 254; Д. 368. Л. 31; Злуникин В.Г. Вера: Повесть. Воронеж. 1965. С. 68; В июле 1946 г. В.М. Терещенко посмертно была награждена орденом Отечественной войны 1 степени. См.: Курская правда. 1946. 21 июля.

⁴¹ Народные мстители... С. 176, 177.

⁴² ГАОПИКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 205. Л. 125—127; Д. 358. Л. 255.

⁴³ Там же. Д. 358. Л. 107, 108; Д. 384. Л. 127; Федосюткин А.Д. На земле железной (записки комиссара Первой Курской партизанской бригады) // Курские мемуары. Науч.-истор. журнал. 2006. № 1. С. 41, 104—108. Т.И. Морозова (Тарасова) впоследствии проживала в Москве и работала в отделе кадров Большого театра СССР.

⁴⁴ Исаев Н.С. Чапаевцы // Народные мстители. Воронеж, 1966. С. 76—79.

⁴⁵ ГАОПИКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 382. Л. 47.

⁴⁶ Там же. Д. 386. Л. 45—57.

**В.В. КОРОВИН;
А.Н. МАНЖОСОВ;
Н.Н. ПОЖИДАЕВА**

КНИЖНАЯ ПОЛКА
ВОЕННОГО ИСТОРИКА

ПАРТИЗАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ

Обложка
книги

УВИДЕЛ свет научный труд*, подготовленный кандидатом исторических наук В.В. Коровиным. В нем всесторонне исследована проблема формирования, организационного укрепления и особенностей боевой деятельности партизанских отрядов Курской области, составлявших основу партизанского движения в Центральном-Черноземном районе.

Первая глава «Основные этапы организации сопротивления немецко-фашистским захватчикам на территории временно оккупированных районов Курской области в 1941—1943 гг.» повествует о подготовительной работе по формированию партизанских отрядов и подпольной разведывательно-диверсионной сети. В ней раскрываются особенности развертывания партизанского движения в начальный период оккупации гитлеровцами территории Курской области (осень 1941 — зима 1941/42 гг.). Рассматриваются также мероприятия по централизации руководства и расширению партизанского движения весной—летом 1942 года. Завершает главу анализ заключительного этапа организации партизанской борьбы на территории области (осень 1942 — первая половина 1943 г.).

Во второй главе «Боевая деятельность партизанских отрядов и бригад Курской области» речь идет о диверсиях на коммуникациях и военных объектах противника, разведке вражеского тыла, рассматривается борьба с гарнизонами и карательными экспедициями немецко-фашистских войск и полицейских формирований. Завершает главу анализ агитационно-разъяснительной работы с населением оккупированных районов, а также взаимодействия партизан с подпольными организациями и разведывательно-диверсионными группами НКВД.

В результате введения в научный оборот широкого круга ранее закрытых источников, воспоминаний участников изучаемых событий, автору удалось внести существенные изменения в традиционные представления о ходе партизанской борьбы, найти принципиально новые подходы к осещению истории партизанского движения в Центральном Черноземье.

* Коровин В.В. Партизанское движение на территории Курской области в 1941—1943 гг. Изд. 2-е, испр. и доп. Курск: ЮМЭКС, 2006. 128 с.

Е.С. ДАНИЛИНА

МУСУЛЬМАНСКОЕ ДУХОВЕНСТВО В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941–1945 гг.

История взаимоотношений мусульманского духовенства с советской властью в годы войны пока еще не получила достаточного освещения.

Большинство архивных источников до сих пор не введено в научный оборот. По сей день можно встретить укоренившееся ошибочное представление, рисующее духовенство врагом советской власти и разжигателем антисоветских настроений среди населения. В предлагаемой вниманию читателей «Военно-исторического журнала» работе автор попытался осветить эту малоизученную тему в основном на материалах, хранящихся в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) в Москве и Центрального государственного архива Республики Дагестан (ЦГА РД) в Махачкале. При этом главное внимание уделяется ситуации, сложившейся в 1940-е годы в советском Дагестане.

ВЕЛИКАЯ Отечественная война внесла существенные коррективы в отношения государства с духовенством и верующими, в том числе мусульманами. Власти пришлось отказаться от прежней практики жесткого давления на религию и перейти к частичным уступкам верующим в СССР. Практически была свернута атеистическая пропаганда во всех ее проявлениях; на местах не препятствовали открытию храмов и молитвенных домов, закрывали глаза на активизацию деятельности служителей культа. Из тюрем и лагерей было выпущено некоторое количество мусульманских духовных лиц¹. К 1941 году фактически прекратил свою деятельность Союз воинствующих безбожников². По мнению отдельных исследователей, краткая «атеистическая оттепель» в конфессиональной политике советского правительства, наступившая в 1943 году, продолжалась до 1948 года³.

По сути дела, во второй трети 1940-х годов в СССР были официально восстановлены основные религиозные обряды мусульман, известные как пять столпов ислама: единобожие, пятикратная ежедневная молитва, сбор закята (религиозного налога) и раздача за его счет милостыни бедным, пост и паломничество — хадж. Сначала основные, а за ними и республи-

ликанские и районные власти санкционировали проведение ежедневной пятикратной и коллективной пятничной молитвы. Вслед за тем было признано право верующих мусульман собирать закят⁴. С 1944 года отдельным лояльным к государству мусульманам было разрешено отправляться в хадж, что рассматривалось правительством как одно из средств налаживания связей с колониальными и освободившимися от зависимости Западом мусульманскими странами третьего мира. Первым из дагестанцев в возобновившийся хадж отправился в 1945 году Магомед Курбанов, в дальнейшем председатель (муфтий) Духовного управления мусульман Северного Кавказа (1950—1975).

Эти меры были верным тактическим ходом советского правительства, поскольку в первые же месяцы войны выявилась пагубность политики советской власти по отношению к религии и церкви. У советского руководства рассеялись существовавшие иллюзии о грядущей победе над религией, тем более что широко разрекламированная «безбожная пятилетка» (1932—1937) была провалена. Война сплотила советских людей вне зависимости от национальной и религиозной принадлежности. Несмотря на репрессии 1930-х годов, обру-

шившиеся на духовенство, в том числе и на мусульманское, последнее не изменило советской власти в годы войны и несло все ее тяготы наравне со всеми советскими людьми. Попытки фашистской Германии в антисоветских целях использовать религиозный, прежде всего исламский, фактор на Северном Кавказе и в других прифронтовых регионах в целом не увенчались успехом⁵.

В самые тяжелые первые годы войны большинство мусульманских организаций и служителей культа заняли патристическую позицию. Состоявшийся 15—17 мая 1942 года в Уфе съезд мусульманского духовенства страны принял обращение ко всем мусульманам Советского Союза с призывом беспощадно бороться с гитлеровскими убийцами и насильниками, самоотверженно трудиться в тылу, организовывать сбор денег и вещей в фонд обороны⁶. Обращение зачитывалось в официально функционирующих на то время мечетях, на сходах жителей. Участники митинга мусульман Средней Азии, проведенного с санкции властей в Ташкенте 31 января 1943 года, призвали бойцов Красной армии до последней капли крови стоять за Отечество и объявили войну за веру (газават) немецким оккупантам⁷. Известный исследователь ислама в России Саидбаев считает такую позицию мусульманского духовенства логичным проявлением его лояльности по отношению к советской власти, что отмечалось еще в 1920-е годы⁸.

С другой стороны, мусульманское духовенство страны попыталось использовать сложившееся положение, чтобы добиться легализации своей деятельности и открытия молитвенных домов. Проводившиеся в те годы съезды духовенства (возможно, не без подсказки со стороны правительства) обращались к властям СССР с просьбой учредить региональные муфтияты и единое общесоюзное управление ими. Так, 12 июля 1943 года высшее

мусульманское духовенство Средней Азии приняло заявление на имя председателя Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калинина. В нем, в частности, говорилось: «За период Отечественной войны все честные представители мусульманского духовенства твердо заняли патриотическую позицию, призывая верующих мусульман [встать] на защиту Родины и оказывать помощь фронту... Мусульманское духовенство прилагает все усилия к тому, чтобы скорее разгромить врага. Однако отсутствие единого духовного центра мусульман в Средней Азии не дает возможности мусульманскому духовенству оказывать более организованную помощь нашему правительству в его усилиях как на фронте, так и в тылу»⁹.

Союзные власти пошли навстречу этим пожеланиям. Первым в соответствии с их санкцией было образовано Духовное управление мусульман Средней Азии и Казахстана (САДУМ). Учредительный съезд представителей мусульманского духовенства и верующих этого региона состоялся 26 августа 1943 года в Ташкенте. Съезд принял обращение к Председателю Совета Народных Комиссаров СССР и Верховному Главнокомандующему И.В. Сталину с выражением поддержки воюющего с врагом советского народа¹⁰. Вскоре после этого в Баку было образовано Закавказское духовное управление мусульман (ЗДУМ). 20 июня 1944 года состоялся организационный съезд духовенства Северного Кавказа, на котором было создано Духовное управление мусульман Северного Кавказа (ДУМСК). Съезд также принял обращение от имени мусульманского духовенства и верующих региона на имя И.В. Сталина¹¹. Под обращением подписались 15 членов президиума съезда, в том числе все муфтии образованных к этому времени региональных Духовных управлений мусульман, включая центральное в Уфе, существовавшее в Волжско-Уральском регионе с 1917 года.

В обращении учредительного съезда ДУМСК, в частности, говорилось: «Мусульманское духовенство Северного Кавказа, как и остальных республик и областей Советского Союза, с первых дней Отечественной войны разъяснило верующим мусульманам, что защита Родины является их священным долгом... Мы призывали и призываем всех верующих мужчин

и женщин, идущих в армию и работающих в тылу, сражаться с врагом, не щадя своего живота, до полного его истребления; работать в тылу, не жалея своих сил, для того чтобы приумножить силу и мощь нашей армии и нашего Отечества»¹². От имени всех мусульман Северного Кавказа ДУМСК обещало «впредь еще усилить свои молитвы об ускорении часа окончательного низвержения в прах гитлеровского преступного государства и его разбойничьего войска и о ниспослании победы нашему Советскому государству и его славным союзникам»¹³.

ВЫСШЕЕ мусульманское духовенство страны привлекалось государством к антифашистской агитации в тылу. Советским аппаратом заранее готовились статьи, с которыми самые авторитетные муфтии должны были выступить на страницах газет и журналов, в мечетях. Например, от имени казия и имама соборной мечети г. Ташкента Зияутдина Ишана Бабаханова, вскоре избранного муфтием САДУМ, была подготовлена статья «Фашизм — враг правоверных мусульман». Другая пропагандистская статья — «Участие мусульманского духовенства в борьбе народов Союза ССР против гитлеровской Германии» пошла в печать за подписью муфтия ЦДУМ Г. Расулева¹⁴. Духовенство привлекалось к тому, чтобы своими призывами активизировать патриотические чувства у мусульман и тем самым способствовать улучшению работы на колхозных полях и сбора средств в фонд победы.

В своей беседе с председателем Совета по делам религиозных культов И.В. Полянским муфтий САДУМ Ишан Бабахан Абдул-Меджитханов выразил пожелание представлять особо отличившихся руководителей духовенства к государственным наградам за вклад в борьбу против фашизма. Однако такая мера поощрения мусульманских духовных лиц советским чиновником показалась нецелесообразной¹⁵. Вместо этого официально признанное в годы войны духовенство получило ряд льгот. Согласно постановлению, принятому 26 февраля 1945 года Комиссией при Совнаркомом СССР по освобождению и отсрочкам от призыва по мобилизации года, служители мусульманского культа, отправлявшие религи-

озные службы в молитвенных зданиях, освобождались от призыва в Красную армию¹⁶. Эта льгота распространялась на духовенство всех конфессий на территории СССР. Основанием для освобождения служили справки уполномоченных Совета по делам религиозных культов, удостоверявшие действительную принадлежность подлежащего призыву служителя культа к действующему религиозному обществу, уже зарегистрированному или подлежащему регистрации¹⁷.

Органы советской власти в республиках в целом позитивно оценивали создание муфтият и общий курс на легализацию ислама в СССР. В частности, народный комиссар госбезопасности Дагестанской АССР М. Калининский в спецсообщении секретарю Дагестанского обкома партии А. Алиеву от 9 января 1945 года докладывал о том, что после создания ДУМСК в религиозной и общественной жизни мусульманского духовенства Дагестана произошли значительные положительные изменения. Он признавал вклад духовенства в активизацию патриотической работы среди верующих. Она выражалась в призывах к честному и добросовестному отношению к общественному труду, вознесении молитв за победу Красной армии, которые звучали в проповедях во время молебнов, в сборе средств в фонд победы и оказании помощи колхозам во время полевых работ¹⁸.

В АРХИВАХ сохранились тексты ряда патриотических выступлений руководителей мусульманского духовенства Дагестана в годы Великой Отечественной войны. Так, при открытии мечети в селении Нижнее Казнище Буйнакского района 27 июля 1944 года перед собравшимися мусульманами выступил муфтий ДУМСК Хизри-кади Гебеков, который сказал: «Дорогие мои односельчане и правоверные братья! В ответ на заботу и внимание нашего правительства к нуждам религии ислама мы должны усилить помощь Красной армии, чтобы ускорить столь радостный для всего человечества час победы над врагом, еще лучше и организованней работать на колхозных полях, повысить производительность труда и дать продуктов сельского хозяйства Красной армии и стране»¹⁹.

Таких примеров можно привести достаточно много. 28 августа 1944 года в клубе селения Акуша Акушинского района состоялся митинг, посвященный принятию приветственной телеграммы на имя И.В. Сталина после успешно проведенного сбора средств для семей фронтовиков и в фонд восстановления города Севастополя. На митинге также выступил муэдзин мечети Магомед Омаров, выразивший свою благодарность советскому правительству и лично И.В. Сталину за открытие мечети. Он тут же внес три тысячи рублей в фонд восстановления города Севастополя и призвал остальных последовать своему примеру и честно работать в колхозе. В тот же день акушинцы собрали 50 тыс. рублей²⁰. Такой же митинг состоялся 4 сентября 1944 года при открытии Ботлихской мечети, на котором с патриотической речью выступил член президиума и будущий муфтий ДУМСК Магомед Курбанов. Он тоже призвал всех мусульман еще лучше работать в колхозе, беречь колхозное имущество и оказывать всяческую помощь Красной армии. После выступавшие колхозники дали обязательство рассчитаться с государством по всем видам обязательных поставок и выполнить план мобилизации средств к началу мусульманского праздника Уразы-байрама²¹. Выступивший на митинге 90-летний Магомед-Якубов Магомед-Али вознес молитву за победу Красной армии и за здоровье советских руководителей²².

Легализованное мусульманское духовенство помогало советской власти не только в патриотической пропагандистской работе, но и материально. Как уже отмечалось выше, его представители не раз отдавали свои сбережения в фонды помощи Красной армии и на восстановление разрушенных в годы войны городов и предприятий. Одно из направлений развернутой с помощью духовенства пропагандистской работы — укрепление колхозной дисциплины и прекращение хищений колхозной и государственной собственности. Состоявшееся 9—10 ноября 1944 года совещание ДУМСК создало фонд помощи сиротам погибших воинов Красной армии. Все кадии²³, присутствовавшие на совещании, перечислили в этот фонд месячные оклады и собрали 50 тыс. рублей, о чем муфтий сообщил телеграммой И.В. Сталину. 13 ноября 1944 го-

да муфтий Гебеков получил ответ и благодарственную телеграмму от И.В. Сталина²⁴. Это воодушевило духовенство и верующих на щедрые пожертвования в фонд помощи детям погибших на фронте воинов. В сентябре 1944 года кадий ботлихской мечети Сахратулла Мирзаев мобилизовал всех жителей аула и учащих школы на уборку колхозного урожая фруктов. Благодаря его проповедям в селении прекратились случаи хищения колхозной собственности и улучшилась посещаемость школы учащимися²⁵.

Вместе с тем не все в отношениях государства и мусульманского духовенства складывалось гладко. Верующие повсеместно, не дожидаясь разрешения советских органов власти, самовольно открывали молельные дома и мечети. Сообщений о таких нарушениях советского законодательства о культах особенно много поступало из Дагестана. Деятельность первых мечетей, закрытых в 1930-е годы, возобновилась летом—осенью 1944 года. До получения официального разрешения, к началу шиитского праздника шахсэй-вахсэй в 1944 году, который наступал 17 декабря, была открыта самая древняя в России историческая Дербентская джума-мечеть. Кадий мечети Мирахмед Сеидов во время богослужений произносил патриотические проповеди и призывал верующих молиться Аллаху о даровании многих лет жизни Верховному Главнокомандующему Маршалу Советского Союза товарищу Сталину, о даровании Красной армии скорой окончательной победы над врагом и проклинать немецко-фашистских захватчиков²⁶. На богослужении, состоявшемся 21 декабря 1944 года, в день 65-летия И.В. Сталина, кадий зачитал молитву о пожелании долголетней жизни мудрому вождю народов и великому полководцу товарищу И.В. Сталину²⁷.

Подобные верноподданнические заявления не могли помешать возникновению в случаях нарушения порядка открытия мечетей конфликтных ситуаций между официально признанным духовенством и уполномоченными Совета по делам религиозных культов, а также советскими и партийными властями на местах. Бывали случаи, когда последние препятствовали ДУМСК открытию мечетей даже после получения муфтиятом официального разрешения²⁸. Вместе с тем до конца 1940-х годов отноше-

ства с советской властью оставались достаточно «теплыми». Этот недолгий период религиозной оттепели необходимо учитывать при составлении общей картины истории существования ислама в нашей стране.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Нуруллаев А.А. Ислам и мусульмане в условиях советского режима // Ислам и мусульмане в России. М., 1996. С. 146.

² В 1947 г. Союз воинствующих безбожников был окончательно распущен, а его функции переданы обществу «Знание». Подробнее об этом см.: *Набиев Р.А.* Ислам и государство: Культурно-историческая эволюция мусульманской религии на Европейском Востоке. Казань, 2002. С. 98.

³ См.: *Одинцов М.И.* Государство и церковь в России: XX век. М., 1994. С. 114.

⁴ Нуруллаев А.А. Указ. соч. С. 146.

⁵ См.: *Бабаев А.-М.Б.* Кавказ в геополитике мировых держав в первой половине XX в. Махачкала, 2005. С. 22; *Алискеров И.Ш.* Влияние религиозных и этнических факторов на военно-политическую обстановку на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) // Религиозные организации Советского Союза в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). М., 1995. С. 84.

⁶ *Одинцов М.И.* Религиозные организации в СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., 1995. С. 52—56.

⁷ Нуруллаев А.А. Указ. соч. С. 144, 145.

⁸ *Саидбаев Т.* Ислам и общество. Опыт историко-социологического исследования. М., 1980. С. 188.

⁹ *Одинцов М.И.* Государство и церковь в России... С. 80.

¹⁰ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 6. Л. 32, 34, 42.

¹¹ Правда. 1944. 23 июня.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 6. Л. 5.

¹⁵ Там же. Д. 21. Л. 47.

¹⁶ Там же. Д. 10. Л. 2, 7.

¹⁷ См.: *Юнусова А.Б.* Ислам в Башкортостане. Уфа, 1999. С. 209.

¹⁸ Цит. по: *Сулейманов С.И.* Из истории чекистских органов Дагестана: Документальные очерки истории 1920—1945 гг. Махачкала, 2000. С. 201.

¹⁹ Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД). Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 6237. Л. 9.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. Л. 7.

²² Там же.

²³ Так назывались легализованные руководители мечетных общин, а в более широком понятии — мусульманские судьи.

²⁴ ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 6237. Л. 61.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. Д. 6239. Л. 13, 14.

И.Х. СУЛАЕВ

ВОЕННО-ШЕФСКАЯ РАБОТА МАСТЕРОВ ИСКУССТВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

23 июня 1941 года в Москве состоялся IV пленум Центрального комитета Профессионального союза работников искусств (ЦК Рабис), определивший задачи военно-шефской работы в условиях начавшейся Великой Отечественной войны. Участники пленума — известные деятели культуры призвали мастеров искусств к организации фронтовых артистических бригад. Обращение нашло горячий отклик среди творческих работников страны. Они выступали на призывных пунктах, в госпиталях, выезжали на фронт. Итоги первого года шефской работы (июль 1941 — июнь 1942 г.) подведены в докладной записке ЦК профсоюза, направленной в Секретариат ВЦСПС. Работниками искусств за этот период было проведено свыше 150 тыс. концертов. Участвовали в них Л.А. Русланова, Л.О. Утесов, К.И. Шульженко, другие артисты. Представленные документы — лишь малая часть хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации отчетов фронтовых артистических бригад о концертах на боевых позициях, в госпиталях, писем бойцов и командиров мастерам искусств с благодарностью за выступления перед фронтовиками.

Из отчета руководителя
военно-шефской комиссии МХАТ*

6 июня 1942 г.

За время с 22 июня по 13 октября 1941 г., до выезда МХАТ из Москвы в Саратов, театром было дано 126 концертов. За это же время в помещении театра состоялось 9 шефских спектаклей, в репертуар которых вошли пьесы «Враги», «Любовь Яровая», «Анна Каренина», «Три сестры», «Школа злословия», «Пиквикский клуб».

Военно-шефская работа МХАТ в Саратове началась 28 октября, за 2 недели до открытия спектаклей МХАТ. За семь месяцев, т.е. по 1 июня театр регулярно обслуживает госпитали г. Саратова, агитпункт и воинские части. С 1 января театр дает ежемесячно шефские спектакли. Помимо концертов в госпиталях небольшие бригады артистов МХАТ шесть раз в неделю проводят чтения в двух-трех палатах двух под-

шефных госпиталей для лежащих больных. За этот же период МХАТ дал 7 платных спектаклей и концертов на постройки танковой колонны, эскадрильи самолетов, покупку теплых вещей и на подарки бойцам Красной армии. К 23 февраля и 1 мая помимо посылки подарков на фронт были переданы подарки в подшефные госпитали [...]

Итог работы в Саратове с 1 ноября 1941 г. по 1 июля 1942 г. следующий: концертов 268 (для частей Красной армии — 60, в госпиталях — 167, в агитпунктах — 41).

Председатель
военно-шефской комиссии МХАТ
Е.В. КАЛУЖСКИЙ

Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5508. Оп. 3. Д. 20. Л. 26.

Отзыв о концертах бригады
артистов ГАБТ Союза ССР

Бригада с 17 августа по 9 сентября 1942 г. дала 28 концертов, на которых присутст-

вовало более 15 тысяч красноармейцев, командиров и политработников, главным образом с передовой линии фронта. Все концерты в частях армии прошли на высоком художественном и идейно-политическом уровне. Бойцы и командиры выносили глубокую и чистосердечную благодарность артистам за прекрасные концерты.

Как правило, концерты заканчивались митингами, на которых выступали бойцы, уже закаленные в боях. Они давали клятву бить врага беспощадно до полного разгрома. Товарищ Звягина¹ была не только хорошим руководителем и организатором фронтовой концертной бригады, но и пламенным политическим агитатором. Ее выступления после концертов были всегда основным поводом для митингов

Политотдел Н-ской армии.

Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5508. Оп. 3. Д. 359. Л. 113. Копия.

Приказ начальника
Политического управления
Воронежского фронта № 834

13 ноября 1942 г.

Действующая армия

Бригада артистов Всесоюзного гастрольного концертного объединения под руководством Гаркави² проделала исключительно большую и полезную работу по художественному обслуживанию бойцов, командиров и политработников частей фронта.

Бригада работала все время на передовом крае в исключительно сложных и тяжелых условиях, часто под обстрелом вражеской авиации, артиллерии и минометов, проводя свои концерты в блиндажах и

* Стиль документов сохранен.

окопах, в дождь и в наступившую зимнюю стужу.

Несмотря на трудности, рискуя жизнью, бригада дала 54 концерта.

Нередко выступления коллектива артистов переходили в митинги, ободрявшие бойцов и поднимавшие боевой дух и еще большие силы на истребление ненавистного врага.

За самоотверженную работу на фронте, за большую художественно-политическую работу передаю от бойцов, командиров и политработников частей фронта всему коллективу бригады артистов под руководством тов. Гаркави красноармейское фронтовое спасибо и объявляю благодарность.

Желаю участникам коллектива плодотворной работы и новых творческих успехов на благо нашей Победы над заклятым врагом — немецко-фашистскими захватчиками.

Начальник
Политического управления
Воронежского фронта
бригадный комиссар С. ШАТИЛОВ

Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5508. Оп. 3. Д. 50. Л. 78. Машинописная копия.

**Письмо начальника
эвакогоспиталя № 1941
народному артисту РСФСР
Владимиру Дурову³**

5 октября 1943 г.

Офицеры и бойцы, находящиеся на излечении в эвакогоспитале 1941, сердечно благодарят Вас и весь Ваш коллектив за ту огромную радость, которую Вы доставили раненым воинам-фронтовикам.

Организованный Вами во дворе госпиталя выездной спектакль, в котором принял участие весь Ваш коллектив со всеми четвероногими питомцами, прошел с исключительно высоким художественным мастерством и слаженностью всего Вашего коллектива.

В течение многих месяцев, защищая с оружием в руках нашу землю от фашистских захватчиков, наши воины, проходя лечение в госпитале, благодаря Вашему выступлению чувствуют великую заботу со стороны актеров, и это вселяет в них новые силы и способствует быстрейшему выздоровлению и возвраще-

нию в строй для ускорения полного разгрома врага.

Желаем Вам дальнейшей плодотворной работы и максимального обслуживания раненых фронтовиков.

Начальник ЭК 1941
подполковник ЯКУБСОН
От имени офицеров и бойцов

Чита. 1943 г. Октября 5 дня.

Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5508. Оп. 3. Д. 50. Л. 177.

**Из письма народной артистке РСФСР
М.С. Гольдиной⁴**

14 января 1944 г.

Со времени Вашего отъезда мы прошли с боями через всю Орловскую область и форсировали Оку, Десну, Сож. Мы с боями вышли к могучему Днепру. Вы бы посмотрели, с каким ликованием, с какой радостью наши воины встретили это событие. Офицеры, сержанты и рядовые обнимали, поздравляли друг друга с победой. Стихийно возникали песни. Все, что знали о Днепре, все было перепето.

А. СВИРИН,
начальник политотдела
гвардейской стрелковой дивизии

Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5508. Оп. 3. Д. 370. Л. 9.

**Письмо главврача
больницы имени Боткина
артистам Малого театра**

2 марта 1944 г.

Государственный ордена Ленина Академический Малый театр. Директору т. Шаповалову Л.Е. Секретарю парткома т. Гаврилову А.М.

21 февраля [1944 г.] в больнице имени Боткина артисты Государственного ордена Ленина Академического Малого театра в честь 26-й годовщины Красной армии и Военно-морского флота дали концерт. 46 актеров этого театра разбились на группы, сумели обслужить 134 отделения в 150 палатах, тем самым обеспечив своим обслуживанием более 90 проц. больных и раненых военнослужащих. Своей исключительной игрой артисты оставили замечательное впечатление, и больные бойцы и офицеры бурными овациями благодарили их. Игра актеров заставила их забыть о своих ранениях. Особенно понравилась иг-

ра народной артистки СССР, лауреата Сталинской премии Е.Д. Турчаниновой⁵, народного артиста РСФСР, лауреата Сталинской премии Н.А. Светловидова⁶, народного артиста РСФСР А.В. Полякова и др. Актеры исполняли ряд отрывков из произведений А.Н. Островского «На бойком месте», «На всякого мудреца довольно простоты» и др.

Наряду с обслуживанием раненых и больных в отделениях артисты Малого театра дали большой концерт в клубе больницы для выздоравливающих и медицинских работников.

Зам. главврача по политчасти
ВОСКРЕСЕНСКИЙ

Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5508. Оп. 3. Д. 21. Л. 24.

**Из справки о работе
Ленинградского государственного
областного театра оперетты**

Апрель 1944 г.

Город переживал трудные времена. Замкнулось кольцо вражеской блокады. Работа театра проходила в неимоверно тяжелых условиях осажденного города, варварски обстреливавшегося немецкой артиллерией и подвергавшегося по нескольку раз в день бомбардировке фашистскими самолетами. Тем не менее, вооружаясь хладнокровием, актеры не прерывали действия на сцене до тех пор, пока в зале оставались зрители, а в антрактах и после спектакля, пренебрегая усталостью, присоединялись к пожарным и санитарным звеньям своего объекта, тушили зажигательные бомбы на крыше и оказывали первую помощь раненым. Поздно вечером пешком добирались домой, не раздевались, дабы по сигналу воздушной тревоги занять место в соответствующем звене охраны своего дома, проводили тревожную ночь в нетопленной комнате. На следующее утро, истощенные голодом, но бодрые сознанием своей полнотенности, принимались за новый трудовой день.

С 22 июня 1941 г. по 1 апреля 1944 г. коллективом театра дано 475 шефских концертов и 22 шефских спектакля.

Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5508. Оп. 3. Д. 18. Л. 2.

**Отчет о работе
концертно-фронтовой бригады
Московской консерватории
и Театрального училища
имени Щепкина**

Сентябрь 1944 г.

Бригада выехала из Москвы 7 августа 1944 г., на место назначения прибыла 11 августа. Командование 3-го Прибалтийского фронта приняло нас очень радостно, после тяжелой дороги дало возможность немного отдохнуть, и 13 августа мы начали нашу концертно-фронтовую работу.

По 1 сентября обслуживали тыл фронта, госпитали и части, находящиеся на отдыхе после тяжелых боев. Для частей тыла и фронта дали 22 концерта.

После обслуживания тыла фронта мы переехали на работу в 1-й эшелон, где обслуживали части, непосредственно ведущие бои с немецкими захватчиками. Для частей фронта дали 35 концертов, где работали до 23 сентября. Специально были вызваны из одной воинской части на концерт в г. Выру, где дали концерт для командования 3-го Прибалтийского фронта. На концерте были Маршал Советского Союза т. Василевский, командующий 3-м Прибалтийским фронтом т. Масленников, Военный совет и весь генералитет. Концерт прошел с большим подъемом. После концерта начальник Политуправления фронта — генерал Лобачев вынес благодарность всему составу бригады от имени т. Василевского и командования фронта за хороший культурный концерт.

[...] Наши концерты вдохновляли бойцов и командиров. После концертов командование благодарило участников бригад за хороший, культурный отдых, часто возникали беседы, митинги.

На обратном пути в Ленинграде дали отчетный концерт в Ленинградском Доме Красной армии, а также обслужили несколько частей Ленинградского фронта. Всего бригада дала 60 концертов.

Бригадир А. ФРАНК

Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5508. Оп. 3. Д. 50. Л. 57.

**Письмо работников Свердловского
театра оперы и балета
имени А.В. Луначарского
бойцам Красной армии**

1944 г.

Дорогие товарищи!

В октябре 1943 г. Свердловский государственный театр оперы и балета имени А.В. Луначарского передал 10-му гвардейскому Уральскому добровольческому корпусу 2 самоходных орудия «Иван Сусанин» и «Александр Суворов», приобретенные на средства, собранные коллективом.

Коллективу стало известно, что «Александр Суворов» героически погиб в боях за освобождение нашей великой Родины от немецко-фашистских захватчиков. Горя желанием всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами помогать нашей Красной армии в окончательном разгроме ненавистного врага, коллектив театра передает вам, на смену героически погибшему самоходному орудию, другое, за которым сохраняем имя Александра Суворова.

Сусанины и Суворовы не умирают и никогда не умрут, они будут жить в веках на страже врагам в героизме нашей доблестной Красной армии и всего многонационального советского народа.

Вперед, дорогие товарищи, до окончательного разгрома ненавистного врага.

Да здравствует наша победоносная, доблестная Красная армия!

Да здравствует вождь и организатор наших исторических побед, несущих всему человечеству освобождение от фашистского варварства — великий Маршал Советского Союза, наш дорогой и горячо любимый товарищ Иосиф Виссарионович Сталин!

По поручению коллектива Свердловского Государственного театра оперы и балета им. А.В. Луначарского вручили машину.

Директор театра АРКАНОВ,
художественный руководитель театра
нар[одный] артист РСФСР и УССР
МАРГУЛЯН,
секретарь парторганизации МУХЛЯНИН,
Председатель МК КЛИМИН

Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5508. Оп. 1. Д. 38. Л. 86.

**Отчет
военно-шефской комиссии
Московского обкома профсоюза
работников искусств**

1945 г.

В госпитали неоднократно выезжали ведущие мастера искусств, как то: народные артисты республики Барсова⁷, Михайлов⁸, заслуженные артисты республики Светловидов, Гоголева⁹, Аксенов¹⁰, Зуева¹¹, Орфенов, Пермьяков и другие. Всего проведено 459 концертов. Камерный театр выезжал со спектаклями «Дама-невидимка», «Замужняя невеста», Театр имени Моссовета — «Не все коту масленица», Государственный академический Малый театр — «Стакан воды», Центральный детский театр — «Шутники» и др. 3 раза проведен «День культурного отдыха раненого бойца». Артисты оказали помощь по оформлению клубных площадок, ремонту помещений, консультации художественной самодеятельности.

Малый театр в госпитале № 1072 обслужил 2000 бойцов и офицеров. Театр дал спектакль «На бойком месте» под руководством народного артиста республики Полякова. Театр Станиславского — шеф госпиталя № 3411, ГАБТ — госпиталя № 3410.

Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5508. Оп. 3. Д. 21. Л. 157.

**Краткие производственно-творческие
и общественные характеристики
на активистов военно-шефской работы,
представленные в ЦК Рабис**

1945 г.

АНИКЕЕВ С.М.¹²

В период с 22 июня по 16 октября 1941 г. и с 25 декабря 1941 г. по 25 января 1942 г. т. Анিকেев помимо своей основной творческой загрузки ведущего артиста Московского театра оперетты становится одним из самых активных деятелей массовой военно-шефской работы, организуя художественное обслуживание частей Красной армии, и выступал как исполнитель на вокзалах, агитпунктах и призывных пунктах, в госпиталях г. Москвы.

По распоряжению Моссовета т. Анিকেев принимает активное участие в создании филиа-

ла Московского театра оперетты, формировании труппы и обеспечении художественного обслуживания населения.

Получил ряд благодарностей от частей, госпиталей Красной армии, Советского райисполкома (г. Москва), где ведет большую работу как член культсекции. Награжден почетной грамотой Комитета по делам искусств при СНК Союза и ЦК Рабис за отличное обслуживание частей Красной армии в период Великой Отечественной войны.

Зам. директора Московского театра оперетты **ГРИНБЕРГ**, секретарь парторганизации **АЛЧЕВСКИЙ**, председатель месткома **ГЕДРОЙЦ**

Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5508. Оп. 3. Д. 165. Л. 39.

* * *

ДОРОХИН Н. И.¹³

С первых дней Великой Отечественной войны тов. Н. И. Дорохин участвует в обслуживании призывных пунктов, госпиталей и частей Красной армии и в шефских бригадах МХАТ и, кроме того, возглавлял фронтовые бригады МХАТ. За время Отечественной войны тов. Н. И. Дорохин девять раз выезжал в действующие части Красной армии на различные пункты, в том числе и в действующие части Военно-морского флота.

За свою исключительно активную работу тов. Н. И. Дорохин имеет благодарности в приказах по политуправлению фронтов, а также отдельных частей и подразделений.

Директор МХАТ им. Горького **В. Е. МЕСХТЕЛИ**, секретарь парторганизации МХАТ им. Горького народный артист СССР **М. И. ПРУДКИН**, председатель месткома **И. С. МОРОЗОВ**
25 апреля 1945 г.

Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5508. Оп. 3. Д. 21. Л. 178.

* * *

ОБУХОВА Н. А.¹⁴

Исключительно отзывчивое отношение к участию в военно-шефских концертах за весь период Отечественной войны. Активно принимает участие по сей день в военно-шефских концертах. Исключительные отзывы и благодарность в приказах воинских частей.

Н. ОЗЕРОВ¹⁵

Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5508. Оп. 3. Д. 88. Л. 10.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ **Звягина Сусанна Николаевна** (р. в 1918) — артистка балета. Заслуженная артистка РСФСР (1958). По окончании Московского хореографического училища работала в Большом театре (1937—1961). Характерная танцовщица. В годы войны руководила фронтовой концертной бригадой. Окончила в 1966 г. театроведческий факультет ГИТИСА.

² **Гаркави Михаил Наумович** (1897—1964) — конферансье. Выступал на сцене Камерного театра в 1919—1922 гг., затем Московского детского театра. С 1928 г. выступал только как конферансье. Артист большого обаяния, вызывал к себе внимание и симпатии зрителей.

³ **Дуров Владимир Григорьевич** (1909—1972) — артист цирка, дрессировщик, народный артист СССР, внучатый племянник В. Л. Дурова.

⁴ **Гольдина Мария Соломоновна** (1899—1970) — певица (меццо-сопрано), народная артистка РСФСР (1941), с 1923 г. — солистка Оперной студии Большого театра, с 1926 г. — Оперной студии К. С. Станиславского, с 1928 г. — Оперного театра им. К. С. Станиславского, с 1941 г. — Московского музыкального театра имени К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко. Среди ролей — Марина Мнишек («Борис Годунов») Мусоргского.

⁵ **Турчанинова Евдокия Дмитриевна** (1870—1963) — актриса, народная артистка СССР (1943), с 1891 г. — в Малом театре. Лауреат Государственной премии СССР (1943, 1948). Выдающаяся исполнительница ролей старух в пьесах А. Н. Островского.

⁶ **Светловидов Николай Афанасьевич** (1889—1970) — актер, народный артист СССР (1965). На сцене — с 1909 г., в Малом театре — с 1933 г. Лауреат Государственной премии СССР (1942, 1949).

⁷ **Барсова (Владимирова) Валерия Владимировна** (1892—1967) — певица (сопрано), народная артистка СССР (1937). Солистка Большого театра в 1920—1948 гг., профессор Московской консерватории с 1952 г. Лауреат Государственной премии СССР (1941). Многие годы была председателем правления Центрального дома работников искусств.

⁸ **Михайлов Максим Дормидонтович** (1893—1971) — певец (бас), народный артист СССР (1940), солист Большого театра в 1932—1956 гг. Лауреат Государственной премии СССР (1941, 1942). Среди партий — Сусанин («Иван Сусанин» М. И.

Глинки), Кончак («Князь Игорь» А. П. Бородина).

⁹ **Гоголева Елена Николаевна** (1900—1993) — актриса, народная артистка СССР (1949), Герой Социалистического Труда (1974). Лауреат Государственной премии СССР (1947, 1948, 1949). С 1918 г. выступала в Малом театре. Среди ролей — Любовь Яровая в одноименной пьесе К. Тренева, Надежда Монаховна в пьесе «Варвары» М. Горького.

¹⁰ **Аксенов Всеволод Николаевич** (1898—1960) — заслуженный артист РСФСР (1947), драматический артист, мастер художественного слова. Государственная премия СССР (1948). Выступал в Малом театре в 1921—1935. С 1935 г. — солист Московской филармонии. В репертуаре — произведения Пушкина, Блока, Лермонтова, Есенина, Симонова, Твардовского и др. Снимался в фильме «Русский вопрос».

¹¹ **Зуева Анастасия Платоновна** (1898—1986) — актриса, народная артистка СССР (1957). Лауреат Государственной премии СССР (1952). С 1916 г. — в МХАТе. Среди выдающихся ролей — Коробочка («Мертвые души» по Н. В. Гоголю), Домна Пантелеевна («Таланты и поклонники» А. Н. Островского). Снималась в кино.

¹² **Аникеев Серафим Михайлович** (1904—1962) — артист оперетты, народный артист РСФСР (1959). Лауреат Государственной премии СССР (1950). С 1930 г. — в Московском театре оперетты.

¹³ **Дорохин Николай Иванович** (1905—1953) — актер, народный артист РСФСР (1946). С 1927 г. — артист МХАТ. Лауреат Государственной премии СССР (1947, 1950). В годы войны руководил артистическими бригадами, выезжавшими на фронт. Преподавал во ВГИК, Школе-студии МХАТ.

¹⁴ **Обухова Надежда Андреевна** (1886—1961) — певица (меццо-сопрано), народная артистка СССР (1937), солистка Большого театра в 1916—1948 гг. С большим успехом выступала на концертной эстраде. В репертуаре певицы — произведения русских и зарубежных композиторов, народные песни.

¹⁵ **Озеров Николай Николаевич** (1887—1953) — певец (драматический тенор), народный артист РСФСР (1937), солист Большого театра в 1920—1946 гг. Среди лучших партий — Садко, Отелло, Хозе. Многие годы возглавлял военно-шефскую комиссию Большого театра. Преподавал в Московской консерватории (1947—1953), профессор с 1948 г.

Н. С. ЗЕЛОВ

С.П. КОРОЛЕВ:

«СП – ЭТО Я, А СПУТНИК – ПС»

В начале 2007 года исполнилось 100 лет со дня рождения академика Сергея Павловича Королева. Это имя давно известно всем. Но в связи с юбилейной датой необходимо напомнить основные факты биографии и деятельности великого человека, чье имя навсегда останется в истории России, ее науки и всего человечества.

С.П. Королев
Германия, 1946 г.

СЕРГЕЙ Павлович Королев (30 декабря 1906 / 12 января 1907 г. — 14 января 1966 г.) — гениальный конструктор и ученый в области ракетной и ракетно-космической техники, создатель отечественного стратегического ракетного вооружения средней и межконтинентальной дальности, основоположник практической космонавтики. Благодаря его трудам, имеющим мировое значение, Россия до сих пор остается передовой ракетно-космической державой.

С.П. Королев родился в Житомире в семье учителя российской словесности. С раннего возраста он отличался редкими способностями и интересом к авиации. В 17 лет уже разработал «безмоторный самолет К-5». В 1924 году поступил в Киевский политехнический институт, специализировался на авиационной технике. Через два года перевелся в Московское высшее техническое училище. Стал спортсменом-планеристом. А к окончанию учебы был известен как талантливый авиаконструктор. В 1931 году вместе с Ф.А. Цандером создал Группу изучения реактивного движения (ГИРД), которая становится государственной научно-конструкторской лабораторией по разработке ракетных летательных аппаратов и в которой были созданы первые отечественные жидкостные баллистические ракеты ГИРД-09 и ГИРД-10.

В 1933 году в Москве создается Реактивный научно-исследовательский институт (на базе ГИРДа и ленинградской Газодинамической лаборатории) под руководством И.Т. Клейменова.

С.П. Королев назначается его заместителем, но вскоре переходит на творческую инженерную работу начальника отдела ракетных летательных аппаратов. В 1936 году испытываются крылатые ракеты — зенитная (с пороховым двигателем) и дальнобойная (с жидкостным).

К 100-летию со дня рождения С.П. Королева

В 1938 году Королев по ложному обвинению был арестован и осужден на 10 лет концлагерей. В 1940 году в ЦКБ-29 НКВД СССР под руководством А.Н. Туполева он участвовал в создании фронтового бомбардировщика Ту-2. Тогда же работал над созданием управляемой аэроупреждающей и ракетного перехватчика. В 1942 году был переведен в ОКБ НКВД СССР при Казанском авиазаводе № 16, где велись работы по ракетным двигателям для авиации. По освобождению Королев был послан в 1945 году в Германию для изучения немецкого ракетного вооружения и реконструкции баллистической ракеты ФАУ-2. В научно-исследовательском институте «Нордхаузен» он являлся главным инженером и техническим руководителем. В августе 1946 года был назначен главным конструктором баллистических ракет дальнего действия и начальником отдела № 3 НИИ-88 по их разработке. В 1950 и 1951 гг. были испытаны бал-

листические ракеты Р-1 и Р-2, которые не просто воспроизводили ФАУ-2, но и отличались значительными усовершенствованиями. Р-2 достигала дальности действия в 600 км. Дальнейшая работа по ряду проектов дала возможность достичь дальности действия 1200 км. Ракета с ядерной боевой частью, получившая название Р-5М, в 1956 году была принята на вооружение, став основой боевого ракетно-ядерного щита СССР. В 1957 году была сдана стратегическая ракета Р-11М с ядерной боевой частью, транспортируемая на танковом шасси. Модификацию этой ракеты Р-11ФМ затем приспособили для вооружения подводных лодок. С.П. Королевым были также созданы первые баллистические ракеты мобильного наземного и морского базирования.

Тогда же, в августе 1957 года, успешно испытывается первая двухступенчатая межконтинентальная ракета Р-7 (принята на вооружение в 1960 г.). Отметим, что еще в 1955 году С.П. Королев вместе с академиками М.В. Келдышем и М.К. Тихонравовым предложили с помощью ракеты Р-7 вывести на орбиту искусственный спутник Земли (ИСЗ). Их инициатива была поддержана правительством. 4 октября 1957 года был запущен на орбиту первый ИСЗ. Это стало открытием космической эры. Этот успех произвел ошеломляющее впечатление во всем мире.

Следующим блистательным этапом творческой биографии

С.П. Королева стал первый полет человека в космос 12 апреля 1961 года. Полет Ю.А. Гагарина на космическом корабле (КК) «Восток» окончательно определил новую реальность: человечество приступило к освоению космоса.

Параллельно с развитием пилотируемой космонавтики С.П. Королев руководил работами по созданию ИСЗ научного, оборонного и хозяйственного назначения (первый спутник связи и телевидения «Молния-1»), а также по запуску первых космических аппаратов к Луне (1959 г.).

В планах С.П. Королева имелся проект отечественного экспедиционного лунного комплекса, но недостаточность финансирования, множество параллельных работ, наконец, позднее принятие правительственного решения не позволили преемнику С.П. Королева академику В.П. Мишину его реализовать.

Последнее достижение в освоении Луны отечественной наукой уже не застало С.П. Королева в живых — он скончался 14 января 1966 года в результате неудачно проведенной хирургической операции средней сложности.

Наследие С.П. Королева составляет важную часть научного и историко-культурного достояния России и всего мирового сообщества. Каждый документ, связанный с именем Сергея Павловича Королева, обретает в наши дни особое значение. В Российском государственном архиве научно-технической документации (РГАНТД) хранится немало документов мемуарного содержания, так или иначе связанных с именем Королева. Часть этих материалов представляет собой фотозаписи. Одна из них с некоторыми сокращениями и представляется вниманию читателей. Эти воспоминания о С.П. Королеве были подготовлены в 1979 году генерал-майором Павлом Ефимовичем Трубачевым. К сожалению, обнаружить их он не успел, и текст был озвучен в 1990 году полковником в отставке Иваном Ефимовичем Шашковым, доктором технических наук, профессором, бывшим начальником НИИ-4 —

головного научно-исследовательского института по ракетной технике в системе Министерства обороны СССР.

Воспоминания о Сергее Павловиче Королеве

О СЕРГЕЕ Павловиче Королеве уже много сказано, написано, поэтому я выскажу лишь свои личные впечатления, сложившиеся в процессе совместной работы. Я впервые встретился и познакомился с Королевым после Великой Отечественной войны 1941—1945 годов в Германии, в институте «Нордхаузен», который находился в Тюрингии в г. Блейхерроде. В соответствии с Постановлением Совета министров Союза ССР от 13 мая 1946 года о форсировании развития отечественной космической техники, ракетной техники с жидкостными ракетными двигателями в Германии была командирована большая группа советских специалистов для изучения немецких разработок и производства ракетного оружия, изучения трофейной документации о ракетной технике. Предусматривалось изучить как положительный, так и отрицательный опыт создания немецкой ракетной техники. Среди командированных были видные конструкторы, военные специалисты, ученые, инженеры. Перед советскими специалистами стояла большая и сложная задача. Несмотря на то, что Советский Союз внес решающий вклад в дело разгрома фашистской Германии, образцы ракетной техники, образцы космической документации и немецкие специалисты-ракетчики, в том числе и конструктор ракеты ФАУ-2 фон Браун¹ оказались у американцев, были вывезены в США, а советским специалистам достались «рожки да ножки». В связи с этим были проведены некоторые организационные мероприятия. Вначале в советской зоне Германии был организован институт Раббе² для изучения и восстановления приборов и схем системы управления ракеты ФАУ-2. Директором этого института был назначен немецкий специа-

**С.П. Королев (в центре)
с С.Л. Воскресенским
и В. Шитовым на руинах
ракетного полигона
Германия, 1945 г.
(Публикуется впервые)**

лист по автоматическому управлению Гретруб³. Шеф-директором его был советский специалист Черток⁴.

В Клейк Бодунге недалеко от города Блейхерроде, в наземных корпусах выработанной соляной шахты был организован завод «Веркедрей»⁵ по сборке ракеты ФАУ-2 из трофейных агрегатов, узлов, приборов, деталей. В Лейстене⁶ была организована станция-стенд для испытания двигателей. В октябре 1946 года на базе этих предприятий был создан институт «Нордхаузен»⁷. Начальником института вначале был генерал-майор Тверецкий⁸, затем генерал-майор Гайдуков⁹, главным инженером был Победоносцев¹⁰. Сергей Павлович Королев являлся начальником отдела испытаний. Затем он стал главным инженером института, сменив Победоносцева. В этот институт я и прибыл с группой военных специалистов, занимавшихся ранее приемкой «Катюш».

Встретился я с Сергеем Павловичем случайно, у дверей его кабинета. Я был вместе со своим товарищем Александровым, с которым Сергей Павлович был знаком по работе в ракетном научно-исследовательском институте¹¹. Александров и представил меня

Королеву как своего начальника. Внешне Королев выглядел крепко сложенным и широкоплечим, его большая голова с высоким лбом прочно сидела на шее, он был в военной форме: гимнастерка, ремень через плечо, бриджи, сапоги, погоны с тремя большими звездочками — полковник. Особое впечатление на меня произвели его карие глаза, острый, пронизывающий взгляд, только не такой, о которых говорят: «Посмотрел — рублем подарил». А по-другому. Посмотрел, что рентгеном просветил: понял, что за человек перед ним, и на что он способен. Хорошо и быстро разбираться в людях — это была характерная черта Королева. Это я сразу понял и убедился, особенно потом, когда работал вместе с ним в Советском Союзе. Благодаря указанной черте Королев за короткий срок создал конструкторское бюро и укомплектовал его высококвалифицированными специалистами.

Его умение подбирать кадры подтверждает следующий интересный факт. Вместе с нами приехал в Германию старший лейтенант Лавров Святослав Сергеевич¹² — небрежный по внешнему виду. Сергей Павлович увидел в нем талантливого специалиста и по возвращении из Германии стал просить командование передать его к нему. После переговоров военные

Лаврова отпустили, и он очень быстро стал высококвалифицированным баллистиком, а впоследствии ученым, членом-корреспондентом Академии наук СССР. Сергей Павлович Королев воспитал целую плеяду специалистов по ракетам и космонавтике. Это академики Мишин¹³, Макеев¹⁴, член-корреспондент Академии наук СССР Решетнев¹⁵, Бушуев¹⁶, академик Академии наук Украины Будник¹⁷ и другие.

ВСЕ прибывшие в Германию советские военные специалисты были распределены по предприятиям института «Нордхаузен». Я с группой офицеров был направлен на завод Веркедрей, где мы занимались контролем сборки ракет ФАУ-2. Скоро по представлению старшего военного специалиста инженера-полковника Александра Григорьевича Мрыкина¹⁸ я был назначен заместителем руководителя военных специалистов и старшим над офицерами в институте «Нордхаузен». Сам Мрыкин находился в Берлине в институте «Берлин»¹⁹, который занимался изучением разработок немецких зенитных управляемых ракет. Среди командированных был Тюлин²⁰, впоследствии крупный руководитель, заместитель министра.

В результате работы, проведенной совместно с советскими специалистами, в Германии был восстановлен комплект технической документации на ракету ФАУ-2. Собрано и отправлено в Советский Союз определенное количество ракет ФАУ-2, а также несколько комплектов агрегатов, узлов, приборов, деталей россыпью. Сергей Павлович, как и другие наши специалисты, ни-

каких открытий в немецких ракетах не нашел. Немецкие ракеты в основном базировались на известных идеях Циолковского. Результаты работы, выполненной в институте «Нордхаузен», были изложены в светоконии в 11 томах под редакцией генерал-майора Гайдукова.

В августе 1946 года Королев решением ЦК КПСС и Совета Министров СССР был назначен главным конструктором, руководителем конструкторского бюро, которому поручалось создание баллистической ракеты дальнего действия на жидком топливе. Получилось так, что по возвращении из Германии меня назначили старшим военным представителем Министерства обороны СССР при КБ, и я от начала и почти до смерти Королева, в течении 15 лет, работал вместе с ним в этом КБ. Сергей Павлович придавал большое значение коллективу КБ, который должен был выполнить большое правительственное задание, и первое время много времени уделял подбору высококвалифицированных кадров.

Он говорил: «Если бы современный конструктор захотел сделать все расчеты сам, когда проектируемый аппарат содержит десятки тысяч деталей, то превратился бы в кустаря. Для этого не хватило бы ни сверхчеловеческого ума, ни сверхчеловеческих сил. Конструктор должен иметь высококвалифицированных специалистов, верно ставить задачи, прислушиваться к мнению коллектива».

Сергей Павлович был эталоном современного главного конструктора. Твердая воля, дерзость мысли, вера в свои идеи, необычайная энергия и организованность — такими чертами он обладал, и это способствовало успеху. Баллистические ракеты дальнего действия имели много особенностей и отличий от конструкций и технологии изготовления других видов оружия, таких, как артиллерийские или авиационные. Так, у самолета вес топлива редко достигает 50 процентов от стартового веса, а у баллистических ракет он доходит до 90 процентов. Топливные баки долж-

С.П. Королев и генерал-майор А.Ф. Тверецкий

Германия, 1946 г.
(Публикуется впервые)

Главные конструкторы, руководители и представители военного командования. В первом ряду С.П. Королев и маршал М.И. Неделин
Байконур, 1960 г.

ны иметь большой объем и как можно меньший вес. Коллективу КБ предстояло выработать собственный метод проектирования мощных ракет, основать отрасль науки и техники со своей производственной базой, способной обеспечить разработку и постройку ракет с двигателем большой тяги, с автономной системой управления в комплексе с наземными видами бортового оборудования.

Сергей Павлович вместе со своими помощниками предложил проектирование ракет перевести на плазы, когда крупные детали чертятся в натуральную величину. С плазов снимаются шаблоны и по ним делаются уже сами детали. С помощью авиационных специалистов, которым этот метод был уже известен, на опытном заводе КБ был быстро создан плазовый цех. Это позволило намного ускорить проектирование ракет. Королев любил, как говорят, «ходить по доскам». Так делали выдающиеся авиаконструкторы — Туполев²¹, Поликарпов²² и другие. Это значит, что главный конструктор, идя от одной чертежной доски к другой, на лету схватывает то, что рождалось в ходе проектирования, и тут же вершит свой суд.

Сначала я думал, что Сергей Павлович, применяя этот прием, подражает. Но потом послушал его замечания по чертежам и понял, что хватка у него верная, промаха никому не даст. Королев часто бывал и в цехах завода, вникал в детали работ, советовал, помогал. В августе 1957 года приступили к сборке первого искусственного спутника Земли. Вначале эту работу пред-

полагали вести в обычном цехе завода. Но когда Сергей Павлович посетил этот участок — все изменилось. «Разве можно в таких условиях добиться особой чистоты при сборке спутника?» — спросил он начальника цеха. Было найдено нужное помещение. Стены его были окрашены, на окнах белели шторы, на дверях — портьеры. Сделаны специальные подставки, обтянутые бархатом. Слесари-сборщики были одеты в белые халаты и перчатки. Каждое утро в сборочном цехе Сергей Павлович проводил оперативки. Досконально проверял выполнение суточных заданий; разговор был коротким и ясным. Чувствовалась жесткая рука и воля Королева. Много труда вложил он в решение вопросов подбора и координации работы смежных предприятий, которые должны были «двигать» аппаратуру системы управления, наземное оборудование.

Среди руководителей и главных конструкторов предприятия он пользовался заслуженным авторитетом и уважением. Все его задания выполнялись успешно и в срок. Все вопросы решались в КБ коллективно, обсуждались на технических совещаниях. Кроме того, был создан совет главных конструкторов, в который входили конструкторы всех смежных КБ и руководители. На заседания президиума совета приглашались такие видные представители заказчика, как Андрей

Илларионович Соколов²³, Александр Григорьевич Мрыкин и другие.

На этих советах координировались работы организаций, входящих в кооперацию по разработке изделий. Порядок работы был такой: одна ракета испытывалась, следующая — в чертежах, а третья задумывалась. Вот тут-то на совете каждый главный конструктор — руководитель предприятия должен был оценить все свои возможности и, не скрывая резервов, доложить «по совести». В этот период совет сыграл большую роль в развитии ракетной техники.

Мне пришлось работать с Сергеем Павловичем 15 лет. Некоторые, считая его тяжелым человеком, удивлялись и спрашивали, как я могу так долго с ним работать. Секрет раскрывался очень просто. Сергей Павлович был требовательным не потому, что у него был тяжелый характер, а потому, что он имел государственный подход к делу, был дальновидным и дисциплинированным. Он понимал, что хотя мы, я и он, находимся на разных полюсах: я — представитель заказчика, а он — исполнитель, но мы делаем одно общее дело... Поэтому у нас не было принципиальных разногласий и мы могли так долго работать вместе. Дело шло хорошо.

Его доверие к военной приемке может быть также подтверждено тем, что он в заключении о допуске ракеты к пуску подписывался только после заключения военного представительства, понимая, что малейший дефект может привести к ненормальному пуску ракеты. Он ввел очень важный принцип в работе, а именно: не наказывать исполнителя за то или иное упущение, если он об этом сам сообщит. Был такой случай: слесарь-сборщик, монтируя приборы в отсеке, уронил шайбу и не нашел ее. Он этого не скрыл, а пришел и доложил об этом начальнику цеха. Потом целую смену ее искали, крутили ракету на стапелях и только при помощи магнита удалось найти ее. Оставлять шайбу в приборном отсеке было опасно, так как при полете ракеты,

вследствии вибрации, она могла выскочить и замкнуть контакты какого-либо прибора и привести к аварии.

Был и такой случай в 1962 году. Нерасторопность одного молодого человека в цехе сборки привела к тому, что один блок ракеты, висящий на кране, ударился о препятствие и помялся. Королеву об этом доложил начальник цеха. Через 10 минут он влетел в цех. Полы его белого халата развевались, глаза сверкали, все выражало крайнюю степень гнева. Мертвая тишина стояла в цехе.

— Где этот? — задыхаясь, спросил Королев.

Из толпы собравшихся рабочих вышел виновник происшествия.

— Ты знаешь, над чем ты работаешь? — спросил Королев. — Ты понимаешь, что мы делаем, сколько здесь труда, денег народных. Так как же ты мог, что же ты за человек? Как твоя фамилия?

— Королев, — чуть слышно пролепетал паренек.

И тут Сергей Павлович не мог удержаться. Улыбнулся.

— Так как же ты можешь позорить нашу фамилию? — произнес он. Взял паренька за плечо, отвел в сторону и что-то долго ему объяснял. И когда отпустил его, уже вдогонку спросил:

— Ты понял?

Требовательным он был независимо от настроения. Если возникала неожиданная неувязка в монтаже ракеты, все знали — надо немедленно устранять неисправность. Никогда при разговоре с ним нельзя было переваливать вину на другого. Докладывать все так, как есть, без утайки; закручивать дела он любил, но от неудач страдал. Бывал он вспыльчив, даже резок. Нашумит, выгонит из кабинета того или иного сотрудника, но все это проходило, и отношения от этого не ухудшались, и польза делу была. Особенно строг был Сергей Павлович на стартовой площадке при подготовке, проверках и пусках ракет. Стартовиков он предупреждал: не упускать никаких мелочей. На стартовой площадке требовал идеального порядка. Каждый должен был занять свое

С.П. Королев с супругой, группой космонавтов и руководством Центра подготовки космонавтов

Сочи, лето 1961 г.

место. Однажды, когда приступили к подготовке старта ракеты, участники испытаний, маленькие и большие начальники, считали своим долгом быть там, заглядывать куда надо и куда не надо. Появился Королев, зашел в бункер, увидел все это в перископ и объявил по громкоговорящей связи:

— Васильев, отойдите от машины.

Васильев, который в то время был заместителем начальника полигона²⁴, удивился, но отошел. Остальные продолжали топтаться на площадке. Тогда раздался строгий голос в динамике.

— Вы что думаете, я одному Васильеву сказал?

Все постепенно стали уходить с площадки. Вот благодаря такой строгости и организованности при подготовке и пуске ракет у нас не было аварий и несчастных случаев.

Хотя Сергей Павлович по характеру был замкнутым и невозможно было его вызвать на откровенный разговор о себе, он был добрым и внимательным к товарищам по работе. Как-то он увидел на старте инженера, мерзнувшего в летней куртке. Однажды вечером, когда этот инженер уже засыпал, его разбудил незнакомый мужчина со свертком в руках и говорит:

— Я завхоз от Сергея Павловича, теплую одежду тебе принес. Велел тебе надеть меховую куртку и брюки.

Многие товарищи обращались к Сергею Павловичу с разными личными просьба-

ми, он каждого выслушивал внимательно. Внимательность и чуткость Королева можно подтвердить и примерами из моей личной жизни. Когда мне исполнилось 50 лет, он подарил мне макет автоматической межпланетной станции, сфотографировавшей обратную, невидимую сторону Луны, а также альбом фотографий обратной стороны Луны с личной подписью. Когда у меня погибла жена, он, несмотря на свою занятость, нашел время ко мне приехать на квартиру и разделить мою скорбь.

ПОСЛЕ отработки и создания мощной баллистической межконтинентальной ракеты Сергей Павлович вместе со своим коллективом КБ вплотную занялся разработками для исследований космоса. Он говорил: «Вы внимательно следите за сообщениями о подготовке спутника в США, названного не без намека "Авангардом"». Кое-кому тогда казалось, что «Авангард» будет первым в космосе. Мы подобрали материал об этом спутнике. Почитали и убедились, что американские ракетчики могут вывести на орбиту спутник с апельсин. Все было ограничено у них до предела. Главное, что их сковывало — это ракета, ее тяга

не имела никаких резервов. Подсчитали и мы свои возможности и убедились — можем вывести сотни килограммов на орбиту. Сергей Павлович предложил не усложнять конструкции первого спутника, сделать его максимально простым. Он получил название ПС — простейший спутник. Королев говорил, если верны наши расчеты, то спутник выйдет на орбиту... Его было решено сделать диаметром 58 сантиметров и весом 83,6 килограмма. По касательной от шара должны отходить четыре уса антенны. Источники питания рассчитывались на три недели работы, тепловой режим внутри спутника предстояло обеспечить с помощью системы терморегулирования, в которой циркулировал газообразный азот. На полигоне кто-то из стартовиков при подготовке спутника назвал Сергея Павловича «СП». Они говорили между собой: «СП сказал, СП считает». Это привилось и конструкторам.

Но однажды случился казус. Когда первый спутник был готов, один из конструкторов докладывал об этом Сергею Павловичу и все время при докладе говорил вместо ПС СП. Тут Королев не выдержал и сказал:

— СП — это я, а спутник — ПС. А в остальном все верно...

С именем академика Сергея Павловича Королева, лауреата Ленинской премии, дважды Героя Социалистического Труда, первого Главного конструктора ракетной и космической техники связаны первые шаги в области создания ракетной техники, исторические победы Советского Союза в освоении космоса.

РГАНТД. Фондоdocument № 831. Магнитопись 1990 года. Озвучание текста 1979 г. Текстовый аналог 1990 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ФАУ-2, V-2 (от Vergeltung — возмездие) — одноступенчатая баллистическая ракета с автоматическим управлением на активном участке траектории полета. Дальность полета до 300 км.

² Институт «Раббе», правильно RABE — Raketenbau Entwicklung —

«Ракетновосстановительный институт». То же немецкое слово «gabe» переводится как ворона, изображение которой стало эмблемой института. Директором института RABE с немецкой стороны был не Х. Греттруп, как пишет П.Е. Трубачев, а инженер Розенплентер, фактическим руководителем был Б.Е. Черток.

³ **Греттруп Хельмут** (?—1980) — немецкий ученый, специалист по электронике и радиосистемам управления. Один из заместителей фон Брауна. В 1945 г. возглавил в структуре института «Нордхаузен» «Бюро Греттрупа», которое полностью реконструировало всю структуру и содержание работы исследовательской и испытательной базы фон Брауна в Пенемюнде. С октября 1946 г. работал в СССР. В 1953 г. вернулся в ГДР, но был перехвачен американскими агентами и вывезен с семьей в Западный Берлин. Отказался переехать в США и сотрудничать с американской ракетной промышленностью. Некоторое время бедствовал. Затем работал в компании «Сименс» и в фирмах по производству автоматических систем.

⁴ **Черток Борис Евсеевич** (р. 1912 г.) — выдающийся ученый в области систем управления космических аппаратов, космического приборостроения и навигации, академик РАН, Герой Социалистического Труда (1961), Лауреат Ленинской (1957) и Государственной (1976) премий СССР. В марте 2007 г. ученому исполнилось 95 лет.

⁵ «Werke-drei»; Werke-3 т.е. Третий завод, Завод № 3.

⁶ Правильнее — Леестен.

⁷ П.Е. Трубачев ошибается: институт «Нордхаузен» (по названию маленького городка в Тюрингии, около которого находился подземный завод) был организован в 1945 г., располагался в г. Блайхерроде в Тюрингии и существовал по октябрь 1946 г. Директор Л.М. Гайдуков, главный инженер С.П. Королев. В октябре 1946 г. около 300 немецких специалистов было на полудобровольной основе вывезено в СССР, а институт «Нордхаузен», в который ранее влился институт RABE, был ликвидирован.

⁸ **Тверецкий Александр Федорович** (1904—1992) — генерал-майор артиллерии, в годы войны командир гвардейской минометной бригады. В 1945—1946 гг. его бригада особого назначения (БОН) дислоцировалась в Тюрингии, в местечке Берка. В задачи БОН входило военное изучение ракет ФАУ-2 (транспортировка, работа на стартовой площадке, прицел, техника пуска). Таким образом БОН А.Ф. Тверецкого можно считать родоначальницей Ракетных войск стратегического назначения. Офицеры БОН взаимодействовали с сотрудниками института «Нордхаузен». С 1946 г. А.Ф. Тверецкий — ко-

мандир бригады особого назначения резерва Главного командования, перемещенной в 1947 г. на полигон Капустин Яр, где она осуществила первые пуски боевых ракет дальнего действия. Директором института «Нордхаузен» А.Ф. Тверецкий не был, он возглавлял работу с трофейными ракетами летом 1945 г. до учреждения «Нордхаузена».

⁹ **Гайдуков Лев Михайлович** (1911—1999) — генерал-лейтенант, инициатор создания и директор института «Нордхаузен».

¹⁰ **Победоносцев Юрий Александрович** (1907—1973) — один из пионеров создания ракетно-космической техники, выдающийся конструктор, создатель пороховых ракет, участник создания реактивных снарядов для «Катюши», доктор технических наук, лауреат Государственной премии СССР (1941).

¹¹ Сведений о упоминаемом П.Е. Трубачевым сотруднике С.П. Королева Александрове найти не удалось.

¹² **Лавров Святослав Сергеевич** (р. 1923 г.) — ведущий специалист ОКБ-1 по баллистике ракет, директор Института теоретической астрономии, член-корреспондент РАН.

¹³ **Мишин Василий Павлович** (1917—2001) — выдающийся ученый в области проблем машиностроения, механики и процессов управления, один из ведущих конструкторов советской ракетной техники. Руководил разработкой знаменитой ракеты Н-1, Главный конструктор ЦКБ ОМ в 1966—1974 гг., академик АН СССР с 1966 г., Герой Социалистического Труда (1956), лауреат Ленинской премии (1957).

¹⁴ **Макеев Виктор Петрович** (1924—1985) — выдающийся конструктор ракетных комплексов морских стратегических ядерных сил СССР, академик АН СССР (1976), дважды Герой Социалистического Труда (1961, 1974), лауреат Ленинской (1959) и Государственной премий СССР (1968).

¹⁵ **Решетнев Михаил Федорович** (1924—1996) — конструктор ракетно-космической техники, под его руководством разработаны космические аппараты и спутники «Молния», «Горизонт», Радуга, «Луч», «Экран». Главный и генеральный конструктор, директор НПО прикладной механики в 1959—1996 гг., академик РАН, Герой Социалистического Труда (1974).

¹⁶ **Бушуев Константин Давыдович** (1914—1978) — ученый в области ракетно-космической техники, создатель ряда космических аппаратов и космических кораблей, заместитель Главного конструктора ОКБ-1, технический директор проекта ЭПАС с советской стороны (1975). Член-корреспондент АН СССР (1960), Герой Социалистического Труда (1957), лауреат Ленинской (1960) и

Государственной (1951, 1976) премий СССР.

¹⁷ **Будник Василий Сергеевич** (р. 1913 г.) — выдающийся конструктор ракетно-космической техники, участник разработки баллистических ракет дальнего действия Р-1, Р-2, Р-5, Р-12, Р-14, Р-16, ракеты-носителя «Космос», заместитель Главного конструктора конструкторского бюро «Южное».

¹⁸ **Мрыкин Александр Григорьевич** (1905—1972) — генерал-лейтенант, начальник 4-го Главного артиллерийского управления, заместитель начальника Главного управления реактивного вооружения Советской армии, заместитель министра общего машиностроения, Герой Социалистического Труда.

¹⁹ Институт «Берлин» занимался твердотопливными и зенитными управляемыми ракетами. Главный инженер — В.П. Бармин.

²⁰ **Тюлин Георгий Александрович** (1914—1990) — генерал-лейтенант, один из организаторов оборонной промышленности и отечественной космонавтики, доктор технических наук, директор НИИ-88 в 1959—1961 гг. Заместитель министра общего машиностроения, председатель Государственной комиссии по запуску нескольких космических кораблей в 1960-е гг. Герой Социалистического Труда, Лауреат Ленинской премии.

²¹ **Туполев Андрей Николаевич** (1888—1972) — выдающийся советский авиаконструктор, генерал-полковник, инженер (1968), академик АН СССР (1953), трижды Герой Социалистического Труда (1945, 1957, 1972), лауреат Государственной премии СССР (1943, 1948, 1949, 1952, 1972) и Ленинской премии (1957). Под его руководством создано более 100 видов военных и гражданских самолетов.

²² **Поликарпов Николай Николаевич** (1892—1944) — выдающийся советский авиаконструктор, под его руководством создано 16 типов самолетов, составивших эпоху в отечественном авиастроении. Герой Социалистического Труда (1940), лауреат Государственной премии СССР (1941, 1943).

²³ **Соколов Андрей Илларионович** (1910—1976) — генерал-лейтенант, начальник НИИ-4 Министерства обороны СССР в 1955—1970 гг., доктор технических наук, Лауреат Ленинской и Государственной премий.

²⁴ **Васильев Анатолий Алексеевич** (1921—1973) — генерал-лейтенант, в 1955—1959 гг. заместитель начальника космодрома Байконур по измерениям и научно-исследовательской работе, кандидат технических наук.

**Публикация
П.Н. ГРЮНБЕРГА**

Фотодокументы подготовлены
Н.В. ГЛИЩИНСКОЙ

• ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

«ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА»

«ВСЕГДА БУДУ ХРАНИТЬ ЭТОТ НОМЕР ЖУРНАЛА И ПЕРЕДАМ ЕГО ВНУКАМ...»

ПОЛУЧИЛ 5-й номер вашего журнала за 2006 год и на 15-й странице с большим волнением прочитал статью «Совместные боевые годы сближали всех нас...», где приводится перевод памятного письма, который получал каждый воин 7-й эстонской стрелковой дивизии, увольняясь в запас после окончания войны с фашистской Германией. Имел эту ценную фронтную реликвию и мой отец — сержант гвардии Кинге Август Иванович.

У отца — интересная биография. По ранению еще в Первую мировую он попал в 1916-м в Пензу, а в конце года — в 137-й запасной пехотный полк. Окончил школу младших командиров (унтер-офицеров) в 1917-м. После Октябрьской революции устанавливал Советскую власть в Пензе вместе со своими фронтowymi товарищами, в мае 1918-го в составе усиленного батальона был послан в Саратовскую губернию, где воевал под командной В.И. Чапаева против контрреволюционных банд. После того, как бойцов Пензенской губчека отозвали обратно в Пензу, стал начальником политотдела милиции 1-го городского района. В 1926 году в ходе реорганизации милиции уволился в отставку. Закончив бухгалтерские курсы, работал в советских учреждениях.

На второй год Великой Отечественной войны был призван в армию и направлен на Урал, где формировалась 7-я эстонская дивизия. 10 декабря 1942 года их соединение вступило в бой под Великими Луками.

Я свято храню память об отце, и обо всех советских людях, как участниках боевых действий, так и тех, кто трудился в тылу. Я был очевидцем памятных событий, испытал холод, голод, болезни. Во время войны умерли мои дедушка и бабушка. Это было зимой 1943 года.

Я очень благодарен редакции за перевод упомянутого письма. Всегда буду хранить этот номер журнала и передам его внукам, которых у меня четверо.

Об отце должен еще сказать, что он сначала был простым автоматчиком, потом его взяли в штаб 300-го полка, так как он знал русский и эстонский языки. Так он и окончил войну.

**Капитан в отставке В.А. КИНГЕ,
инженер-строитель, ветеран труда**
(г. Пенза)

* * *

Уважаемая редакция «Военно-исторического журнала»!

ПИШЕТ вам заведующая библиотекой войсковой части, расположенной в Архангельской области. Спасибо за ваш труд, интересные и познавательные статьи.

Впервые знакомство с вашим журналом произошло, когда я училась на первом курсе исторического факультета Поморского педагогического университета им. М.В. Ломоносова. Статьи помогали готовиться к многочисленным зачетам, семинарам и экзаменам. Училась я заочно и работала в библиотеке.

С помощью вашего журнала мы проводим в войсковой библиотеке различные выставки, исторические вечера и беседы с личным составом, оформляем стенды. Библиотека у нас небольшая, книг по истории крайне мало, поэтому ваши статьи — большое подспорье в нашей работе.

**С уважением,
В.А. ТОЛМАЧЁВА**
(п. Рембуево Архангельской обл.)

* * *

Уважаемая редакция «Военно-исторического журнала»!

ПИШЕТ вам учитель английского языка средней школы. Мне 50 лет. Ваш журнал выписывает мой муж, подполковник, но я часто читаю интересные меня материалы как педагог (иногда использую в своей работе) и просто как человек, которого не оставляют равнодушным ваши статьи и рассказы о мужественных людях.

**С уважением,
М.Ф. КОСМЫНИНА**
(г. Усть-Катав Челябинской обл.)

КУЗНИЦА ВОЕННЫХ КАДРОВ

1 ИЮНЯ 2007 года Новосибирскому высшему военному командному училищу — военному институту исполняется сорок лет. За эти годы здесь получили путевку в Вооруженные силы тысячи офицеров, избрав для себя самую благородную и самую нелегкую профессию — Родину защищать.

Училище, создававшееся как высшее военно-политическое общевоинское, было размещено на территории ныне всемирно известного Академгородка, в здании физико-математической школы-интерната. Возглавил его полковник Василий Георгиевич Зибарев, участник Великой Отечественной войны, кавалер многих боевых наград. Начальником политического отдела НВВПОУ был назначен также фронтовик, кавалер двух орденов Славы полковник Б.Н. Волков, учебного отдела — тоже участник войны полковник А.Г. Демаков.

Начальниками кафедр стали в основном офицеры-фронтовики с большим войсковым и педагогическим опытом. Это полковник Ф.Ф. Лопатников, подполковники В.П. Измайлов, Н.В. Солнцев, Н.И. Киряшов, Е.В. Абрамов, Ю.И. Калетник, Г.С. Левартовский, майоры Б.В. Корниенко, С.П. Осипов. Имелись и гражданские педагоги. Так, кафедре иностранных языков возглавила Л.С. Маркова, а общеобразовательных дисциплин — кандидат педагогических наук К.Б. Соболева. Значительная часть преподавателей

пришла непосредственно из войск, а также из военных академий.

Становлению училища очень помогли председатель Президиума Сибирского отделения АН СССР академик М.А. Лаврентьев, командующий войсками СибВО генерал-полковник С.П. Иванов и член военно-

---

К 40-летию Новосибирского ВВКУ

го совета генерал-лейтенант И.В. Бойченко.

Первый набор курсантов проводился на базе Омского высшего общевоинского командного дважды Краснознаменного училища имени М.В. Фрунзе. Курсанты набирались и в других местах, в частности в Группе советских войск в Германии. К 25 августа 1967 года был сформирован первый курсантский батальон. 73 проц. курсантов имели опыт трудовой деятельности и службы в войсках, примерно столько же окончили среднюю школу с хорошими и отличными оценками. Отметим, что более 70 проц. юношей поступили в училище по комсомольским путевкам и рекомендациям политических органов, 90 проц. были отличниками боевой и политической подготовки и классными специалистами, 79 человек продолжили семейные традиции, избрав путь своих отцов-офицеров.

К началу занятий было оборудовано 16 учебных

аудиторий, изготовлены необходимые наглядные пособия, приборы, стенды, макеты, создан простейший парк для учебно-боевой техники.

Огромный вклад в создание училища и его инфраструктуры строительной организации «Сибкадемстрой». Рабочие, инженеры и техники прославленного коллектива с энтузиазмом строили казармы, общежития, столовую, жилые дома и другие объекты для нашего училища. Начальник управления «Сибкадемстрой» Герой Социалистического Труда, заслуженный строитель РСФСР генерал-майор-инженер Н.М. Иванов постоянно заботился о том, чтобы сооружаемые объекты с высоким качеством и своевременно сдавались в эксплуатацию. В настоящее время именем генерала Н.М. Иванова названа улица, на которой находится военный институт. Разумеется, в строительных работах участвовал и весь коллектив училища.

Как к самому важному событию в своей жизни готовились курсанты к принятию военной присяги. В подразделениях проводились беседы, тематические вечера, встречи с участниками Великой Отечественной войны. 29 октября 1967 года юноши в торжественной обстановке приняли военную присягу — священную клятву на верность Родине. В день 50-летия Вооруженных Сил СССР — 23 февраля 1968 года училищу было вручено Боевое Знамя.

На этом завершился первый этап формирования

В.Г. Зибарев

Б.Н. Волков

Н.Ф. Зубков

Ю.А. Ширинский

В.А. Казаков

Начальники училища

Звание	Фамилия, имя, отчество	Годы работы
Генерал-майор	Зибарев Василий Георгиевич	1967—1973 гг.
Генерал-лейтенант	Волков Борис Николаевич	1973—1981 гг.
Генерал-майор	Зубков Николай Федорович	1981—1985 гг.
Генерал-майор	Ширинский Юрий Арифович	1985—1989 гг.
Генерал-майор	Казаков Валерий Александрович	1989—1998 гг.
Генерал-майор, заслуженный военный специалист РФ, кандидат педагогических наук, доцент	Егоркин Владимир Петрович	С 1998 г. — по настоящее время

училища, занявшего достойное место в ряду аналогичных высших военно-учебных заведений. Были заложены прочные основы для дальнейшей успешной деятельности, создано 11 кафедр и 4 курсантских батальона. В июле 1971 года состоялся первый выпуск — 283 офицера, 77 из которых получили диплом с отличием, а трое — Н.Н. Дегаев, Н.И. Конюхов, В.Н. Якунин — золотые медали. В числе первых выпускников был и курсант 1-й роты 4-го взвода Н.И. Резник, в настоящее время — генерал-полковник, начальник ГУВР ВС РФ.

ЯРКАЯ страница в жизни училища — 1980-е годы. В это время оно стало одним из крупнейших военно-учебных заведений страны. Наши выпускники зарекомендовали себя в войсках хорошо подготовленными

офицерами, способными руководить воинскими подразделениями в мирных условиях и боевой обстановке, умело и эффективно осуществлять воспитательную работу. Настоящие патриоты, мужественно выполняющие воинский долг, они героически проявили себя в больших делах. Многие из них участвовали в ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС, другие крещены огнем в Афганистане. Среди первых офицеров-«афганцев», ставших посмертно Героями Советского Союза — наши выпускники старший лейтенант Н.А. Шорников и лейтенант А.И. Демаков. Оба навечно занесены в списки училища: Н.А. Шорников в марте 1981 года — в списки 1-й роты, А.И. Демаков в мае 1984 года — в списки 13-й роты. Именем А.И. Демакова названа

улица в Академгородке, где установлен бюст и памятная доска. Указом Президента РФ в апреле 1994 года еще одному нашему выпускнику лейтенанту С.А. Амосову также посмертно присвоено звание Героя РФ. Его именем названа улица в поселке Гвардейском Калининского района Новосибирска. Надо сказать, что в те годы многие выпускники НВВПОУ сразу же после окончания курса местом службы выбирали ДРА и в абсолютном большинстве достойно выполняли свой долг. В числе первых выпускников, награжденных правительственными наградами, кроме Н. Шорникова и А. Демакова были В. Вавулин и В. Гришаев, В. Захаров и А. Казаков, А. Кисилев и В. Лебедев, В. Силуянов и Л. Стеринич, К. Бороздин, В. Борозденко и многие другие.

Новый этап в жизни военного вуза начался в 1990-е годы. В связи с упразднением политорганов НВВПОУ в мае 1992 года реформируется в Новосибирское высшее общевойсковое командное училище (НВОКУ) с задачей подготовки командиров взводов мотострелковых войск и войсковой разведки. Изменились программа и профиль обу-

А.И. Демаков

Н.А. Шорников

С.А. Амосов

О.В. Ворожанин

А.В. Дергунов

В.Е. Омельков

В.Н. Потылицын

Р.В. Сидоров

С.Г. Таранец

В.В. Токарев

чения. В соответствии с требованиями реформы военного образования училище начало работу по учебным программам, рассчитанным на 5-летний срок обучения. В связи с переводом батальона специальной разведки из Рязанского ВВДКУ в НВОКУ произошли организационно-штатные изменения. Вновь были созданы кафедры специальной разведки, воздушно-десантной подготовки, управления войсками.

Необходимо отметить, что на долю офицеров-выпускников 1990-х годов также выпало немало трудных испытаний: Таджикистан, Чечня, Дагестан, Абхазия, Молдова и другие «горячие точки». При этом за проявленные мужество и героизм звания Героя России посмертно были удостоены лейтенант В.В. Токарев, капитан И.В. Лелюх, лейтенант Д.В. Ерофеев, лейтенант Р.В. Сидоров.

Всего за время существования нашего вуза 22 его выпускника (из них 16 посмертно) были удостоены Золотой Звезды Героя. Вот эти имена: А.И. Демаков, Н.А. Шорников, С.А. Амосов, О.В. Ворожанин, А.В. Дергунов, Д.В. Ерофеев (навечно зачислен в списки 1-й роты 691-го отдельного отряда специального назначения), П.В. Захаров, А.А. Калинин, Ю.С. Климов, И.В. Лелюх (навечно зачислен в списки 1-й роты 690-го отдельного отряда специального назначения), В.Е. Омельков, В.Н. Потылицын, Р.В. Сидоров (навечно зачислен в списки 2-й роты), С.Г. Таранец, В.В. Токарев, В.Н. Шатов, А.В. Галкин, Д.В. Елистратов, Д.В. Ларин, И.В. Станкевич, С.В. Уженцев, И.К. Уразаев.

В 1997 году в их честь на территории училища создан мемориальный комплекс «Героям Отечества — выпускникам училища». Ни одно торжественное мероприятие — День защитника Отечества,

День Победы, День училища (1 июня), выпуск молодых офицеров, принятие военной присяги, встречи выпускников не обходятся без проведения такого воинского ритуала, как возложение цветов к бюстам героев-выпускников. Курсанты в день свадьбы со своей избранницей и гостями обязательно посещают этот мемориал, возлагают цветы и мысленно обязуются высоко и с достоинством нести честь выпускника училища. Участники военно-патриотических мероприятий, проходящих на территории училища, а это, как правило, школьники и учащаяся молодежь, также посещают этот комплекс, возлагают цветы, стоят в почетном карауле. Память потомков — это не только великая благодарность людям, исполнившим свой долг, но и

С.В. Уженцев

Д.В. Ерофеев

П.В. Захаров

А.А. Калинин

Ю.С. Климов

И.В. Лелюх

В.Н. Шатов

А.В. Галкин

Д.В. Елистратов

Д.В. Ларин

И.В. Станкевич

И.К. Уразаев

могучий призыв к активным действиям в условиях нашей неспокойной действительности. Память и верность традициям прошлого ко многому обязывает молодое поколение России, прежде всего к добросовестному служению своему народу.

Живая связь времен и поколений защитников Родины проявилась и в том, что на территории училища открыты памятники А.В. Суворову и Г.К. Жукову, в гарнизонном офицерском клубе «Звезда» работает музей истории училища, который с удовольствием посещают не только наши военнослужащие, но и многочисленные делегации учебных заведений города и области, гости. С посещения музея начинаются и традиционные встречи вы-

пускников разных лет. В НОЯБРЕ 1998 года училище переименовано в Новосибирский военный институт (НВИ), а в сентябре 2004 года стало называться Новосибирское высшее военное командное училище (НВВКУ). Обучение ведется на 15 кафедрах, имеющих современную учебно-материальную базу.

Профессорско-преподавательский состав училища высококвалифицированный. Из 104 человек 10 докторов наук, 64 кандидата наук и 30 доцентов. 34 преподавателя работают над диссертационными исследованиями, почти каждый третий имеет педагогический стаж от 5 до 10 лет. Профессор кафедры разведки, кандидат военных наук подполковник А.П. Чубик и доцент кафедры иностранных языков, кандидат филологических наук Е.И. Власова в 2006 году получили дипломы победителей и уведомление о присуждении грантов благотвори-

тельного фонда В. Потанина. В училище 112 военнослужащих являются участниками боевых действий, из них 22 курсанта. Один офицер принимал участие в ликвидации последствий на Чернобыльской АЭС. Девять курсантов получают именные стипендии: один — Президента РФ, пятеро — Благотворительного фонда В. Потанина, один — стипендию Администрации Новосибирской области и два — мэра Новосибирска. В течение последних трех лет курсанты регулярно участвуют в различных конкурсах, олимпиадах, соревнованиях. Показательны выступления команд училища на всероссийских соревнованиях по тактико-специальной подготовке среди групп специального назначения, на олимпиадах по военной истории, на международных конкурсах по международному гуманитарному праву. На всех подобных мероприятиях наши курсанты занимают достойные места. Так, на XXIV областной студенче-

ской олимпиаде по математике среди вузов Новосибирска курсант 3-го курса факультета войсковой разведки Б.Х. Торчинов занял 3-е место. На Всеармейский конкурс научных работ в 2006 году представлено 36 курсантских трудов.

Личный состав училища принимает активное участие в военно-патриотической работе. Курсанты выступают в школах Новосибирска и области, проводят уроки мужества, беседы о военной службе и условиях приема в НВВКУ. Командование и личный состав училища оказывают всестороннее содействие отделу образования Советского района Новосибирска, центру детского и юношеского творчества в проведении на базе училища традиционной ежегодной военно-спортивной игры «Победа — Зарница», посвященной Дню Победы в Великой Отечественной войне.

За свою историю училище произвело 35 выпусков офицеров общей численностью более 15 тыс. человек, 183 выпускника получили золотые медали, более 2,5 тыс. — дипломы с отличием. Среди выпускников училища есть генералы, солидный отряд старших офицеров, проходящих службу в армии и на флоте, во внутренних и пограничных войсках, ФСБ, ФАПСИ, доктора и кандидаты наук, военные педагоги, артисты, телевизионные работники, бизнесмены.

За значительный вклад в дело подготовки, воспитания молодежи и укрепление обороноспособности страны НВВКУ Постановлением Президиума национального комитета общественных наград от 8 сентября 2006 года награждено орденом Петра Великого 1-й степени.

Ныне НВВКУ — одно из ведущих военно-учебных заведений Министерства обороны РФ, имеющее достойную историю, добрые традиции и реальные перспективы в подготовке офицерских кадров российской армии XXI века.

Сорокалетняя история училища подтверждает незыблемость лучших традиций Вооруженных сил России; пока живы традиции российского офицерского корпуса, будет существовать и российская армия.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Выпускники НВВКУ, получившие звание генерала

Генерал-полковник Резник Николай Иванович (выпускник 1971 г.) — начальник Главного управления воспитательной работы ВС РФ, доктор политических наук, кандидат экономических наук.

Генерал-лейтенант Чеченко Александр Витальевич (выпускник 1974 г.) — заместитель главнокомандующего Сухопутными войсками по воспитательной работе.

Генерал-лейтенант Синайский Александр Сергеевич (выпускник 1973 г.) — секретарь Совета министров обороны государств-участников СНГ, доктор исторических наук, профессор.

Генерал-майор Казанцев Владимир Александрович (выпускник 1974 г.) — заместитель командующего ВДВ по миротворческим операциям (1953—2001 гг.).

Генерал-майор Ключников Виктор Иванович (выпускник 1971 г.) — начальник управления Главного управления воспитательной работы ВС РФ.

Генерал-майор Пронин Юрий Викторович (выпускник 1973 г.) — заместитель

командующего войсками Московского военного округа по воспитательной работе.

Генерал-майор Пьянзин Виктор Кузьмич (выпускник 1973 г.) — заместитель командующего войсками Дальневосточного военного округа по воспитательной работе.

Генерал-майор Касьянов Александр Михайлович (выпускник 1972 г.) — заместитель начальника академии Федеральной пограничной службы по научной работе.

Генерал-майор Комаров Алексей Петрович (выпускник 1971 г.) — в запасе.

Генерал-майор Силуянов Валентин Яковлевич (выпускник 1971 г.) — в запасе, начальник Контрольно-ревизионного департамента МЧС России.

Генерал-майор Дранишников Владимир Петрович (выпускник 1977 г.) — заместитель председателя Центрального совета РОСТО (ДОСААФ).

Генерал-майор Хлевнюк Александр Акимович (выпускник 1979 г.) — заместитель начальника Управления кадров ФСБ России.

Генерал-майор МЧС Фирсов Андрей Александрович (выпускник 1986 г.) — министр МЧС по Республике Хакасия.

Генерал-лейтенант Турченко Игорь Николаевич (выпускник 1981 г.) — командующий 36-й армией.

Генерал-майор Дашкин Юрий Алексеевич (выпускник 1981 г.) — заместитель командующего войсками Северо-Кавказского военного округа по воспитательной работе.

Генерал-майор Капищенко Владимир Михайлович (выпускник 1981 г.) — начальник Пермского высшего военного училища Внутренних войск МВД РФ.

*Полковник
А.М. ПАНЧЕНКО*

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИМПЕРАТОРСКОГО РУССКОГО ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА. 1907–1917 гг.

ИСТОРИЯ Императорского русского военно-исторического общества (ИРВИО) насчитывает чуть более десяти лет — с 7 апреля 1907 по октябрь 1917 года*. С самого начала своего существования оно стремилось правдиво освещать военное прошлое Родины и достигло в этом значительных результатов¹.

Чтобы в полной мере оценить научные достижения общества, необходимо учитывать состояние русской военно-исторической мысли в годы, предшествовавшие его появлению. Среди военных историков долгое время господствовало преклонение перед иноземным военным искусством. Отечественная военная история и творчество крупнейших русских полководцев почти не изучались, а курс российского военного искусства в высших военно-учебных заведениях был факультативным. Д.Ф. Масловский, А.З. Мышлаевский, Н.П. Михневич, А.К. Байов и другие ученые, создававшие русскую военно-историческую школу, развернули большую работу по публикации первоисточников, их изучению и популяризации. Они добились значительных успехов, однако к началу Русско-японской войны 1904—1905 гг. их взгляды еще не получили ни полного признания научной общественности, ни безоговорочного одобрения руководящих военных деятелей. Решительный поворот в сторону отечественного военного искусства произошел тогда, когда общество, объединившее крупнейших историков и руководящих военных деятелей, провозгласило своей основной целью изучение военно-исторического прошлого Отечества, а не военной истории вообще. Это, несомненно, следует рассматривать как окончательную победу русской военно-исторической школы². В настоящее время плодотворная работа Императорского русского военно-исторического общества вызывает особый интерес российских историков³.

ПЕРВЫЙ решительный практический шаг по созданию общества был сделан в марте 1907 года генерал-лейтенантом А.З. Мышлаевским, начальником Военно-ученого архива, начальником Генерального штаба и одновременно начальником Главного управления Генерального штаба, который через газету «Русский инвалид» пригласил военных историков и лиц, заинтересованных военным прошлым России, явиться на организационное заседание общества. Было образовано организационное бюро⁴, которое выработало и разослало всем известным своими трудами представителям военной и общей истории приглашения со-

ставить военно-историческое общество. На этот призыв откликнулись 92 человека. Одновременно началась разработка проекта устава.

7 апреля 1907 года прошло первое общее собрание членов-учредителей в составе 36 человек под председательством старшего по возрасту генерал-лейтенанта Д.А. Скалона, состоявшего в распоряжении военного министра. С приветствием выступил руководитель организационного бюро А.З. Мышлаевский, изложивший в своей речи принципы и положения, касавшиеся будущей деятельности Русского военно-исторического общества. Затем М.И. Кияновский доложил основы проекта устава общества. Собрание одобрило их, поручило окончатель-

К 100-летию со дня образования

ную разработку документа избранной им редакционной комиссией⁵. 5 мая на втором собрании членов-учредителей устав был принят.

27 августа 1907 года последовало высочайшее утверждение устава общества. На докладе об открытии его 29 сентября российский император Николай II написал: «Глубоко сочувствую целям общества. Я охотно принимаю на себя звание почетного его председателя и желаю ему наименования императорского»⁶.

Номинально во главе общества стоял почетный председатель общества Николай II. Фактически же им руководил совет, состоявший из 12 человек. Все они избирались закрытым голосованием на общем собрании. Председателем совета бесспорно являлся генерал Д.А. Скалон. На пост первого товарища председателя совета был избран А.З. Мышлаевский. С 1908 года им стал Н.П. Михневич. Оба они совмещали указаный выборный пост с высокой должностью начальника Главного штаба, что обеспечивало официальные и неофициальные связи общества⁷.

Определенный интерес представляет состояние финансовых дел общества. В уставе общества записано, что его финансовые средства слагались из ежегодных членских взносов (5 рублей для действительных членов, 3 рубля для членов-сотрудников), частных пожертвований, доходов от изданий и пособий казны⁸.

Пожертвования частных лиц в целом несколько превосходили общую сумму членских взносов, но их расходование в большинстве случаев строго обуславливалось дарителями. Материально общество поддер-

* Здесь и далее все даты приведены по старому стилю.

Николай II

Д.А. Скалон

А.З. Мышлаевский

Н.П. Михневич

живали некоторые члены, например, М.И. Терещенко, граф А.А. Бобринский, а скончавшийся в 1913 году Н.П. Волынский завещал обществу 100 тыс. рублей. Средства эти шли главным образом на издательскую деятельность. Поступления от изданий были доходом лишь в бухгалтерском смысле: за 1908—1912 гг. по этой статье поступило 2876 рублей, а израсходовано 71 530 рублей. Денежные пособия от правительства, помещенные уставом на последнее место, фактически первенствовали в приходной части бюджета общества. В общей сумме прихода за пять лет «пособие от казны» составило около 70 проц. (84 514 рублей)⁹.

С 15 января 1908 года в уставе общества появилось положение о включении в его состав категории членов-сотрудников, в которые могли избираться все лица, сочувствующие деятельности общества и его задачам¹⁰. Уставом также определялось и наличие в нем действительных и почетных членов.

Действительных членов, к числу которых относились лица, «имевшие печатные труды или заслуги в области военно-исторической науки»¹¹, совет выбирал по рекомендательным заявлениям действительных и почетных членов общества (нужно было иметь не менее пяти рекомендаций и получить две трети голосов при закрытом голосовании). Для избрания членов-сотрудников устанавливался аналогичный порядок с той разницей, что достаточно было одной рекомендации. Почетные члены общества получали это звание пожизненно; они избирались на общем собрании по предложению совета общества. Почетными членами за время существования общества стали военные

историки Д.А. Милютин и А.З. Мышлаевский. Кроме того, этой чести удостоились военный министр В.А. Сухомлинов, великий князь Николай Михайлович и Михаил Александрович, а также румынский король Карл I.

Всего в ИРВИО насчитывалось: действительных членов в 1907 году — 384, в 1909 — 373, в 1913 — 890; членов-сотрудников в 1907 году — 903, в 1909 — 1005, в 1913 — 1991¹². В именном списке на 1 января 1912 года, содержащем наиболее подробные сведения о членах общества, зафиксированы 38 полных генералов (из 130 имевшихся в России на 1 июня 1911 года), 107 генерал-лейтенантов (из 325) и 189 генерал-майоров (из 914)¹³. Всего в списке были 334 генерала и 78 гражданских лиц в чинах, соответствовавших генеральским¹⁴.

Обложка «Журнала Императорского русского военно-исторического общества» 1912 г.

В СПИСКАХ входивших в общество фигурируют фамилии командующих военными округами и губернаторов, командиров корпусов и послов за границей, начальников дивизий, бригад и предводителей дворянства, командиров полков и земских начальников, окружных военных судей и епископов, уездных воинских начальников и городских голов, полковых священников и мировых судей, директоров кадетских корпусов и уездных исправников, инспекторов народных училищ, начальников полицейских участков, управляющих конторами Государственного банка и т.д.

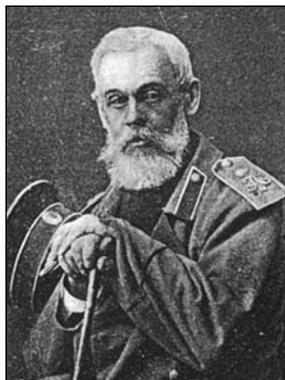
Среди действительных членов общества были такие известные ученые, как академик А.А. Шахматов, профессора С.Ф. Платонов, А.С. Лаппо-Данилевский, В.О. Ключевский, Д.И. Иловайский, Ю.В. Готье, Р.Ю. Виппер и др. Членами общества состояли военные ученые С.С. Каменев, М.Д. Бонч-Бруевич, А.М. Зайончковский, К.И. Величко, а также известный географ и исследователь Дальнего Востока В.К. Арсеньев, члены Академии художеств Ф.А. Рубо, Н.К. Рерих. Но они, как правило, почти не участвовали в работе общества. Активными деятелями общества стали военные историки всех рангов — от генералов Н.П. Михневича, А.К. Байова, Б.М. Колюбакина и сотрудников военно-исторического отделения Главного управления Генерального штаба до полковых историков; директора и научный персонал крупнейших архивов; работники музеев Петербурга и Москвы. Кроме того, это были такие крупные издатели, редакторы, сотрудники газет и журналов, коллекци-

Д.П. Струков

К.А. Байов

Д.А. Милютин

В.А. Сухомлинов

онеры и ревнители старины, как П.И. Щукин, П.Я. Дашков, графиня П.С. Уварова¹⁵.

В 1907—1908 гг. создавалась структура общества (разряды, комиссии, местные отделы). В 1909 году общество сосредоточивало основное внимание на участии в праздновании 200-летнего юбилея Полтавской победы. В следующем году главным событием стала встреча в мае с офицерами румынской армии, которые прибыли в ответ на визит членов Одесского отдела общества осенью 1909 года в Румынию для посещения Рымникского поля сражения.

В 1911 году совет уделил особое внимание издательской деятельности членов общества. Был установлен нагрудный знак для действительных членов общества, имевших печатные труды, жетон для сотрудников и почетный золотой знак.

В 1912 году проводились юбилейные празднества, особенно на периферии, в честь Отечественной войны 1812 года. В целом эти мероприятия стали делом армии и правительства, о чем констатировал «Журнал» общества¹⁶. В 1913 году оно приняло участие в подготовке и проведении празднования 300-летия царствования Дома Романовых¹⁷.

В НАЧАЛЕ 1914 года состоялись очередные заседания совета общества и собрания разряда военной археологии и археографии, посещение Пушкинского музея при Императорском Александровском лицее, осмотр коллекции рельефных портретов, батальных картин и различных государственных и исторических слепков печатей капитана 1 ранга Н.А. Типольта. На третьем ежегодном заседании совета 20 февра-

**Знак Императорского
русского военно-
исторического общества**

ля было принято решение о вручении Николаю II почетного золотого знака общества (вручен 24 февраля). Были утверждены также образцы знаков общества: диплома, удостоверения и свидетельства на жетон¹⁸.

Не следует забывать и о работе местных отделов общества. Особая комиссия, образованная 5 октября 1907 года, выработала положение о местных отделах общества, утвержденное общим собранием 9 декабря того же года, после чего советом было предложено ряду лиц организовать отделы в 12 городах (военных округах)¹⁹. В отдельных гарнизонах — подотделы²⁰.

Как правило, во главе отдела оказывался командующий войсками военного округа. Деятельность местных отделов носила преимущественно, а иногда исключительно агитационно-пропагандистский характер. Также они занимались изучени-

ем военно-исторических событий на территории округов, охраной, восстановлением и сооружением памятников, сбором исторических документов.

Так, уже в 1908 году московский отдел организовал ряд сообщений, прочитанных на 9 собраниях, при этом обратив внимание на предстоявшие юбилеи памятных событий 1613, 1709 и 1812 годов. В 1910 году, расширяя свою деятельность, отдел с одобрения совета общества открыл Кружок ревнителей памяти Отечественной войны 1812 года. Он устраивал доклады, публичные лекции, обзорные музеи, принимал участие в разработке программы празднования юбилея Полтавской битвы и 100-летней годовщины Отечественной войны 1812 года в Москве²¹, проявлял инициативу в увековечении памяти выдающихся военных деятелей.

Совет общества на заседании 25 ноября 1907 года признал необходимым подразделить его на особые отделения, или разряды²².

I разряд (истории войн) начал свою деятельность только в самом конце 1911 года и разрабатывал вопросы как сухопутных, так и морских военных кампаний, походов и отдельных боевых операций. Его деятельность ограничилась почти исключительно заслушиванием докладов в ходе шести состоявшихся собраний. Кроме того, данное подразделение проявило себя в издании трех томов Трудов общества, содержащих документы и исследования Бородинского сражения Отечественной войны 1812 года²³.

II разряд (истории военных специальностей) занимался разработкой всех частных вопросов военной истории и военного искусства: истории артил-

Карл I

В.Г. Глазов

Н.И. Иванов

В.Н. Никитин

лерийского, инженерного и других дел, тактики, военной администрации, а также изучением истории отдельных военных учреждений, частей, полков.

III разряд (военной археологии и археографии) включал в круг своих задач изучение и разыскивание военных памятников, архивных дел и документов, производство военно-археологических раскопок и проведение экскурсий. Он занимался сбором архивных материалов по истории полтавского периода Северной войны, Русско-шведских войн 1741—1743 гг. и 1808—1809 гг., сражения при Аустерлице, по воинской комиссии периода правления Анны Иоанновны, вопросами введения всеобщей воинской повинности, организацией научных экскурсий по местам бывших сражений в Копорье, Нарве и Лесной, составлением плана приведения в порядок описей архива бывшего Варшавского герцогства²⁴.

Производились археологические изыскания и раскопки в Новгороде, Пскове, Изборске, Старой Ладогге. Вмешательство общества в некоторых случаях предотвратило уничтожение памятников старины²⁵.

Разряд участвовал в работе XV Новгородского археологического съезда, IV областного историко-археологического съезда в Костроме, в XIV международном конгрессе антропологии и доисторической археологии в Женеве, в предварительном съезде деятелей музеев и архивов в Москве²⁶.

IV разряд (полковых и корабельных историй) был образован 25 апреля 1909 года. Его деятельность выразилась главным образом в заслушивании докладов и разработке частных вопросов полковой исто-

риографии. Были образованы также частные комиссии (всего 15), из которых полностью завершили свои работы только двенадцать²⁷.

По предложению Генерального штаба члены разряда работали в губернских архивах по поиску старых воинских дел, историй войсковых частей. Были разработаны положения о полковых музеях, об увековечении памяти героев в войсковых частях, правила составления истории полков, инструкция по ведению исторических дневников²⁸.

Деление на разряды распространялось на все общество, однако в большинстве местных отделов оно не было осуществлено. Каждый член общества мог состоять в одном или нескольких разрядах; численность каждого из них не превышала 40—60 человек. В разрядах избирались председатель, товарищ председателя (один или два) и секретарь; создавались комиссии и комитеты по отдельным вопросам²⁹.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ деятельность общества заключалась в выпуске «Трудов Императорского русского военно-исторического общества» (с 1909 по 1914 г. — 7 томов), «Журнала Императорского русского военно-исторического общества» (1910—1914 гг.), «Записок разряда военной археологии и археографии Императорского русского военно-исторического общества» (1911—1914 гг.), трудов Московского, Орловского и Варшавского отделов (1909—1912 гг.), нескольких отдельных научно-художественных сочинений, целого ряда популярных брошюр и, наконец, различного характера работ местных отделов³⁰.

Периодическим органом совета общества стал «Журнал

Императорского русского военно-исторического общества». Его редактором был избран член совета профессор П.И. Симанский, помощником стал Г.С. Габаев; обязанности секретаря редакции по совместительству исполнял секретарь совета общества Д.С. Струков.

По первоначальному замыслу журнал «должен был быть строго научным изданием»³¹. На протяжении 1910—1911 гг. вышли 12 номеров общим объемом 147 печатных листов. В них освещалась деятельность общества, печатались доклады и сообщения о его собраниях, редакционные статьи, критические отзывы и рецензии, библиография, хроника событий. Значительное место занимала публикация архивных документов, записок, мемуаров, дневников.

В журнале за это время появились некоторые ценные в научном отношении материалы. Однако с января 1912 года его облик существенно изменился: объем сократился до двух—четырех печатных листов; он стал выходить ежемесячно и высылался каждому члену общества «в счет его ежегодного членского взноса без добавления какой-либо особой подписной цены»³². В своей основе журнал стал информационным. С февраля 1914 года он начал бесплатно рассылаться библиотекам всех воинских частей³³.

ЗНАЧИТЕЛЬНОЕ место в практической деятельности общества занимали вопросы пропаганды и увековечивания русской военной славы. Были сооружены памятники А.В. Суворову в Измаиле и Рымнике, М.Д. Скобелеву — в Москве, Петру I — в Кексгольме, М.И. Кутузову —

близ селения Шумы (Крым), М.Б. Барклаю-де-Толли — в Риге. Совет и секретариат общества организовывали регулярные групповые осмотры и экскурсии полковых музеев и других хранилищ в Петербурге и его окрестностях³⁴.

Обществу с первых дней его основания поступали дары в виде отдельных книг и даже целых библиотек (например, библиотека П.С. Банковского). К концу 1912 года общество имело библиотеку в 10 000 томов, к сожалению, за неимением соответствующего помещения хранившихся в разрозненном виде в нескольких учреждениях. Поэтому пользоваться библиотекой, содержащей в себе много весьма ценных исторических трудов, было почти невозможно³⁵.

Общество принимало участие в открытии военно-исторических музеев в Петербурге, Киеве, Варшаве. Член совета общества Б.М. Колубакин консультировал Ф.А. Рубо при создании и установке знаменитой Бородинской панорамы. На местных, всероссийских и международных съездах историков всегда присутствовали представители общества. Организация поддерживала связь с зарубежными обществами.

Придавая большое значение археографической работе, общество обсуждало вопрос об упорядочении Центрального военного архива и об устройстве архивов в военных округах³⁶.

Выдвигая все лучшие силы своего состава к обслуживанию военно-исторических запросов, общество тем не менее по обстоятельствам, лежавшим вне его воли и готовности, не смогло добиться признания себя как учреждения, имеющего статус обязательного прямого обращения к нему всех государственных и общественных органов по военно-историческим вопросам, а также гарантии безошибочности и полноты всех военно-исторических справок и решений³⁷.

Другой слабостью для дальнейшего развития деятельности общества была недостаточность его материальных средств. Оно, несмотря на настойчивые ходатайства, не имело постоянного помещения для своих занятий, библиотеки, музея и канцелярии.

Третьим слабым местом работы этого общественного научного учреждения являлась

неспособность его деятелей решать крупные научные проблемы. В этой связи симптоматичен слабый интерес к истории собственно военного искусства и неумеренное увлечение историографией войсковых частей, военной историографией, геральдикой, всевозможными кантами и выпусками³⁸.

В настоящее время продолжателями дел общества являются военные историки современной России, осуществляющие свою деятельность в других организационных формах, по другим направлениям военно-исторической работы. Самостоятельными приемниками деяний прославленного общества можно назвать историческое отделение Академии военных наук, Академию военно-исторических наук, Институт военной истории, «Военно-исторический журнал», все военно-исторические органы в составе Министерства обороны и Вооруженных Сил России, а также соответствующие структуры всех силовых ведомств. Именно от них в настоящее время зависит выполнение тех актуальных и сегодня целей и задач военно-исторической работы, которые были поставлены основателями Императорского русского военно-исторического общества сто лет назад.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Устав Императорского Русского Военно-Исторического Общества. СПб., 1907. С. 1; Первые пять лет деятельности Императорского Русского Военно-Исторического Общества. 1907—1912 гг. СПб., 1913. С. 52.

² Отчет о деятельности Императорского Русского Военно-Исторического Общества за 1910 год. СПб., 1911. С. 3.

³ *Бескровный Л.Г.* Русское Военно-Историческое Общество. Очерки военной историографии. М.: Академия наук СССР, Институт истории, 1962; *Бориснёв С.В.* Императорское Русское Военно-Историческое Общество // Независимое военное обозрение. 1997. № 39; *Бориснёв С.В.* Русское Военно-Историческое Общество (1907—1917 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. М.: ВУ, 1995; *Винокуров А.В., Бориснёв С.В.* Русское Военно-историческое Общество, его роль в развитии исторической науки. М.: ГАВС, 1993; *Габаев Г.С.* Русское Военно-Историческое Общество (1907—1914) // Воен.-истор. журнал. 1940. № 4. С. 122—124; *Дьяков В.А.* О возникновении, составе и деятельности Русского Военно-Исторического Общества (1907—1917 гг.) // Проблемы истории общественного движения и историографии. М., 1971. С. 275—288; *Зезюлинский Н.Ф.* По поводу I и III томов Трудов Императорского Русского Военно-Исторического Общества. СПб., 1911. (рукопись); *Кирилин А.В., Бориснёв С.В.* Обра-

щение к истокам (Русской армии нужна военно-историческая служба) // Независимое военное обозрение. 1999. № 3; *Кочетков А.* Русское Военно-Историческое Общество (1907—1914) // Воен.-истор. журнал. 1965. № 9. С. 94—99; *Русская военная мысль, конец XIX — начало XX в. М., 1982. С. 61—72; Самашко В.П., Петрова Н.А.* Научно-издательская деятельность Русского Военно-Исторического Общества. Издание исторических документов и СССР (Вопросы истории, теории и методики). М., 1989.

⁴ Отчет о деятельности Императорского Русского Военно-Исторического Общества за 1909 год. СПб., 1910. С. 4.

⁵ Там же. С. 5.

⁶ Первые пять лет деятельности... С. 2.

⁷ *Дьяков В.А.* Указ. соч. С. 279.

⁸ Устав Императорского Русского Военно-Исторического Общества. С. 7, 11.

⁹ Первые пять лет деятельности... С. 47.

¹⁰ Отчет о деятельности ИРВИО за 1909 год. С. 11, 12.

¹¹ *Габаев Г.С.* Указ. соч. С. 123.

¹² Первые пять лет деятельности... С. 2.

¹³ Данные о численности высших военных чинов в русской армии // Военная энциклопедия. СПб., 1911. Т. VII. С. 225.

¹⁴ *Дьяков В.А.* Указ. соч. С. 280.

¹⁵ Там же. С. 281.

¹⁶ *Кочетков А.* Указ. соч. С. 98.

¹⁷ Первые пять лет деятельности... С. 37.

¹⁸ Русский инвалид. СПб. 1914. № 11, 20, 29, 32, 39, 44.

¹⁹ Были образованы отделы: московский — 1908 г. (председатель В.Г. Глазов), одесский — 1908 г. (В.Н. Никитин), варшавский — 1909 г. (М.И. Стрижев), киевский — 1909 г. (Н.И. Иванов), казанский — 1911 г. (П.А. Гейсман), орловский — 1911 г. (Н.А. Лашкевич), донской — 1911 г. (П.И. Мищенко), финляндский — 1911 г. (Ф.А. Зейн), тамбовский — 1911 г. (Е.З. Корбут), приамурский — 1912 г. (П.А. Лецицкий), нижегородский — 1912 г. (Н.Я. Лопушанский), вильнюсский — 1914 г. (П.К. фон Ренненкамф). См.: Первые пять лет деятельности ИРВИО. С. 17; *Бориснёв С.В.* Русское Военно-Историческое Общество (1907—1917 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. С. 74—107.

²⁰ *Кочетков А.* Указ. соч. С. 97.

²¹ Первые пять лет деятельности... С. 17.

²² Отчет о деятельности Императорского Русского Военно-Исторического Общества за 1909 год. С. 14.

²³ Пять лет деятельности... С. 16.

²⁴ Первые пять лет деятельности... С. 15, 16.

²⁵ Там же. С. 11.

²⁶ Там же. С. 6—8.

²⁷ Там же. С. 12, 14.

²⁸ *Кочетков А.* Указ. соч. С. 99.

²⁹ Отчет о деятельности ИРВИО за 1909 г. С. 14.

³⁰ Первые пять лет деятельности... С. 20.

³¹ Там же. С. 25.

³² Журнал Императорского Русского Военно-Исторического Общества (годовой комплект) за 1912 г. СПб. С. 2, 3.

³³ Журнал Императорского Русского Военно-Исторического Общества за 1914 г. С. 107.

³⁴ *Габаев Г.С.* Указ. соч. С. 123.

³⁵ Первые пять лет деятельности... С. 46.

³⁶ *Дьяков В.А.* Указ. соч. С. 287.

³⁷ Первые пять лет деятельности... С. 53.

³⁸ Русский инвалид. № 34. 9 февраля 1914.

**Полковник запаса
С.В. БОРИСНЁВ**

«ПЕРЕДАТЬ ПОЗДНЕЙШЕМУ ПОТОМСТВУ ДОСТОХВАЛЬНЫЕ... ПОДВИГИ»

О СОХРАНЕНИИ БОЕВЫХ ТРАДИЦИЙ

Реформирование воинской части, военно-учебного заведения, исключение корабля из состава ВМФ чаще всего имеют место при переводе Вооруженных сил с военного на мирное положение, а также в ходе военной реформы. При этом Боевые знамена, Военно-морские флаги, иные воинские реликвии и формуляры согласно существующим сегодня правилам пересылаются в центральные музеи, ордена — в Главное управление кадров (ГУК) МО РФ, если в директиве о расформировании не оговаривается передача всего этого по преемственности другим частям, кораблям, соединениям. В предлагаемой вниманию читателей статье рассказывается о порядке формирования и расформирования воинских частей в русской армии в XIX — начале XX века и формах сохранения их боевых традиций.

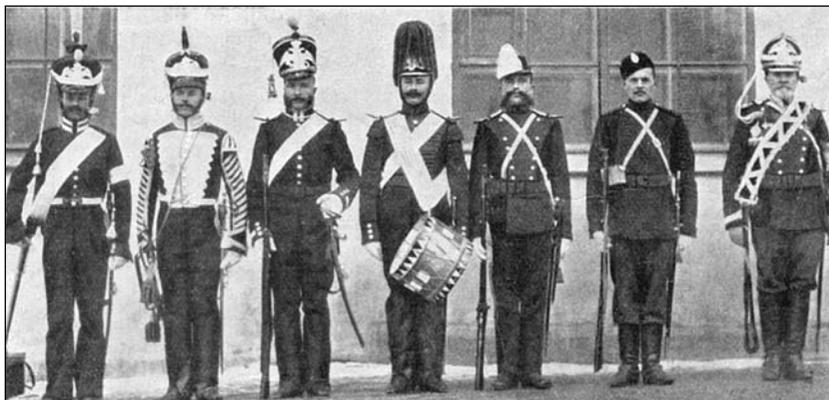
ТРАДИЦИИ¹ являются неотъемлемой частью жизни каждой армии. Они способствуют поддержанию в войсках высокого боевого духа, а также формированию у военнослужащих чувства уважения к прошлому своего государства и его армии. Важнейшими традициями наших Вооруженных сил всегда являлись преданность Отечеству и готов-

ность к его защите, уверенность в своих силах и в победе над врагом, верность присяге и воинскому долгу, героизм в бою, войсковое товарищество, стремление к совершенствованию воинского мастерства и укреплению воинской дисциплины, уважение к командиру и защита его в бою, гордость за свою армию в целом и — в особенности — за свою воинскую часть. В русской армии боевые традиции частей занимали особое место, являлись одним из важнейших военно-воспитательных аспектов, помогали формировать у офицеров и солдат чувство гордости за принадлежность к тому или иному полку, имевшему, как правило, славную историю. Как писал один из полковых историков начала XX века, «...гордое отношение к своим славным знаменам и преданиям вело к благородному соревнованию между частями не только на поле брани, но и в мирное время»². В том же духе высказался позднее и другой офицер русской армии: «...разнообразие боевых традиций поселяет в войсках благородное соревнование, всегда и во всяком деле споспешествующее его процветанию. Оно дает известный оттенок и индивидуальность духу части»³.

Говоря о боевых традициях отдельных воинских частей, следует учесть, что важным моментом в сохранении, например, полковых традиций является определение даты, с которой полк может отсчитывать свою историю. Казалось бы, здесь все легко — этой датой нужно считать день указа о формировании войсковой единицы. Однако не все так просто. В XIX веке для формирования новых частей выделялись роты, а иногда и батальоны уже

существовавших полков, дополнявшиеся новобранцами. Эти роты и батальоны становились своего рода костяком новой части, а полк, выделивший их, как бы ее прародителем. При этом вместе с батальонами (дивизионами) в новые части передавались и их регалии — Георгиевские знамена, трубы, сигнальные рожки, знаки за отличие⁴, а следовательно, и часть традиций полка-«прародителя». Так, сформированный 1 августа 1874 года из батальонов 81-го пехотного Апшеронского, 82-го пехотного Дагестанского, 83-го пехотного Самурского и 84-го пехотного Ширванского полков 164-й пехотный Закатальский полк⁵ унаследовал от перечисленных частей надписи отличия на Георгиевское знамя, Георгиевскую и серебряные трубы (в том числе за взятие Берлина в 1760 г.), знаки на головные уборы и другие регалии⁶. Подобных ситуаций было немало, поэтому возникла необходимость выработки четкой системы определения старшинства воинских частей, процесс развития и уточнения которой занял почти столетие.

Первым шагом на этом пути можно считать издание в 1799 году составленной князем Долгоруковым «Хроники Российской императорской армии», в которой помимо прочих сведений указывалась и дата учреждения — при этом с ошибками и неточностями — каждой воинской части. Таким образом, проблема истинного старшинства частей осталась, а сама система начала складываться лишь в начале XIX века. В декабре 1815 года было объявлено старшинство гвардейских частей, в январе следующего года — егерских полков, а в марте — всех остальных воинских час-

На праздновании столетнего юбилея лейб-гвардии драгунского полка. Группа чинов полка в образцах мундиров за сто лет существования

Царское Село, 19 марта 1914 г.

тей. В каждой однородной группе полков (например, егерских, пехотных, гренадерских и т.д.) вводилось не абсолютное, а относительное старшинство для выяснения очередности их участия в разного вида торжественных церемониях. Старшинство гвардейских, кирасирских и гренадерских полков исчислялось со времени получения ими своих наименований, остальных — со времени их основания. Кирасирские полки, созданные путем преобразования из драгунских, получили старшинство со времени этого преобразования (за исключением переименованного в кирасирский в 1812 году Стародубовского полка, так как он ранее являлся кирасирским). Бывшие кирасирские полки, переформированные в драгунские, конно-егерские, уланские, гусарские, получили старшинство со времени первоначального формирования. Пехотным полкам, переименованным в егерские, присваивалось старшинство со времени формирования, а переформированным в гренадерские или карабинерские — со времени переформирования⁷.

В ходе реорганизации пехоты в 1833—1835 гг. батальоны 84 упраздненных полков армейской пехоты были влиты в состав других или обращены на формирование новых. При этом все батальоны сохранили свои регалии и старшинство тех полков, в состав которых входили ранее.

Празднование столетнего юбилея 56-го пехотного Житомирского полка. Император Николай II с наследником обходит строй полка

Ливадия, 3 мая 1912 г.

В ПЕРВЫЕ вопрос об установлении абсолютного старшинства был поднят при императоре Николае I. Связано это было с учреждением новых регалий для частей, имевших не менее чем столетнюю историю. 25 июня 1838 года, «желая сохранить в победоносной нашей армии память незабвенного ее основателя и в каждом полку передать позднему потомству достохвальные их подвиги и тем возбудить и в новых поколениях храбрых Российских войск соревнование к столь же славным на поле брани заслугам», Николай I учредил для существовавших сто и более лет полков особые юбилейные ленты на знамена и штандарты: Андреевские — в Гвардии, Александровские — в армии. Кроме того, на знаменах и штандартах каждой воинской части должны были крепиться скобы, на которых среди других сведений указывался и год основания части⁸. Однако для вручения этих регалий следовало прежде всего установить точные даты основания воинских частей. Поэтому тем же указом утверждалась следующая система исчисления старшинства: если полк был сформирован из нескольких частей,

ему присваивалось старшинство старшей из них при условии, что эта часть — не менее полубатальона или двух эскадронов; если же полк формировался из нескольких меньших частей, то старшинство присваивалось со дня указа о формировании.

25 марта 1860 года выходит приказ военного министра генерала от артиллерии Н.О. Сухожанета № 188 «О знаках отличия, жалуемых войскам», в соответствии с которым изменяются правила исчисления времени основания полков. 10 июля 1871 года утверждается проект изменения соответствующей статьи Свода военных постановлений: теперь при формировании новой части Главный штаб или Главное управление иррегулярных войск (если речь идет о казачьей части) должны предоставлять на высочайшее рассмотрение особый доклад, где указывать особое старшинство каждой части, вошедшей в состав новой. На основании этих данных император сам принимал решение о присвоении старшинства. Казачьим частям присваивалось старшинство с той даты, под которой они впервые упоминались в официальных документах. О присвоении старшинства вновь сформированной части объявлялось в приказе по военному ведомству⁹. В 1865 году были изданы официальные хронологические таблицы полков с указанием батальонного старшинства и подробных хроник батальонов.

Празднование столетнего юбилея 56-го пехотного Житомирского полка. Освящение полкового юбилейного знамени

Ливадия, 3 мая 1912 г.

Окончательные правила исчисления старшинства воинских частей русской армии, упразднившие, кстати, старшинство батальонов в составе полков, были установлены в 1884 году, когда вышел приказ по военному ведомству № 96, излагавший правила определения старшинства полков. Они заключались в следующем:

если полк формировался из двух других полков и после того не делился, то его старшинство считалось по старейшему из этих полков;

старшинство полка, сформированного из половины другого, то есть не менее чем из шести рот, считалось одинаковым с этим полком;

старшинство полка, сформированного менее чем из шести рот другого, или из одного батальона, или из нескольких батальонов, но различных наименований, считалось со времени указа о формировании полка. Исключение составляли полки, сформированные из частей хотя и меньших, но имевших особые боевые заслуги со времени их первоначального создания¹⁰. Так, в 1884 году 15-му гренадерскому Тифлисскому полку было присвоено старшинство 42-го егерского полка с 1726 года, так как при расформировании последнего в 1834 году Тифлисский полк принял его Георгиевское знамя и другие регалии¹¹. Еще пример: тогда же высочайшим повелением предписывалось «для сохранения

наименований двух старейших полков в России (именно Выборгского и Луцкого) старшинство их, в виде исключения из общего правила, присвоить 85-му пехотному Выборгскому полку»¹². В последнем хранились и знаки отличия Выборгского и Луцкого полков.

Подобные исключения имели место и позднее. Так, 13 июля 1900 года 86-му пехотному Вильманstrandскому полку, сформированному 18 июня 1863 года, было присвоено старшинство со дня формирования 16 августа 1806 года старого Вильманstrandского мушкетерского полка¹³. При формировании нового полка с этим названием в его состав вошел Финляндский линейный батальон № 5. Последний, в свою очередь, вел историю от такого же батальона № 7, сформированного в 1835 году. При этом в состав Финляндского линейного батальона № 7 вошла лишь одна рота, имевшая преемственность от Вильманstrandского мушкетерского полка 1806 года. Тем не менее 86-й пехотный Вильманstrandский полк в порядке исключения получил старшинство от 16 августа 1806 года. Отметим также, что в 1884 году приказом по военному ведомству № 252 устанавливалось следующее: резервный

пехотный батальон (кадровый) при переформировании в военное время в полк передает свое старшинство всем батальонам этого полка¹⁴.

Несмотря на столь пристальное внимание даже на уровне первых лиц государства к проблеме старшинства воинских частей и сохранения тем самым их боевых традиций, сама система страдала многими недостатками. Так, одни части имели старшинство по древнейшим «предкам», зачастую полумифическим, у других отрицалось их личное старшинство за период, когда они были отдельными частями меньшего состава (полки — отдельными батальонами, отдельные батальоны — отдельными ротами и полубатальонами). Иногда полк-«потомок» имел большее старшинство, чем полк-«предок», а полки, существовавшие 20—30 лет, считались старше своих родоначальников.

Введение в 1884 году новых правил не только не улучшило положения, но еще более его запутало. Об ошибках в хрониках полков писал в 1914 году известный военный историк Г.С. Габаев. Он, в частности, указал на расхождения в расписании 1884 года с официальными данными предыдущих хроник. В частности, расписание 1884 года отрицало преемственную связь пехотных полков 161-го Александропольского, 87-го Нейшлотского, 74-го Ставропольского, 76-го Кубанского, 82-го Дагестанского и 83-го Самурского с бывшими егерскими полка-

Празднование столетнего юбилея 145-го пехотного Новочеркасского полка. Император Николай II вручает полковое юбилейное знамя командиру полка

Санкт-Петербург, Михайловский манеж, 29 ноября 1896 г.

ми: 41, 46, 47, 48, 49 и 50-м. Тем самым эти полки были признаны «вымершими», тогда как их прямыми и законнейшими наследниками, по мнению Г.С. Габаева, являлись выше-названные шесть пехотных полков¹⁵.

Среди «пострадавших» от нового расписания полков был 104-й пехотный Устюжский. До введения правил 1884 года он имел старшинство с 14 января 1785 года, когда был учрежден четырехбатальонный Лифляндский егерский корпус, из 1-го батальона которого 29 ноября 1796 года сформировался 7-й егерский батальон — родоначальник 104-го пехотного Устюжского полка. В 1884 году полк получил новое старшинство с 17 мая 1797 года, то есть со времени развертывания в русской армии всех егерских батальонов, среди которых был и 7-й, в полки. Не согласившись с таким исправлением, командир 104-го пехотного Устюжского полка возбудил ходатайство о присвоении полку прежнего старшинства. Но, судя по всему, его ходатайство осталось без ответа. Аналогичная ситуация сложилась и в 93-м пехотном Иркутском полку¹⁶.

Надо сказать, что в целом изменения в старшинстве полков, введенные в 1884 году, вызвали недовольство в армии. Подтверждением этому служат периодически возбуждавшиеся ходатайства об изменении старшинства, с которыми командиры полков обращались в созданное в 1907 году Императорское русское военно-историческое общество¹⁷. Важным направлением деятельности общества являлось содействие военным историкам, для чего в его составе имелся «Разряд полковых и корабельных историй». Кстати, на одном из его заседаний в 1913 году рассматривалось ходатайство командира 87-го пехотного Нейшлотского полка о присвоении старшинства с 1806 года¹⁸, но многие командиры полков «копали» еще глубже. Так, 8-й пехотный Эстляндский полк, имея старшинство с 17 января 1711 года, претендовал на преемственность от Новгородского полка пицальников с 1478 года¹⁹. Подобные просьбы из полков шли и в другие инстанции. В

конце концов приказом по войскам Гвардии и Петербургского военного округа № 148 от 17 июля 1912 года командирам воинских частей при возбуждении подобных ходатайств было запрещено обращаться одновременно и к высшему руководству, и в Военно-историческое общество. Как было сказано в приказе, «при надобности каких-либо исторических справок и дополнительных данных к компетенции Императорского русского военно-исторического общества будет обращаться уже высшее войсковое начальство»²⁰.

И все же единичные случаи изменения старшинства частей по ходатайству их командиров имели место и после 1884 года, при этом возникали и курьезы. Так, старшинство одного и того же прежнего полка могли иметь сразу несколько полков начала XX века. Например, старшинство Вильманstrandского мушкетерского полка (16 августа 1806 г.) имели 86-й пехотный Вильманstrandский и 12-й Финляндский стрелковый полки. Еще пример. 31 августа 1871 года 39-й пехотный Томский полк отметил свой столетний юбилей. По расписанию 1884 года он получил новое старшинство с 29 ноября 1796 года. Таким образом, в 1896 году полк снова отмечал свое столетие²¹. 145-й пехотный Новочеркасский полк, являвшийся преемником 39-го пехотного Томского и имевший такое же старшинство, тоже отметил юбилей дважды.

Так или иначе, несмотря на многочисленные ошибки и неточности, система исчисления старшинства воинских частей имела большое значение для развития и сохранения боевых традиций русской армии. К тому же необходимость установления или уточнения времени создания части стимулировала дальнейшие исследования военных историков. Кроме того, в тесной связи с системой старшинства находилась развившаяся в русской армии во второй половине XIX столетия традиция торжественного празднования полковых юбилеев, даты которых определялись именно старшинством воинской части и празднование которых имело большое военно-патриотическое значение.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Традиция (от лат. *traditio* — передача), элементы социального и культурного наследия, передающиеся от поколения к поколению и сохраняющиеся в определенных обществах и группах длительное время. В качестве традиций выступают определенные общественные установления, нормы поведения, ценности, идеи, обычаи, обряды и т.п.

² *Понов Н.Н.* История 2-го грендерского Ростовского полка. Т. 1. М., 1902. См.: www.regiment.ru/library/lib-16/lib-16-1.htm.

³ Полковой историк. Нужна ли нивелировка войсковых частей? // Русский инвалид. 1912. № 177.

⁴ Высочайше утвержденный 10 июля 1871 г. проект изменения пунктов 1, 2, 3, 6, 8, 9, 12, 20, 22, 26, 29 и 66 прилож. к статье 573 кн. II, ч. II Свода военных постановлений (по I продолж.) // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание третье. Т. XLVI. Отделение второе. СПб., 1874. С. 63.

⁵ Все даты приводятся по старому стилю.

⁶ Грендерские и пехотные полки. Справочная книжка Императорской главной квартиры. СПб., 1909. С. 206.

⁷ При этом указывался только год старшинства, без точной даты. См.: О старшинстве полков со времени формирования их // ПСЗРИ. Собрание первое. Т. XXXIII. СПб., 1830. С. 545.

⁸ Об установлении особых знаков отличий во всех Российских войсках // ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XIII. Отделение первое. СПб., 1839. С. 998, 999.

⁹ ПСЗРИ. Собрание третье. Т. XLVI. Отделение второе. СПб., 1874. С. 63.

¹⁰ *Григорович А.* Опыт руководства к составлению полковых историй. СПб., 1913. С. 27.

¹¹ Расписание грендерских и драгунских полков с показанием старшинства и знаков отличия, которые должны быть им присвоены. СПб., 1884. С. 22.

¹² Цит. по: Выборгский 85-й пехотный полк // Военная энциклопедия. Т. 7. СПб., 1912. С. 99. Луцкий полк был сформирован в 1700 г. как Николая фон Вердена полк, в 1810 г. переименован в 45-й егерский полк. В 1833 г. полк был расформирован, 1-й батальон и половина 3-го батальона влились в состав Выборгского пехотного полка.

¹³ ПСЗРИ. Собрание третье. Т. XX. СПб., 1902. С. 962.

¹⁴ *Григорович А.* Указ. соч. С. 28.

¹⁵ *Габаев Г.С.* О старшинстве войсковых частей и хрониках грендерских и пехотных полков. СПб., 1914. С. 66, 67.

¹⁶ Там же. С. 9, 10.

¹⁷ Устав Императорского русского военно-исторического общества и положение о местных отделах. Киев, 1913. С. 5.

¹⁸ Журнал Императорского русского военно-исторического общества. 1913. Кн. 1. С. 8.

¹⁹ См.: *Гулевич С.А.* Четырех с половиной вековая с 1478 по 1911 год история 8-го пехотного Эстляндского полка, бывшего Новгородского полка пицальников 1478—1550 годов, Новгородского стрелецкого полка 1550—1710 годов, Эстляндского гарнизонного полка 1710—1764 годов, полка графа Кастро де Лацерда 1797—1801 годов, Ревельского гарнизонного полка 1801—1811 годов, Эстляндского егерского и пехотного полка 1811—1911 годов. СПб., 1911.

²⁰ Приказ по войскам Гвардии и Петербургского военного округа № 148 от 17 июля 1912 г. // Приказания по войскам Гвардии и Петербургского военного округа за 1912 г. СПб., б.г.

²¹ *Маркс Н.* Обзорные предметы военной старины. Отдел I. Музеи войсковых частей. Выпуск I. М., 1912. С. 28.

И.В. ХОХЛОВ

Редакция и автор выражают признательность Ю.А. Маркитанову, предоставившему часть иллюстраций для статьи.

«СРЕДИ ЗАРУБЕЖНЫХ МОРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ Н.А. МОНАСТЫРЕВ ЗАНИМАЕТ ОДНО ИЗ ВИДНЫХ МЕСТ»

УИТАТА, вынесенная в заголовок, взята из публикации в выходявшем в Париже журнале «Часовой», который в 1935 году поместил заметку «Морской музей капитана 2 ранга Монастырева». В ней рассказывалось о том, как известный подводник и историк русского флота, сумевший опубликовать, находясь в эмиграции, ряд содержательных и поучительных книг на французском, немецком и итальянском языках, открыл помимо того, оказавшись вместе с другими соотечественниками и остатками русского флота в Северной Африке, морской музей. Здесь его стараниями при поддержке таких же, как и он подвижников собраны модели различных кораблей с их краткими описаниями, преимущественно подводных лодок — «Скат», «Кашалот», «Краб», «Утка».

Попадись эта заметка в ту пору на глаза большинству офицеров, служивших в советском Военно-морском флоте, вряд ли имя этого человека оказалось бы им знакомым. Но он стоял, можно сказать, у истоков создания отечественных подводных сил.

Родился Нестор Александрович Монастырев 16 ноября по старому стилю 1887 года в семье присяжного поверенного округа Московской судебной палаты. Чо его отец, Александр Николаевич, что мать, Мария Андреевна, славились оригинальностью и выдумками. Одни имена, которые они давали своим детям, чего стоили — Сократ, Уалент, Дий, Баян, Таллий, Галли. При этом по семейной традиции Монастыревы, как правило, оканчивали Московский университет, где на юридическом факультете преподавал отец семейства. Не стал поначалу исключением и Нестор, поступивший туда же после окончания гимназии. Но, пройдя несколько курсов университета, так и не смог пересилить неистребимую тягу к морю — в 1909 году переменял звание столич-

ного студента на юнкера флота. Еще три года спустя, после сдачи по полной программе Морского корпуса положенных экзаменов, получил офицерский кортик и погоны мичмана.

Начало морской службы для Нестора Монастырева прошло на надводных кораблях Черноморского флота, а перед Первой мировой он окончил Офицерский класс подводного плавания на Балтике, возвратившись после переучивания на Черное море, в Севастополь. Правда, в первые месяцы служил на эскадренных миноносцах, которые осуществляли поддержку флангов наших войск, действовавших на Кавказском побережье. Затем получил должность минного офицера на только что построенном подводном минном заградителе «Краб». За участие в успешной постановке мин у Босфора Нестор Александрович удостоился Георгиевского оружия*, получив при этом из рук императора Николая II высочайший подарок — золотой портсигар.

Революционные события в России 1917 года происходили в то время, когда Н.А. Монастырев командовал подводной лодкой «Скат», а после перехода Крыма под контроль Добровольческой армии, его назначили минным офицером подводной лодки «Тюлень», укомплектованной исключительно офицерским составом. Последним его кораблем стала подводная лодка «Утка», на которой он в конце 1920 года и покинул Родину. «Эвакуация, — писал он впоследствии, — прошла успешно... Я получил приказ следовать в Босфор и при входе в пролив поднять французский флаг. Мне объяснили, что Франция берет остатки нашего флота под свою защиту. Утром 17 ноября опустился густой туман, который держался до 9 часов утра. Затем солнце рассеяло туман и освети-

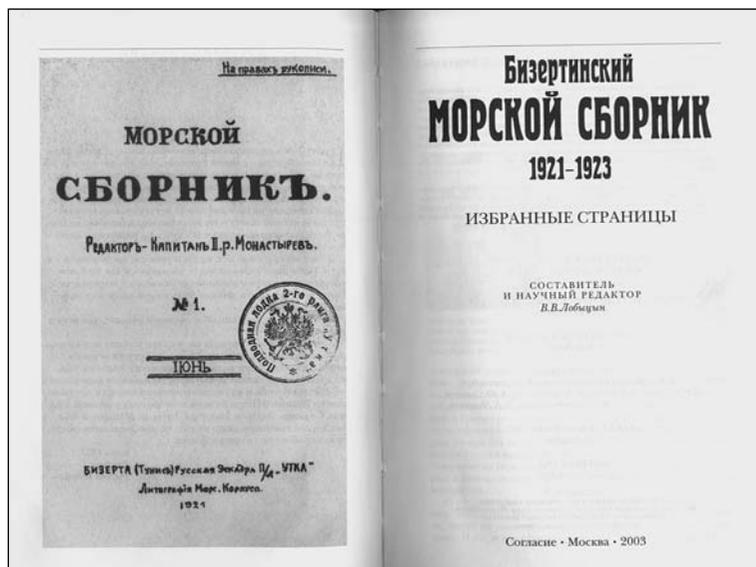
* См. подробнее: Воен.-истор. журнал. 2006. № 3.

Н.А. Монастырев

ло Севастополь... Корабли и пароходы выходили в море, начав долгий путь трагической русской эмиграции. Даже море присмирело, как бы желая дать нам последнее утешение на нашем крестном пути. Малым ходом «Утка» стала выходить из гавани. Все, кто мог, вышли на верхнюю палубу. Последний раз сверкали для нас золоченые купола и кресты русских церквей... Прощай, Родина, прощай, моя Отчизна! Прощай, Севастополь, колыбель славного Черноморского флота!».

21 ноября 1920-го была образована Русская эскадра, в состав которой вошел и дивизион из 4 подводных лодок с плавбазой «Добыча». Начальником дивизиона стал капитан 2 ранга Н.А. Монастырев. 8 декабря русские корабли начали свой последний путь — к берегам Северной Африки, в Бизерту. Французы, вчерашние союзники по германской войне, дали Русской эскадре П.Н. Врангеля приют в

Титульные листы бизертинского журнала «Морской сборник» и посвященной ему книги

Обложка книги о бизертинском издании Н.А. Монастырева

своей базе в Тунисе. К 29 декабря несколькими группами туда пришли 33 российских корабля, а с лета следующего года на борту подводной лодки «Утка» начал выходить первый заграничный военно-морской журнал «Морской сборник» под редакцией Н.А. Монастырева. На его страницах бывшие офицеры российского флота рассказывали о только что пережитом в Первую мировую и Гражданскую войны, когда все еще было свежо в памяти. Кроме того, здесь публиковались документы Русской эскадры и регулярные обзоры событий на ней, а также данные о русских военно-морских организациях в других странах, сведения о большинстве которых только и сохранились на страницах этого издания. Тексты очередных номеров печатались по ночам, когда освобождалась дивизионная пишущая машинка, ну а тиражи изготавливались в литографии Морского корпуса, размещавшегося в старом французском форте Жембель-Кериб и лагере Сфаят. Журнал, предположительно в несколько сотен экземпляров, распространялся в семнадцати странах: кроме Туниса, во Франции, Германии, Англии, Финляндии, в США, Японии, Египте и даже в Дальневосточной республике и Советской России.

В октябре 1924 года на всех русских кораблях, базировавшихся в Бизерте, в последний раз спустили Андреевский флаг. «Моя карьера морского офицера закончилась, — с горечью констатировал Н.А. Монастырев. — Не об

этом мечтал я в своей юности, выбирая жизненный путь. Я мечтал о дальних походах, о радостных лицах друзей, о славе нашей Родины и ее флота, о славе Андреевского флага. Андреевский флаг спущен!.. Теплая звездная ночь окутывает своей тенью корабли, которые мы только что покинули. У меня на душе холодно и пусто. Теперь я окончательно потерял все, что мне было дорого».

На то время Нестору Александровичу исполнилось 38 лет. Как и все прибывшие с Русской эскадры, как и его жена Людмила Сергеевна, он теперь назывался «беженцем». Хотя в его понимании такое определение его статуса плохо сочеталось с кодексом чести русского офицера, но надо было продолжать жить. Медицинская профессия жены способствовала тому, что колониальная администрация предложила Людмиле Сергеевне соответствующую работу в Тунисе, правда, для этого потребовалось принять французское подданство. Поселились в Табарке, что на северо-западе Туниса.

Проживая в эмиграции, Нестор Александрович продолжает интересоваться историей Военно-морского флота России. Из-под его неутомимого пера одна за другой выходят на разных языках 10 книг. До сих пор не увидели свет оставшиеся в рукописи работы: «Одиссея Русского Императорского флота», «Записки морского офицера», «Северные витязи», «К теплым морям».

В Табарке, где он доживал свой век, его называли «командором» за офицерскую морскую

фуражку, без которой он не появлялся на людях. Но в город он выходил не часто, предпочитал уединение. В доме было много книг, хорошее пианино.

Скончался Нестор Александрович от инсульта на своей ферме, там же, в тунисской Табарке, 13 февраля 1957 года, не дожив несколько месяцев до своего семидесятилетия. Похоронен на местном кладбище. Через полгода скончалась Людмила Сергеевна. Прожили они вместе почти 45 лет.

В 1998 году активисты Российского фонда культуры совместно с сотрудниками Центрального музея Вооруженных сил Российской Федерации сумели доставить из США переданные им Американско-русским историко-просветительным и благотворительным обществом «Родина» (г. Лейквуд, штат Нью-Джерси) оставшуюся часть** собираемой годами коллекции. В числе других исторических материалов были выпуски бизертинского «Морского сборника», датированные 1921—1923 гг., а также неопубликованные «Записки морского офицера» Н.А. Монастырева, которые в сокращенном варианте и предлагаются читателям «Военно-исторического журнала». Полностью рукопись Н.А. Монастырева предполагается опубликовать в «Военно-историческом журнале. Интернет-приложении» (www.mil.ru).

Г.Г. МОНАСТЫРЕВА

** Первые две части этих уникальных исторических реликвий общество «Родина» передало в дар России в 1994 и 1996 г.

БАЛТИЙСКАЯ СТРАНИЦА МОЕЙ МОРСКОЙ КАРЬЕРЫ

Н.А. МОНАСТЫРЕВ

В КОНЦЕ октября [1913 года] я приехал в Либаву. Как велика была разница в природе этого сырого и пасмурного прибалтийского края в сравнении с ясным и теплым югом. Подъезжая к порту императора Александра III, сквозь снежную пургу, окутавшую воды Балтики, я увидел зеленовато-мутные проблески угрюмого и неприветливого моря. Сильный северный ветер срывал верхушки волн, которые с шумом разбивались о плоский берег. Низкие бурые облака, смешиваясь со снежной пеленой и морской пеной, скрывали горизонт. Совсем недалеко, выныривая из под хлопьев снега, мчался огромный трехмачтовый парусник, накренившись на правый борт. Скоро мгла совсем поглотила его, открыв вместе с тем взору железную ферму моста, перекинутого через канал. Отсюда начиналась территория порта, построенного всего несколько лет назад и долженствующего представлять со-

бой важный стратегический пункт России на Балтийском море. Но, будучи еще неоконченной постройкой, он уже был покинут наполовину, хотя на его оборудование были затрачены колоссальные деньги. Сложившиеся вскоре обстоятельства доказали как бесполезность этих затрат, так и беспочвенность самого порта в качестве опорного военного пункта: слишком уж близка была от границы Германии Либава, и удержание ее даже в самом начале назревавшей войны представлялось едва ли возможным. К счастью, исключительно неблагоприятное положение этого района, пусть и с некоторым опозданием, но все же было понято, потому-то дальнейшая постройка чего-то нового была приостановлена.

Открывшиеся моему взору возведенные наполовину форты, окружавшие несостоявшийся опорный пункт, уже были оставлены, орудия сняты, а сооружения для войск заброшены. Недоумевающе зияли пустотой крепостные амбразуры, медленно зарастающие бурьяном и травой. Словом, задуманная ши-

роко база, что называется, отцвела, не успевши расцвести.

И все же в самой Либаве жизнь была ключом. Здесь помимо 1-й минной дивизии Балтийского моря, насчитывавшей около 40 миноносцев, находились авиационный и учебный подводный со школой отряды. Большую территорию в несколько квадратных верст занимали здания для морских команд, подводного класса, Морского собрания, мастерских порта. Для сообщения с отдельными районами в порту была построена специальная железнодорожная ветка с регулярно курсирующими поездами.

Коммерческий порт Либавы, слышавший вторым по величине русским торговым пунктом на Балтийском море, находился ближе к городу. Это объяснялось тем, что он почти не замерзал, почему и было решено строить военную базу. Без преувеличения здесь велась вся торговля в течение зимних месяцев. Когда в Петербург пройти было нельзя, сюда шли все пароходы, направлявшиеся в эту пору в Россию.

ХРОНОГРАФ

1 мая 1947 года в воздушном параде над Красной площадью прошли 100 первых советских реактивных истребителей (50 МиГ-9 и 50 Як-15).

4 мая 1807 года в лагере Наполеона I под Финкенштейном (Германия) во время Русско-иранской войны 1804—1813 гг. был подписан ирано-французский договор, направленный против Англии и России. Договор обязывал шаха порвать политические и торговые отношения с Англией, объявить ей войну, склонив к этому же афганцев, двинуть свою армию в Индию против английских войск, пропустить через Иран в Индию французские войска и снабжать их продовольствием, а также открыть все порты Персидского залива для французской эскадры. В свою очередь Наполеон гарантировал неприкосновенность территории Ирана и обещал побудить Россию передать ему Грузию; Франция взяла обязательство поставлять Ирану вооружение и направлять инструкторов для реорганизации иранской армии. Шах ратифицировал договор и предоставил французам большие льготы и привилегии. Однако, заключив в 1807 году с Россией Тильзитский мир, Наполеон отказался помогать Ирану в войне против России, вследствие чего ирано-французский договор 1807 года утратил свое значение.

5 мая 1877 года в с. Кривая Коса, ныне пгт Седово Донецкой области (Украина), родился Георгий Яковлевич Седов, исследователь Арктики, старший лейтенант флота (1901). Во время Русско-японской войны 1904—1905 гг. командовал миноносческой Амурской военной флотилии. Участник ряда гидрографических экспедиций в Северном Ледовитом океане. Начальник санной экспедиции к Северному полюсу (1912—1914). Умер 20 февраля 1914 года во время перехода.

Все даты приводятся по новому стилю

5 мая 1897 года в с. Шилово, ныне Красноармейского района Саратовской обл., родился Георгий Федорович Захаров, генерал армии (1944). В Красной армии с 1919 года. Окончил пехотные курсы (1920), курсы «Выстрел» (1923), Военную академию им. М.В. Фрунзе (1933), Военную академию Генштаба (1939). В 1915 году был призван в армию, в 1916 окончил школу прапорщиков; участвовал в Первой мировой войне, подпоручик. В октябре 1917 года перешел на сторону Советской власти и с августа 1919 года командиром роты сражался на Восточном фронте. После окончания Гражданской войны командовал батальоном, полком, был начальником военно-хозяйственного снабжения дивизии, преподавал тактику в Военно-инженерной академии РККА. В 1939—1941 гг. начальник штаба Уральского военного округа. С начала Великой Отечественной войны начальник штаба 22-й армии Западного фронта, которая отражала натиск превосходящих сил противника под Витебском, Великими Луками и Невелем. С августа 1941 года начальник штаба, с октября командующий войсками Брянского фронта, а с декабря заместитель командующего Западным фронтом. С мая 1942 года начальник штаба Северо-кавказского направления, затем Северо-Кавказского фронта. С августа начальник штаба Юго-Восточного (Сталинградского) фронта. С октября 1942 года заместитель командующего Сталинградским фронтом, успешно осуществлял руководство армиями левого крыла фронта в ходе контрнаступления под Сталинградом. Затем заместитель командующего Южным фронтом, а с февраля 1943 года командующий 51-й армией, которая принимала участие в освобождении Ростова. В июле 1943 года назначен командующим 2-й гвардейской армией, отличившейся при прорыве мощной обороны противника на реках Миус и Молочная, на Перекопе, при освобождении Севастополя. С июля 1944 года командующий 2-м Белорусским фронтом. С ноября 1944 года командующий 4-й гвардейской армией, форсировавшей Дунай и принимавшей участие в окружении будапештской группировки противника. С апреля 1945 года заместитель командующего 4-м Украинским фронтом. В послевоенный период командовал войсками Южно-Уральского и Восточно-Сибирского военных округов, был начальником курсов «Выстрел», замес-

Так что я смог убедиться очевидно, что как бы то ни было, а порт Императора Александра III все же существовал, и мне пришлось провести в нем почти год. Видел его благоустройство, был свидетелем его разрушения.

Сначала остановился в здании старого Морского собрания, где были комнаты для приезжающих офицеров. Оно находилось против большого и комфортабельного здания нового собрания, которое украшало своим видом весь порт. Надо сказать правду: морское ведомство прекрасно обустроило своих морских офицеров, заботилось о них в отношении жизненных условий, причем приходилось платить за это гроши. Мы поместились вдвоем с Р. и платили за две большие комнаты, хорошо обставленные, всего-навсего 75 копеек в сутки. Правда, долго прожить в этой уютной обстановке нам не пришлось: через несколько дней нас переселили в помещение подводного класса, где для офицеров-слушателей были отведены комнаты. Тут в смысле обстановки и удобств хотя и было несколько хуже, но жаловаться на что-либо тоже не приходилось.

К тому времени занятия уже начались, и нам, прибывшим последними, пришлось одновременно готовиться к вступительным экзаменам и догонять пройденное нашими товарищами. Это было довольно трудно, но мы с Р., принявшись с жаром

за занятия, преодолели все затруднения, просиживая за книгами до поздних часов. Весь день уходил на слушания лекций, которые начинались в 9 утра и продолжались с перерывом на час для завтрака до 6 вечера. Кроме того, часто по вечерам устраивались добавочные занятия, так что времени на то, чтобы успеть пополнить наш пробыл, хватало с трудом.

Число слушателей было небольшим — всего 22 человека, причем 17 из них — черноморские офицеры. Мы все знали друг друга и раньше, потому сразу же вошли в колею и зажили дружной семьей. Почти все, за малым исключением, были холостяками, поэтому наша береговая кают-компания вела себя беззаботно и весело, так что преподавательский персонал смотрел на нас как на школьников, придерживаясь строгой субординации. Особенно непреклонен был заведующий обучением лейтенант Б., который держал слушателей, в том числе даже многоопытных, что называется, в ежовых рукавицах. Нас немилосердно «фитиляли» за опоздание на лекции или какие-либо другие упущения, не стеснялись в случае чего и посадить под домашний арест. Словом, подводный офицерский класс представлял собой школу в полном смысле этого понятия.

Значительную роль в проведении с нами практических занятий по всем специальностям играли

кондукторы флота, подобранные из числа особенно знающих и опытных. Впрочем, двое из них несколько переоценивали свою значимость, выделяясь апломбом и каким-то покровительственным к нам отношением. Одного мы шутя сами возвышали, обращаясь к нему не иначе как «профессор Жуков». Он вел с нами практические работы по электротехнике и аккумуляторам, часто прибегая к неуместным различным формулам и математическим выкладкам, выписывая их на доске, при недостатке общего образования, с явными ошибками. Другой, кондуктор Коновалов, занимался с нами по практической части, устройством и обслуживанием двигателей внутреннего сгорания и подводных лодок и всем своим видом показывал, что тоже не прочь именоваться профессором.

Не исключено, что манеру держаться эти кондукторы позаимствовали у преподавателя, капитана 1 ранга, инженер-механика С. Его основным и выдающимся качеством тоже был апломб с оттенком большого мнения о себе. Он имел Георгиевский крест за японскую войну, полученный им за бой на крейсера «Варяг» в Чифу. В то время на эти кресты смотрели на флоте особыми глазами, так как считали, что они были получены не по заслугам и не соответствовали духу Георгиевского ста-

тителем начальника Главного управления боевой подготовки Сухопутных войск. Умер 26 января 1957 года*.

5 мая 1907 года в Екатеринославе, ныне Днепропетровск (Украина), родился Георгий Карпович Цинёв, генерал армии (1978), Герой Социалистического Труда (1977). На военной службе с 1941 года. Окончил Днепропетровский металлургический институт (1934), Высшую военную академию (1953). В Великую Отечественную войну комиссар полка и штаба оперативной группы, заместитель начальника политического управления Калининского фронта, начальник политотдела 4-й ударной армии и 57-й армии. Участвовал в боях при освобождении Правобережной Украины, Молдавии, Румынии, Болгарии, Югославии, Венгрии и Австрии. С октября 1945 года в военной администрации СССР в Австрии, с апреля 1946 года помощник военкома советской части союзнической комиссии, в 1950—1951 гг. заместитель верховного комиссара от СССР. С 1953 года в органах госбезопасности, начальник особого отдела Группы советских войск в Германии. В 1958—1960 гг. начальник Военного института Комитета государственной безопасности. С октября 1960 года на различных должностях в КГБ, в январе 1982 — ноябре 1985 гг. первый заместитель председателя КГБ СССР. В 1986—1992 гг. в Группе генеральных инспекторов МО СССР. Умер 31 мая 1996 года.

5 мая 1942 года началось формирование воздушных армий, однородных авиадивизий и корпусов Резерва Ставки ВГК. На базе ВВС Западного фронта была сформирована 1-я воздушная армия (командующий Герой Советского Союза (1939), генерал-лейтенант авиации Тимофей Федорович Куцевалов), на базе ВВС Брянского фронта — 2-я воздушная армия (командующий генерал-майор авиации Степан Акимович Красовский, позже Герой Советского Союза (1945), мар-

шал авиации (1959)). Этим было положено начало перехода советских Военно-воздушных сил на новую организационную структуру.

11 мая 1902 года в с. Гришино, ныне Красноармейского района Донецкой области (Украина), родился Кирилл Семенович Москаленко, Маршал Советского Союза (1955), дважды Герой Советского Союза (1943; 1978). В Красной армии с 1920 года. Окончил Украинскую объединенную школу красных командиров (1922), артиллерийские курсы усовершенствования командного состава РККА (1928), факультет усовершенствования высшего командного состава Военной академии им. Ф.Э. Дзержинского (1939). Участник Гражданской войны. С 1934 года командир артиллерийского полка. С июня 1935 года начальник артиллерии 23-й механизированной бригады на Дальнем Востоке, а с сентября 1936 года — 133-й механизированной бригады Киевского военного округа. Участвовал в Советско-финляндской войне (1939—1940 гг. С мая 1941 года командир 1-й моторизованной противотанковой артиллерийской бригады. В этой должности встретил Великую Отечественную войну. В ходе войны командовал корпусами, армиями. 38-я армия под командованием К.С. Москаленко в составе 1-го Украинского фронта участвовала в Киевской, Житомирско-Бердичевской, Проскуровско-Черновицкой, Львовско-Сандомирской, Карпатско-Дуклинской и в составе 4-го Украинского фронта — в Западно-Карпатской, Моравско-Оставской и Пражской наступательных операциях.

После войны — командующий армией (1945—1948), войсками Московского района (переименован в округ) ПВО (1948—1953), войсками Московского военного округа (1953—1960), главнокомандующий Ракетными войсками стратегического назначения и заместитель министра обороны СССР (1960—1962), а с 1962 года — главный инспектор Министерства обороны — заместитель министра обороны СССР. Умер 17 июня 1985 года.

* Подробнее см.: *Васильев Ф.* Генерал армии Г.Ф. Захаров // Воен.-истор. журнал. 1967. № 4.

тута. Просто государь под первым впечатлением о бое почти всего японского флота против одного нашего крейсера награждал столь почетным знаком отличия всех участников, офицеров и матросов, без исключения. На флоте это произвело неприятное впечатление, и даже много времени спустя говорили о том, что эти кресты нужно выделить и не смешивать с настоящими Георгиевскими крестами, хотя бы тем, что рядом с крестом носилась бы обязательно особая медаль. Но коль этого не произошло, то утвердилось выражение: «У него Варяжский крест», чем все и объяснялось.

После полугодовых экзаменов мы недосчитались троих лейтенантов, которых отчислили за неудовлетворительные результаты. Между тем пришла зима, холодная, с бесконечными метелями. Акватория порта покрылась слоем льда, и жизнь на оказавшихся в ледяном плену миноносцах и подводных лодках, прижавшихся друг к другу, замерла.

Каждое утро мы просыпались на берегу под звуки песен и топот ног новобранцев, которых обучали строю. Они проходили бодрим маршем под окнами наших комнат. «Левой, левой!.. Грудь вперед! Поправь винтовку!» — раздавались то там, то здесь окрики унтер-офицеров. Мы не завидовали нашим товарищам, назначенным для обуче-

ния новобранцев. Помимо того, что это было скучно и нудно, особенной неприятностью являлась необходимость подниматься в ранний час и шествовать под хлопьями снега морозным утром. Поэтому мы, избежавшие этой участи, не раз благословляли судьбу и при мысли о подобной возможности еще усерднее принимались за книги.

В начале апреля, когда снег начал заметно таять, а теплый южный ветер все чаще и чаще стал задуть с моря, мы перестали слышать утреннее пение новобранцев — их отправили на традиционный весенний государев смотр в Царское Село, после чего назначили на суда или в специальные школы. Для нас же началось самое страдное время подготовки к экзаменам по сдаче теоретического курса подводного класса, а в начале мая, проэкзаменовавшись, мы приступили к практике. К этому времени дивизия миноносцев покинула Порт Александра III, выйдя в море тоже для практического плавания, и в опустевшем порту кроме учебного подводного отряда никого не осталось. Последний состоял из четырех маленьких подводных лодок, на которых мы должны были обучаться. Целые дни вникали в их устройство, разбирали и собирали корабельные механизмы. Когда это было основательно пройдено, начались практические погружения — сначала на месте, а потом и в море, вернее в аванпорту.

Попутно нам преподавалось и водолазное дело, включая работы под водой. Помню, с каким неприятным чувством я надевал в первый раз скафандр и погружался в воду. Тяжелые свинцовые краги быстро тянули на дно, вынуждая судорожно хвататься за веревку, связывающую погружавшегося с поверхностью. Вода за стеклом скафандра быстро темнела, поглощая дневной свет. Коснувшись дна, я на четвереньках пополз по нему, но это было слишком трудно, поскольку какая-то невидимая сила закручивала тело, делая его непослушным. Всякое препятствие под ногами внушало не то что страх, а скорее гадливость. Так и казалось, что здесь затаился осьминог или какое-либо другое чудовище, готовое тебя схватить, хотя хорошо было известно об их отсутствии. Особенно трудно было производить на дне заданную работу, она казалась невероятно утомительной прежде всего потому, что не хватало сил удерживаться на месте.

Совсем по-иному воспринималось погружение на подводной лодке. Для нас, новичков, многое здесь казалось таинственным и захватывающим, тем более, что переживаемое чувство было совсем не похоже на то, когда идешь камнем на дно в тесном и неудобном скафандре водолаза. Конечно, тоже нервничаешь, но знаешь, что около тебя

ХРОНОГРАФ

11 мая 1907 года родился Борис Евстафьевич Бутوما, Герой Социалистического Труда (1959), доктор технических наук, лауреат Ленинской (1974) и Государственной (1949) премий, министр судостроительной промышленности СССР (1965—1976 гг.). Умер в 1976 году.

13 мая 1897 года в Краславе (Латвия) родился Мирон (Мер) Семенович Вовси, генерал-майор медицинской службы (1943), академик АМН (1948). В Красной армии с 1919 г. Участник Гражданской войны. В 1941—1950 гг. — главный терапевт Красной (Советской) армии. Разработал основные положения военно-полевой терапии. Умер 6 июня 1960 года.

14 мая 1897 года в г. Фиуме (ныне — Риека, Хорватия) родился Роберт Людвигович Бартини, авиаконструктор, комбриг. Происходил из аристократической итальянской семьи. С 1923 года жил и работал в СССР. В 1930 году возглавил конструкторский отдел НИИ Гражданского воздушного флота. В 1935 году под его руководством создан дальний арктический разведчик (ДАР) — «летающая лодка», а в 1939 году — двухмоторный пассажирский самолет «Сталь-7», на базе которого сконструирован дальний бомбардировщик ДБ-240. С 1942 года работал над проектами перспективных летательных аппаратов (реактивный истребитель-перехватчик Р-114, ВВА-14, 14М1П). Умер 6 декабря 1974 года в Москве.

15 мая 1957 года с площадки № 1 полигона Тюра-Там (ныне космодром Байконур) произведен первый пуск межконтинентальной баллистической ракеты Р-7, разработанный в КБ С.П. Королева.

22—23 (10—11) мая 1807 года в ходе Русско-турецкой войны 1806—1812 гг. состоялась Дарданелльское морское сражение между силами 2-й Архипелагской экспедиции русской Средиземноморской эскадры вице-адмирала Д.Н. Сенявина (10 линейных кораблей, фрегат, около 790 орудий) и ту-

рецким флотом. Турецкая эскадра капудан-паши Сейит Али (8 линейных кораблей, 6 фрегатов, 3 шлюпа, бриг и до 50 гребных судов, около 1000 орудий) вышла из Дарданелл для захвата о. Тенедос и снятия русской блокады. После неудачной попытки высадить десант турецкие корабли отошли к о. Мавро. Не приняв боя с русской эскадрой, турецкая эскадра стала отходить ко входу в Дарданеллы, где 22 мая в 18 ч 30 мин головной корабль русских «Уриил» вступил в бой с 75-пушечным флагманским кораблем турок. Поодиночке вступили в бой и другие русские корабли. Боевой порядок турецкой эскадры был нарушен, и она отошла в пролив. Русские продолжали преследование, несмотря на огонь береговых батарей противника. С наступлением темноты бой прекратился. Утром следующего дня русские атаковали и вывели из строя 3 турецких линейных корабля. В сражении турки потеряли убитыми и ранеными около 2 тыс. человек, русские — 83 человека. В результате Дарданелльского сражения турецкая эскадра была ослаблена. Капудан-паша Сейит Али за неудачные действия приказал казнить своего вице-адмирала и двух командиров.

24 мая 1897 года в станице Вознесенской, ныне Лабинского района Краснодарского края, родился Иван Кузьмич Кожанов, военачальник, флагман флота 2 ранга (1935). На военной службе с 1916 года. Участник Гражданской войны. В 1919 году командовал десантными отрядами Волжско-Каспийской флотилии. В 1921 году командующий Морскими силами Балтийского моря. В 1927—1930 гг. военно-морской атташе в Японии. С 1931 года начальник Морских сил Черного моря, в 1935—1937 гг. командовал Черноморским флотом. Необоснованно репрессирован. Расстрелян 22 августа 1938 года. Реабилитирован в 1956 году.

26 мая 1907 года на разъезде Тарышта, ныне Татарского района Новосибирской области, родился Георгий Филиппович Байдуков, генерал-полковник авиации (1961), Герой Советского Союза (1936). На военной службе с 1926 года. Окончил Ленинградскую военно-теоретическую школу летчиков (1926),

опытный командир и команда знающих, умелых старых матросов-специалистов. Они привыкли к занятиям с обучающимися офицерами и невозмутимо спокойно делают свое дело.

«Приготовиться к погружению! — произносишь взволнованным голосом. — Люки задрать!.. Заполнить среднюю цистерну!.. Заполнять балластные!..».

Слышно, как вода заполняет цистерны и воздух со свистом вырывается из вентиляционных кранов. От неопытности и непривычки принимаешь воды больше, чем нужно, от чего лодка клюет носом и начинает быстро тонуть. Командир между тем невозмутим, он спокойно стоит у любомера, заложив руки в карманы, и ничего не говорит. Разумеется, предоставляет возможность исправлять ситуацию тебе самому. Быстро соображаешь, что нужно подать воду в кормовую диффернтную цистерну. После исполнения твоего соответствующего приказа лодка хотя и выпрямляется, но продолжает стремительно тонуть. Чувствуешь, что ее не удержать на желаемой глубине без хода. Растерянно смотришь на командира, он по-прежнему не вмешивается. Приходится и на этот раз строить собственные догадки, искать выход самому. Торопливо и не совсем уверенно приказываешь продуть сжатым воздухом среднюю цистерну, чтобы выбросить из нее

воду, и тем придать лодке плавучести. Но... уже поздно: легкий толчок, и мы оказываемся на дне.

«Да... все это так, — наконец подает голос невозмутимый командир. — Но здесь — это пустяки. Тут что, тут неглубоко. А вот в открытом море эдак можно очутиться и на 200—300 футов, а то и пониже. И все же, что здесь, что там самое важное не терять самообладания, быстро принимать решения. Повторите еще раз погружение с самого начала».

Снова проделываешь погружение, но уже более удачно. И так в течение нескольких дней. Словом, мы настойчиво и терпеливо постигали искусство погружения на месте, прежде чем выйти в море. У всех на памяти был случай с «Миногой», которая затонула в аванпорту, потому что, внимательно не осмотревшись, не заметили, как ручка семафорного флажка попала в клапан вентиляции, отчего тот, конечно же, плотно не закрылся. Через него вода при погружении стала поступать внутрь лодки, затонувшей к счастью на маленькой глубине. «Миногой» вытащили лишь спустя почти сутки. Непосредственным виновником случившегося можно было бы считать нерадивого рулевого, опрометчиво оставившего снаружи рубки семафорные флажки перед погружением. Но и другие, кому надлежало внимательно осмотреться, проявили беспечность и невниматель-

ность. Наказаны же опасной ситуацией оказались все. Когда затонувшая лодка очутилась на дне, экипаж сгрудился в носу, где образовалась воздушная подушка. Этот случай детально изучался, и, чтобы он не повторился с нами, нас систематически приучали к самому тщательному осмотру, к автоматическому, но последовательному осуществлению всевозможных проверок. Разумеется, когда проделываешь все это каждый день, то образуется устойчивая привычка к порядку и исполнительности.

К концу мая мы по очереди ходили на разных лодках для минных стрельб по идущему кораблю, производя все нужные манипуляции: погружение, выбор удобного курса, маневрирование и тому подобное. Содержание практической учебы еще более усилилось после того, как в июне в Либаву пришли дивизионы лодок действующего флота. Выход на них был намного интереснее, и мы с особенным удовольствием совершенствовали умение погружаться и стрелять минами.

Некоторое время спустя в Кронштадт пришла английская эскадра, а затем и французская, которая, впрочем, срочно покинула воды Балтийского моря. В воздухе повеяло войной. Пришедшая было на отдых в Либаву 1-я минная дивизия быстро покинула опасную базу, как сделал то же самое стоявший здесь пе-

1-ю Военную школу летчиков (1928), Высшую военную академию (1951). С 1931 года летчик-испытатель. Вместе с В.П. Чкаловым и А.В. Беляковым совершил беспосадочные перелеты: 20—22 июля 1936 года по маршруту Москва — Северный Ледовитый океан — Петропавловск-на-Камчатке (Петропавловск-Камчатский) — о. Уда (о. Чкалов); за этот полет Байдукову и другим членам экипажа присвоено звание Героя Советского Союза; 18—22 июня 1937 года из Москвы через Северный полюс в г. Ванкувер (США). В ходе Советско-финляндской войны 1939—1940 гг. командовал авиагруппой и авиаполком, во время Великой Отечественной войны — авиадивизией, авиакорпусом и ВВС 4-й ударной армии. С 1946 года заместитель командующего воздушной армией, в 1947—1949 гг. заместитель начальника Государственного научно-испытательного института ВВС по летной части, с 1949 года начальник Главного управления ГВФ. С 1952 года заместитель, первый заместитель начальника Главного штаба Войск ПВО страны по специальной технике, в 1957—1972 гг. начальник 4-го Главного управления МО СССР, член военного совета Войск ПВО страны, с 1972 года научный консультант главнокомандующего Войсками ПВО страны. Умер 28 декабря 1994 года в Москве.

28 мая 1997 года Президентом Российской Федерации подписан Указ «Об установлении почетного звания "Заслуженный сотрудник органов внешней разведки Российской Федерации"». Первыми этого почетного звания были удостоены генерал-лейтенанты А.Т. Голубев, И.В. Лыжин, А.И. Лысенко и генерал-майор Ю.П. Власов.

28 мая 1997 года в Киеве подписаны Соглашения между Российской Федерацией и Украиной о параметрах раздела Черноморского флота, а также статусе и условиях пребывания Черноморского флота Российской Федерации на территории Украины.

29 мая 1877 года во время Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. на Кавказском театре военных действий при Бегле-Ахмете 17-й драгунский Нижегородский полк, находившийся в

авангарде отряда генерал-лейтенанта В.А. Геймана, в ходе блестящей кавалерийской атаки разгромил значительно превосходящие силы курдского ополчения Мусы Кундухова, шедшие на помощь 30-тысячной армии Мухтара-паши. За этот бой полк был удостоен широких георгиевских лент на штандарт.

29 мая 1897 года в пос. Бело-Холуницкий Завод, ныне Кировской области, родился Петр Александрович Смирнов, советский военно-морской деятель, армейский комиссар 1 ранга (1937). Активный участник Гражданской войны. С декабря 1937 года нарком ВМФ. Репрессирован и расстрелян в 1938 году. Реабилитирован в 1956 году.

30 мая 1942 года Государственный Комитет Обороны принял Постановление о создании при Ставке ВГК Центрального штаба партизанского движения. Начальником ЦШПД был назначен П.К. Пономаренко.

31 мая 1857 года Указом Правительствующего Сената по высочайшему повелению императора Александра II в России был введен Большой государственный герб. В нем закреплялась традиция, ведущая начало от государственной печати Ивана IV Васильевича, на которой вокруг гербового двуглавого орла располагались гербы территорий, входящих в состав русского государства. В окончательном виде Большой герб сложился к 1882 году и оставался таковым до 1917 года. Первый Государственный герб СССР был утвержден ЦИК СССР 6 июля 1923 года. Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 1993 года утверждено Положение о Государственном гербе Российской Федерации, восстанавливавшее в качестве символа государственности двуглавого орла.

*Хронограф подготовлен
генерал-лейтенантом в отставке
Ю.А. ХВОРОСТЬЯНОВЫМ;
А.В. ОСТРОВСКИМ*

хотный полк. Начальник нашего отряда беспрерывно получал какие-то телеграммы. Газеты были тревожны и полны противоречивыми предположениями. Никто из нас ничего толком не знал, да и конечно, не мог знать, кроме собственного желания войны и готовности сражаться с кем угодно.

Между тем, в порт пришел огромный военный транспорт «Анадырь» и встал против наших береговых помещений. Занятия прекратились, и в два дня класс опустел, а все имущество за исключением того, что нельзя было увезти и что приготавливалось к уничтожению в случае эвакуации Ливавы, было погружено на транспорт. Вместе с ним должны были идти три лодки из четырех находившихся в отряде. Четвертая, старый «Сиг», предназначалась к затоплению в канале. В то время как порт представлял собой встревоженный муравейник и из него стали выезжать офицерские семьи, сама Ливава продолжала жить прежней жизнью.

16(29) июля 1914 года транспорту «Анадырь», на котором уже находились офицеры и команды, и подводным лодкам было приказано уходить в Ревель. В порту остался небольшой отряд морской команды, который должен был в последний момент взорвать доки и портовые сооружения и топить старые суда в канале.

Уже наступила темнота, когда наш небольшой отряд, соединившись, пошел на север, то и дело меняя скорость и курс с целью ввести в заблуждение пока еще не наблюдаемого, но ожидаемого в любую минуту противника. В ночь на 17(30) июля погода несколько засвежела, и пришлось убавить ход до 2 узлов, так как шедшие на буксире лодки зарывались в воду, и в них было очень плохо экипажу. Остаток ночи и день прошли совершенно спокойно, встретились лишь несколько пароходов, идущих на юг.

На рассвете следующего дня я проснулся от шума на палубе и криков «ура». Оказывается, была получена только что телеграмма с условным текстом: «огонь, огонь, огонь», что означало: приготовление к военным действиям. Мы прибавили, насколько позволяла погода, ход. Ранним утром 19 июля (2 авгу-

ста) обогнули остров Оденсхольм, находящийся при входе в Финский залив, и вскоре встретили наши крейсера, несшие охрану. Пройдя еще немного, увидели миноносцы, гонявшиеся за пароходами и возвращающие их в порта, и подводные лодки, стоявшие на позиции. Когда проходили мимо «Миноги», ее командир прокричал в рупор: «Война еще не объявлена, но ждем с минуты на минуту. Хорошо, что вы своевременно прошли Балтийское море... До свидания... Счастливого плаванья...». При подходе к острову Нарген отряд был встречен сторожевыми судами для проводки через минное заграждение, поставленное в количестве 2200 мин накануне почти поперек всего залива. Спустя несколько часов мы благополучно встали на якорь на Ревельском рейде. Нам сообщили, что один из постов [наблюдения и] связи видел на горизонте утром военные суда, которые быстро скрылись. Не было никакого сомнения, что это была погоня за нами.

Вечером была объявлена война, а утром поступила телеграмма, приказывавшая всем черноморцам явиться в Петербург в Главное адмиралтейство. Пришлось наскоро собираться, чтобы попасть на вечерний поезд, который оказался настолько переполненным, что мы с трудом втиснулись в третий класс. С нами было несколько жен офицеров-подводников, которые ехали в Петербург. Конечно, как всегда бывает, уже по городу стали носиться разные слухи, что германская эскадра появилась перед Финским заливом, что произошло сражение и передавались всякие ужасы. После того, как мы уже уехали из Ревеля, в дороге до нас дошли слухи, что одна из лодок погибла. Можно себе представить, какое впечатление это произвело на женщин, которых нам с трудом удалось успокоить.

Нам навстречу шли поезда с воинскими эшелонами, направляющимися на запад. С одним из них мы простояли некоторое время на одной из станций. Находившиеся в нем казаки лейб-конного полка были все молодцы, как на подбор, отправлявшиеся на фронт весело — с песнями, с музыкой. Потом мимо нас

промелькнули гусары, армейский полк и еще, еще, еще... Все с каким то восторженным подъемом шли навстречу смерти.

Переменился и весь Петербург, куда мы прибыли. Он был полон патриотических манифестаций, шумно двигавшихся с портретами царя. Забастовки на заводах прекратились сами собой. Все горело желанием сразиться и защитить Родину. Иностранец не может понять и оценить подобных изломов русской души, способной то подняться на недосягаемую высоту, то пасть в глубину пропасти.

Мы всей своей компанией стремительно понеслись в Главный морской штаб за получением инструкций. Проезжая мимо германского посольства, были поражены его видом. Огромное здание — все исковеркано, стекла в окнах перебиты, каменные украшения валялись на улице. Впрочем, мы уже слышали раньше, что посольство было разгромлено озверевшей толпой, и полиции с большим трудом удалось разогнать расходящуюся публику. Пример был заразителен, и волна погромов немецких учреждений прокатилась в других больших городах, их характер порой был просто безобразен. Повсеместно грабили имущество немцев, кстати сказать, в большинстве случаев русских подданных. Особенно значительное антигерманское выступление произошло в Москве.

Меньше чем через час мы добрались к месту. В Главном морском штабе мы получили приказание ехать в Севастополь. Негодованию нашему не было предела: «Как, ехать на Черное море, когда здесь война? Ни за что». Однако начальник штаба сумел нас успокоить: «Господа, вы должны ехать. Вас требует командующий. Не волнуйтесь, скоро и там будет война. Там нужны тоже офицеры, а на Балтике все переполнено. Поезжайте сегодня же».

Делать нечего, надо ехать.

Вечерний курьерский поезд помчал нас снова на юг. Перевернулась еще одна страница в книге моей морской карьеры.

*Публикация
Г.Г. МОНАСТЫРЕВОЙ
(Продолжение следует)*

«СТЫДНО ЗА ЛЮДЕЙ, КОТОРЫЕ... СПЕШАТ БРОСИТЬ ГРЯЗЬЮ В ТО, ЧЕМУ РАНЬШЕ ПОКЛОНЯЛИСЬ»

Фронтовые письма есаула А.А. Упорникова
периода Первой мировой войны

«Архирейская», т.е. очень спокойная позиция на берегу р. Вислы. На переднем плане (сидит) — А.А. Упорников
Май 1915 г.

5 [марта] [19]17 г[ода]. Стоим все еще по-старому и далеко ото всего живого. Где-то зарождается и широким пульсом начинает биться новая жизнь, а мы все так же занесены снегом. И — больше ничего. Лично я довольно равнодушно отношусь ко всему, что творится кругом. Может быть, потому, что для меня ведь ничто не изменилось. Такая уж психология. Когда сам не участвуешь, так кажется, что и нигде ничего нет. Как и в прошлом году, тянет скорей прорваться сквозь проволоку с той лишь разницей, что тогда я не сомневался, что может быть иначе, а теперь по горькому опыту боюсь опять протосковать без цели в болотах. Впрочем, нужна же выдержка, а главная соль войны, мне кажется, и заключается в том, что порыв не вечен, а большая труд-

ность наступает со скукой. Чувствуешь, как каждый день уносит энергию. Злюсь на себя, но никак не могу помириться с таким временем. Кажется, нужен большой запас терпения, и так жаль, что его уже не хватает.

6 [марта]. У нас все по-старому и так однообразно, что даже не верится, когда читаем газеты, что где-то идет громадная и кипучая работа. Ведь такие дни не всегда бывают.

Как приняты у вас новые известия? Сейчас довольно интересно поболтать где-нибудь в крупных центрах и самому понаблюдать, как русское общество перейдет к новой жизни. Ведь это не так легко сделать, а у многих и голова закружится от слишком приятных перспектив. Хватит ли спокойствия и сознания, что все сделано не ради удовольствия, а в силу крайней необходимости продуктивно работать. У нас ведь

часто все бывает отлично до тех пор, пока надо пожертвовать многим на общее благо.

Если Россия сумеет из этого момента выйти с честью, то будет счастьем чувствовать себя русским. Воображаю, как много неприятного переживают немцы, читая, что свершилось у нас. Теперь только бы хороший успех весной. Я почему-то верю, что старый вождь¹ принесет с собой и прежнее счастье. А там, может быть, снова широкое поле для конницы, снова бодрость и веселый дух. Пора перестать быть окопными крысами.

10 [марта]. Завтра будем присягать новому правительству, а приказ Гучкова о новом взаимоотношении между офицерами и солдатами² уже вошел в жизнь. Принято все спокойно, и пока, слава Богу, можно только радоваться. Ах, теперь бы несколько удачных боев, и тогда совсем было бы отлично.

12 [марта]. Пока ясно, помоему, одно, что война дошла наконец до решительного перевала. Это лето, в крайнем случае будущее, должно же наконец сказать последнее слово. Какая роль будет в наступающем нашей батарее — трудно сказать. Пока мы на прежнем положении, и здесь все по-старому, даже погода такая же. Отпуска временно прекращены. Эта мера понятная, да ты и сама

Продолжение. Начало см.: Воен.-истор. журнал. 2007. № 1, 3.

поймешь, что сейчас каждый офицер дорог в части так же, как в бою. Происходит ломка старых воззрений, и, конечно, нам нужно быть на своем посту. Пройдет еще недели две, и, я думаю, все успеет усвоиться, а там, мне кажется, вернется и старый порядок отпусков.

Немцы готовят большое наступление на нашем фронте. Значит, будут дни веселые. Только бы сразу всыпать хорошенько, и тогда уж все не страшно.

Первый бой теперь – это почти решающий, и пройдет он благополучно – все хорошо будет. Хочется скорей оттаять. Ведь ожидания хуже всего: от них только тоска одна. Жаль только, что в решительные минуты армии предложили разрешить такие серьезные внутренние задачи. Но по всему видно, что они решились благополучно.

13 [марта]. Небо было чистое, и почти целый день пришлось стрелять по аэропланам, которые как с цепи сорвались.

Один аппарат сбили тут же, а другой ушел. Вообще фронт сильно оживился и даже до [применения] газов. Главное же — меня снова, кажется, ничто особенно здесь не держит. Новый порядок понемногу привился и, по-видимому, благополучно, а в остальном вся жизнь осталась прежней. Какая разница между этим годом и предыдущими?

Там было столько действительно боевых дней, и какая тоска и скука сейчас. Когда ведем такую жизнь, то кажется, что ей нет начала и не видно конца. Как туман. Что-то мокрое, серое и унылое. Поневоле захочешь конца. Это испытание на терпение.

18 [марта]. Разнузданность сказала, и то, чего так сильно боялись мы все здесь, кажется, начинает сбываться. Хочу верить, что

это только временная непродолжительная неурядица и что для тебя она пройдет благополучно.

Сейчас для нас настолько горячее время, что даже бои – чепуха в сравнении с этим. Я уже писал тебе, что идет ломка, и это никогда не бывает без боли.

Нам, офицерам, поставили такие задачи, что хочется только крикнуть: «Это черт знает что такое!» Ты пишешь отрывками, и я понимаю, что иначе теперь ведь ничего не сделаешь, но все же...

Скорей бы уж кончили и решали на чем-нибудь одном. В конце концов ведь так же нельзя!

19 [марта]. Сегодня долго сидел около десятиверстной карты и с тоской рассматривал местность вокруг Замостья. Эти названия, эти немые изгибы местности будят такие дорогие воспоминания. Кажется, что живешь уже бесконечно, и дорогим, забытым прошлым веет от этой карты. Это время мне кажется таким светлым, а главное, тогда была такая хорошая, ничем не замаранная юность.

Теперь больше чем когда-нибудь мне все становится противным и скучным здесь. Меня возмущают эти «нищие духом», которые пошли рука об руку «со светлыми умами» и которые своей грязью стараются все забросать. За

наш Дон прямо стыдно. Неужели среди нас не нашлось человека умнее и лучше, чем выбранный атаман³. По рассказам людей, близко знающих его, это в лучшем случае круглый дурак, а главное, ты пойми эту насмешку, исключенный из артиллерии за что-то непорядочное самими офицерами. И так сейчас почти везде. Даже в мелочах. Прямо какой-то злой рок!

За эти дни так много пережито всякой пакости. Чувствуешь, что в конце концов просто становишься лишним.

20 [марта]. По своим маленьким наблюдениям я пока выношу только отрадное впечатление о всем, что творится в армии. В общем, все приходит в нормальное состояние, и если дальше нас не будут особенно тревожить, то, кажется, можно сказать, что для нас все прошло благополучно. Газеты лично на меня производят противное впечатление. Как-то нет серьезности, и порой пишут о такой ерунде, что прямо совестно. Особенно стыдно за людей, которые так много взяли от прошлого и которые теперь спешат бросить грязью в то, чему раньше поклонялись. Лично мне нравятся люди более твердые. А в общем, я рад страшно, что все это уже случилось. Ведь последнее время о таком конце говорили

Командир взвода А.А. Упорников (стоит крайний справа) среди сослуживцев по 15-й конно-артиллерийской батарее

1915 г.

как о неизбежном. Ждали, правда, что все это будет после окончания войны. Лучше уж все сразу. Я никогда не мог спокойно думать, что конец войны будет только для других, а для нас [наступят] дни еще более скверные. Это, конечно, мои маленькие желания, но ведь они для меня ценнее всего остального. Я перестал верить в красивые слова.

21 [марта]. Я очень рад случившемуся, и тем более, что солдаты и казаки ведут себя молодчиками. Раньше боялся, что для армии это может быть пагубным, но, по-видимому, все прошло на радость спокойно. Думаю, что теперь кризис уже миновал, а если так, то в будущем можно ждать только хорошего. Я первый раз отчетливо чувствую, что нервы дошли до того предела, дальше которого их уже тянуть нечего. Нужна какая-нибудь перемена, и больше всего хочется расстаться с этим медленным гниением на постоянных позициях. Скорей бы кончилась вся эта пакость вообще. Мне так хочется порой другой жизни, что даже сердце щемит. Надо думать, что теперь меньше осталось, чем было. Начнет просыхать, и вместе с цветами начнутся, может быть, последние бои. Как хорошо, если бы это было так. Поколотить скорей все, что нужно, и устроить наконец этот пресловутый «победный конец». Удивительно опротивело мне это изречение.

22 [марта]. Снова, как раньше, мечтаю о новых походах, боях и проч[ем]. Право же, противно гнить на одном и том же месте и наблюдать за небом. Все это не наше дело, а испытание относительно терпения мы, кажется, достаточно хорошо выдержали. Довольно уже.

Как хочется поскорей кончить с этим кошмаром. Постепенно я превращаюсь в самого ярого противника войны. Я даже не знаю, способен ли я буду после мира остаться офицером. Мне

страшно обидно, что миллионы людей говорят ложь и прикрывают ее такими святыми идеалами. Зачем? Раньше я смотрел на войну как на разновидность спорта, как на обширный полигон, где можно производить красивые стрельбы, как на вечное испытание собственных нервов и пр[очее]. Но ведь первое время и не рассуждали много. Просто не было для этого времени, да и цель была ясна. А теперь... Я, может быть, ничего не смыслю, но я, право, не могу понять, что нам нужно. Константинополь или равенство и братство народов? Или нам нужно отстаивать свою свободу, или еще что-нибудь? Ты помнишь, сколько было разговоров об обращении немцев с пленными. Сколько было обвинений взвалено на них, и оказалось, что были виноваты сами. Такая отгадка противна. Дальше, не буду говорить, как горько и обидно за отношение (по газетам) общества к офицерам. Неужели мы хуже спекулянтов и неужели так наивны эти мыслители, что думают, что не офицеры сделали солдат, пошедших за народом. Да ведь в конце концов есть же имена, которых нельзя касаться так неосторожно. Это имена убитых и искалеченных кадровых офицеров. Не будь их, вряд ли Германия не праздновала бы уже победы. Что были бы тогда Англия и Франция, говорить лишне.

Все это вместе взятое рождает во мне довольно противное чувство, совсем неподходящее к общему настроению. Я с грустью вспоминаю прошлые дни. Не дни, когда Россия была монархией. Не все ли равно. Теперь, нужно думать, должно же быть лучше. Я вспоминаю дни, когда лично мне умереть на поле казалось счастьем, быть смелым — просто обязательно, и когда так [было] хорошо, я от всей души верил в правоту своей родины. Если бы [ты] знала, какие тогда были дивные отношения друг к другу. Как мы были

сплочены. Разве могли мы тогда не побеждать? Ты знаешь, в этом ни у кого не было сомнения.

Теперь много переменялось, а нервы так истрепались, что невольно ничему и никому не веришь. Что мне до красивых слов в тылу? С одной стороны, здесь мы несем в боях нечеловеческие лишения, а там говорят о 8-часовом рабочем дне. Там учат нас взаимоотношениям между офицерами и солдатами. О, если бы они были хоть раз в бою в роли офицера! Если бы они испытывали то, что переживает он в это время. На фронт посылают полицейских, жандармов и каторжных.

Надо побыть в шкуре офицера, чтобы точно понять, что этого делать нельзя. Но больше всего меня бесит, что боятся работать лишние часы. Пусть это будет очень ненормально — но ведь они останутся жить. Говорят, что у нас много всего, много снарядов. А я по опыту скажу, что снарядов всегда мало, как бы много их не было. Все это рождает во мне какую-то злобу и нет прежнего настроения. Нас не убило вовремя, и мы, пережившие три этих года, как-то во всем изверились. Ах, если бы вернуть можно было бы настроение 14-го и 15-го годов, если бы снова почувствовать то же, что было тогда. Может быть, бои вернут потерянное, а пока на душе одна грусть.

24 [марта]. У нас сейчас все по-хорошему, и мы постепенно начинаем строить новую жизнь в батарее. Впрочем, у нас разницы почти никакой не будет, потому что свободнее наших отношений что же придумаешь! Получил сегодня письмо из Петрограда от приятеля, в котором он описывает все, что пережил и переживал за это время. Общее впечатление — это обида за офицеров вообще и страшно жаль тех, кто погиб жертвой недоразумения.

25 [марта]. Мне иной раз безумно хочется в будущее. Неужели же опять что-нибудь

похожее на прошлый год? Мне кажется это просто невозможным.

26 [марта]. Если бы мне удалось, как я хочу, быть месяца через два уже в Новочеркасске, то я был бы очень доволен. Я знаю, что в тылу сейчас не лучше, чем на позициях, но ведь я же и не ищу личного спокойствия. Я из принципа не хочу больше здесь быть, и к этому [есть] слишком веские причины, чтобы слова могли остановить меня. Лишь бы только не помешало какое-нибудь неожиданное препятствие, а то как раз придется быть чем-нибудь в виде командира. А этого мне совсем не хочется.

27 [марта]. Ты спрашиваешь, как мы будем жить дальше, какой взгляд мой. В одном из своих писем я тебе написал, что не знаю, останусь ли я в будущем офицером или нет – вопрос сомнительный. Прошло немного времени, пережито больше плохого, чем хорошего, но когда задаешь себе подобный вопрос, то невольно отвечаешь на него, что, конечно, буду продолжать службу. К этому [есть] бесчисленное множество причин. Главное же, нет сомнения, что в будущем должно быть гораздо лучше. Ведь с этих дней должно пропасть самодурство, а ведь сколько страдала от этого армия. Ведь были же командиры, объявлявшие подчиненным, что они для них и царь, и бог. Отношения с солдатами будут носить лучший оттенок, и только теперь временно есть и будет трудно. Но ведь нельзя же легко перейти от одной крайности к другой, да еще в то время, когда каждый и так жизни не рад. Теперь скверно, но в будущем мне представляются светлые перспективы. В артиллерии мало что изменится – ведь ты сама видела, что наши отношения с начальством совсем не похожи на священный трепет и проч[ее].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ По всей видимости, речь идет о прежнем Верховном главнокомандующем Русской армией (20 июля 1914 г. — 23 августа 1915 г.; по ст. стилю) великом князе Николае Николаевиче. Заменявший его на ответственном посту племянник — император Николай II при отречении предпринял попытку отдать верховенство над войсками дяде 2(15) марта 1917 г. Один из участников тех событий, генерал-лейтенант А.С. Лукомский вспоминал об этом так: «Приказом по армии и флоту и Указом Правительствующему Сенату Верховным главнокомандующим государь назначил великого князя Николая Николаевича». Однако это назначение носило формальный и кратковременный характер, поскольку, по свидетельству того же генерала А.С. Лукомского, глава Временного правительства князь Г.Е. Львов уведомил Николая Николаевича письмом о том, что «великому князю по многим соображениям невозможно быть Верховным главнокомандующим и просит его в командование не вступать» (См.: Архив русской революции. В 22 т. М.: Терра: Политиздат, 1991. Т. 2. С. 25, 29).

² Имеется в виду так называемый приказ № 1. Но бывший председатель (с марта 1911 г.) Государственной думы М.В. Родзянко, возглавивший во время Февральской революции ее Временный комитет, отрицал причастность к написанию и изданию этого приказа А.И. Гучкова. «Приказ № 1 появился утром 2 марта 1917 года, когда Временное правительство, в состав которого вошел, как военный министр, Гучков, еще не существовало, оно было сформировано днем 2 марта, и декрет об его формировании Правительствующему Сенату был опубликован Временным Комитетом за моею подписью лишь 3 марта, — вспоминал впоследствии думский лидер. — Таким образом, Гучков, как военный министр, такого приказа подписать не мог. Он не входил в состав Временного Комитета Государственной Думы 1 марта, а был привлечен к активной деятельности только 3 марта... я категорически заявляю, что Гучков такого приказа не подписывал и никакого участия в его составлении не принимал... Возможно, однако, что приказ этот и появился в некоторых экземплярах с подписью Гучкова, но это было ни что иное, как политический шантаж и заведомый подлог» (См.: Архив русской революции. Т. 6. С. 73, 74, 75).

³ Имеется в виду генерал от кавалерии Алексей Максимович Каледин (1861—1918). С марта 1916 по май 1917 г. командовал 8-й армией Юго-Западного фронта, атаманом Донского казачьего войска избран после Февральской революции 1917 г.

**Публикация
Е.Ф. КОЛПИКОВОЙ**

(Продолжение следует)

КНИЖНАЯ ПОЛКА
ВОЕННОГО ИСТОРИКАКНИГИ,
ПОДАРЕННЫЕ РЕДАКЦИИ
«ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО
ЖУРНАЛА»

Суржикова Н.В. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны на Среднем Урале (1942—1956). Екатеринбург: Гуманитарный ун-т, 2006. 500 с.

Передана автором — кандидатом исторических наук Н.В. Суржиковой (г. Екатеринбург)

Во имя живых помнить о погибших. Дрезден: Объединение Саксонские мемориалы в память жертвам политического террора, 2003. 180 с., ил.

Цайтхайн — Книга Памяти советских военнопленных. Дрезден: Объединение Саксонские мемориалы в память жертвам политического террора; Народный Союз Германии по уходу за военными могилами, 2005. Т. 1. **Лагерь военнопленных Цайтхайн — от «лагеря для русских» к мемориалу.** 171 с., ил.; Т. 2. **Именная книга умерших советских военнопленных.** 286 с., ил.

Переданы референтом представительства Народного Союза Германии по уходу за военными могилами в Москве В.В. Мухиним (Москва)

Лагеря советских военнопленных в Беларуси, 1941—1944 — Lager sowjetischer Kriegsgefangener in Belarus, 1941—1944: справочник / Авт.-сост. В.И. Адамуско. Мн.: НАРБ, 2004. 192 с.

Авиация — партизанам: 1941—1944: документы и воспоминания / Сост. Г.Д. Кнатько, В.Д. Селемев, Мн.: НАРБ, 2005. 368 с., ил. *Селемев В.Д., Шмолдин В.И. Охота на гауляйтера.* Мн.: НАРБ, 2006. 246 с., ил.

Переданы директором Национального архива Республики Беларусь кандидатом исторических наук В.Д. Селемевым (г. Минск, Беларусь)

Мартишина Н.Е. Сергиев город: Поэма-путеводитель по Сергиеву Посаду. Сергиев Посад: ООО «Все для Вас — Подмосковье», 2005. 136 с., ил.

Мартишина Н.Е. Золотое колечко: Венки сонетов. Сергиев Посад: ООО «Все для Вас — Подмосковье», 2000. 96 с.

Мартишина Н.Е. Слово о полку Дмитриеве или Задонщина: Переложение древнерусского текста. Сергиев Посад: ООО «Все для Вас — Подмосковье», 2002. 80 с.

Мартишина Н.Е. Слово о полку Игоре: Переложение древнерусского текста. Сергиев Посад: ООО «Все для Вас — Подмосковье», 1999. 48 с.

Переданы автором (г. Сергиев Посад)

История авиации. Библиографический указатель / Сост. А.А. Демин, Б.С. Коган, Д.А. Соболев. М.: Янус-К, 2003. 320 с.

Передана старшим научным сотрудником Института истории естествознания и техники РАН имени С.И. Вавилова кандидатом технических наук А.А. Деминим (Москва)

Пузырев В.П. Торговый флот России в Первой мировой войне 1914—1917 гг. М., 2006. 217 с.

Передана автором — кандидатом исторических наук капитаном 2 ранга в отставке В.П. Пузыревым (Москва)

ВОЕННОЕ КНИГОИЗДАНИЕ В РОССИИ ПРИ ПЕТРЕ I

В ряду многих реформаторских начинаний Петра I развитие книгопечатания в России получило в первой четверти XVIII столетия новый импульс и находилось под его постоянным контролем. Если до этого времени оно служило преимущественно интересам церкви, то Петр I поставил книгопечатание на службу государственных преобразований.

РУКОПИСНЫЕ и печатные книги рано вошли в жизнь царевича Петра Алексеевича. С пяти лет он начал приобщаться к книгам под руководством подьячего, позднее дьяка Приказа большого прихода Никиты Моисеевича Зотова, которому было поручено обучение царевича «мастерству грамоты». Под его руководством Петр изучил Азбуку, Часослов и Псалтырь и даже углубился в Евангелие и Апостол. Второй этап обучения — «внецерковную выучку» Петр проходил под руководством голландца Тиммермана, который преподавал ему азы арифметики, геометрии, артиллерии и фортификации. Предметом особых увлечений юного Петра были военные игры, организуя которые, он обращался к военным сочинениям. По указанию 13-летнего царя было переведено на русский язык сочинение страсбургского ученого И.-Б. Лангрини «Художества огненные и разные воинские орудия»¹. Следствием юношеских впечатлений и стремления подражать великим полководцам стало печатание в Амстердаме в 1700 году по указанию Петра «Краткого собрания Льва Миротворца Августейшего Греческого Кесаря», в котором говорится об обязанностях полководца и о тех качествах, которыми он должен обладать.

Разум и интуиция подсказывали Петру I значимость и пользу печатного слова в осуществлении военных преобразований, однако доставшееся ему книжное наследство по вопросам военного дела многочисленностью не отличалось. Составленная по образцу уставов европейских армий и напечатанная на русском языке в 1649 году книга «Учение и хитрость ратного строя пехотных людей» не в полной мере отвечала новым требованиям организации и подготовки войск. Не имели широкого распространения в армии и рукописные издания конца XVII века «Фундамент или максимы фортификации», «Наука фейерверков или описание спо-

собов как чинить бомбы, составлять потешные огни и проч.».

Главным руководством для военных людей в первый период царствования Петра был «Воинский устав, составленный и посвященный Петру Великому генералом Вейде в 1698 году»². Статьи этого устава содержали толкование понятий «что есть именно солдат?», «что именно есть войско?», уточняли организацию войска от роты до бригады, разъясняли обязанности различных должностных лиц. В отдельной статье «О учении обыкновенном» излагались начальные основы тактической подготовки роты и батальона. Завершала устав статья «О караулах как на оные ходить и с них сходить». Однако и этот устав тиражировался рукописным способом, что ограничивало его широкое использование.

На начальном этапе формирования полков русской регулярной армии недостаток военных руководств был восполнен инструкцией «Краткое обыкновенное учение с крепчайшим и лучшим растолкованием в строении пехих полков...»³, подготовленной в рукописном виде в ноябре 1699 года (вслед за петровским указом «О приеме в службу в солдаты из всяких вольных людей»). Авторство этого сочинения, откровенно, по свидетельству исследователей, счет собственно русским печатным изданиям по военному делу, принадлежало Якову Головину и Петру I⁴. «Краткое обыкновенное учение...» переиздавалось четыре раза: в 1700 (дважды), 1702 и 1704 гг.

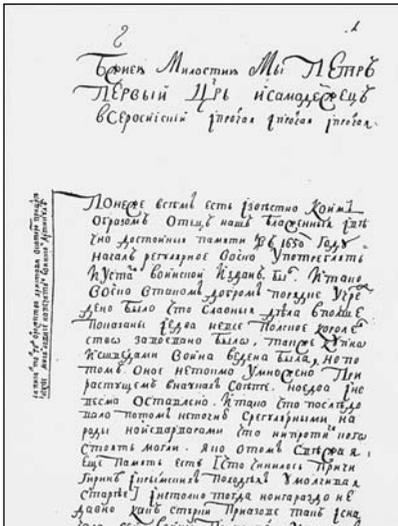
В УСЛОВИЯХ начавшейся Северной войны Петр I стремился эффективно использовать печатное слово для разъяснения основных положений своей политики, в которой приоритетными были военные задачи. По настоянию царя и с его активным участием как редактора с января 1703 года был начат выпуск первой русской газеты «Ведомости о военных и иных делах, достойных знания и памяти, случившихся в Москов-

ском государстве и в иных окрестных странах». Военным вопросам в газете придавалось первостепенное значение. Первая же страница первого номера информировала о том, сколько «на Москве вновь ныне пушек медных, гоубиц и мартиров вылито...». В последующем бюллетени о военных действиях русских войск в Северной войне, письма Петра I и донесения его сподвижников занимали в «Ведомостях» значительное место.

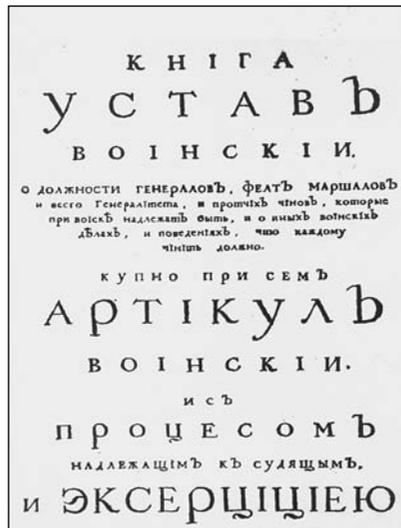
По инициативе Петра печатный станок нашел свое место непосредственно на театре военных действий. В 1703—1704 гг. на берегах Невы работала походная гравировальная мастерская⁵. По указанию царя для работы в походных условиях Московской типографией был изготовлен малый типографский станок. Основанная по указанию Петра типография в Санкт-Петербурге первоначально состояла при Оружейной канцелярии, что позволило значительно увеличить выпуск военных книг. Это подтверждают подсчеты исследователей: за 1712—1725 гг. в Москве было напечатано 7 изданий по военному делу, а в Санкт-Петербургской типографии — 76 книг военной и военно-морской тематики⁶.

Осуществляя руководство печатным делом, Петр I лично следил за книжными новинками на голландском, немецком, французском и латинском языках, отбирал из них лучшие для перевода, был редактором и автором многих изданий военной тематики. Как отмечал Н.Н. Обручев, «с царствованием Петра... общий хаос понемногу рассеивается», и в увеличивающемся книжном массиве выделяются «сочинения по особым, специальным отраслям военного дела, и хотя некоторые из них сохраняют прежний бессистемный характер, зато являются и такие сочинения, в коих наука разработана и передана удовлетворительно»⁷.

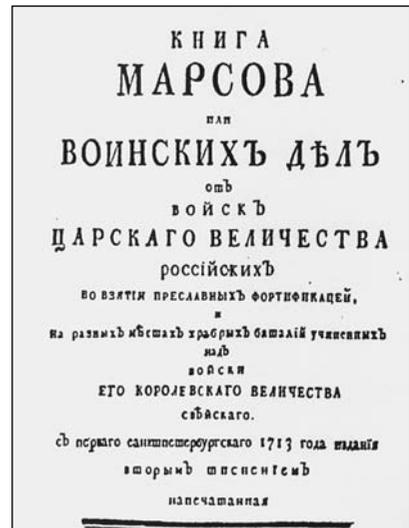
ПРЕДМЕТОМ особых забот Петра I было создание новых родов войск и флота, что диктовалось усложнением оружия и характера боевых действий в войнах начала XVIII века. Отставание России в развитии артиллерии и фортификации обусловило необходимость обращения к лучшим по тому вре-

Факсимиле первой страницы
«Книги устав воинский...»

Титул издания,
объединившего «Книгу устав
воинский...», «Артикул
воинский» и «Экзерцицию...»
1719 г.

Титул одного из изданий
«Книги Марсовой
или воинских дел...»
Типография Морского
кадетского корпуса, 1766 г.

мени сочинениям европейских военных специалистов.

Попытка быстро создать универсальное издание, объединяющее все теоретические знания и практический опыт в области развития артиллерии, успехом не увенчалась. Отпечатанная на Московском печатном дворе в 1708 году книга «Рассуждение о метании бомбов и стрелянии из пушек» не стала таким универсальным руководством, и широкое распространение получили переводные сочинения по артиллерийскому делу, первым из которых стало «Новейшее основание и практика артиллерии Эрнеста Брауна, капитана артиллерии во Гданске 1682 года», переведенное и напечатанное повелением царя в 1709 году. В 1710 году вышло в свет переведенное А. Винуисом с голландского языка «Описание артиллерии...» Т. Бринка⁸. «Учение и практика артиллерии...» поручика З. Бухнера⁹ было напечатано в Москве в 1711 году тиражом 240 экземпляров.

Возросшее значение фортификационных сооружений и крепостей требовало толковых инструкций с описанием опыта и способов их осады и обороны. В числе первых печатных изданий по фортификации большую известность приобрели работы австрийского инженера на русской службе Э. Боргсдорфа «Побеждающая крепость, к счастью повздравлению славной победой над Азовым» и «Поверенные воинские правила како неприятельские крепости силою брати». Оба эти сочинения, под-

готовленные автором в 1696—1697 гг., были напечатаны по распоряжению Петра I в Москве в 1709 и 1709 гг. Об их востребованности свидетельствуют факт их повторного выпуска в 1709—1710 гг. и большой по тому времени тираж третьего издания «Поверенных воинских правил...» — 480 экземпляров.

В эти же годы на русский язык были переведены и изданы труды известных европейских инженеров, в том числе книги Г. Римплера «Римплерова манера о строении крепостей» (1708), М. Кугорна «Новое крепостное строение на мокром и низком горизонте, с показанием как ныне при море и реках крепости делаются...» (1709), Ф. Блонделя «Новая манера укрепления городов...» (1711). На полях рукописей переводов этих сочинений сохранились замечания и пометки Петра I. Книга Л. Штурма «Архитектура воинская гипотетическая и эклектическая...», вышедшая в переводе А. Головкина, была составлена в виде вопросов и подробных ответов на них инженера, поясняющего различные фортификационные системы.

Переводческая деятельность явилась в некотором роде предпосылкой к появлению в России первого военного словаря. Его создание связано с именем Василия Ивановича Суворова, отца прославленного генералиссимуса. В.И. Суворов, отличавшийся незаурядными способностями и владевший несколькими языками, по повелению Петра I пере-

вел на русский язык популярное в те годы сочинение де Камбре, изданное в Амстердаме в 1689 году и излагавшее взгляды на фортификацию знаменитого французского инженера С. Вобана. Часть этого сочинения в переводе В.И. Суворова была напечатана в Санкт-Петербургской типографии в 1724 году под названием «Истинный способ укрепления городов, изданный от славного инженера Вобана». Но перевод книги де Камбре с предисловием В.И. Суворова составлял лишь первую часть русского издания. Вторая часть его представляла словарь, дававший толкование 350 терминам, употреблявшимся в фортификации¹⁰.

НАЧИНАЯ с 1708 года в России отмечается быстрый рост числа книг по морскому делу. Если до 1708 года известны лишь три сочинения морской тематики: рукописная инструкция Петра «О порядке морской службы» (1696), издание Московского печатного двора «Роспись флота королевского Британского» (1702) и «Артикул корабельный» (1706), то с 1708 по 1725 год было напечатано более 60 изданий морской тематики. Первым печатным наставлением для российского флота стали «Генеральные сигналы, надзираемые во флоте его царского величества», напечатанные в Москве в мае 1708 года и многократно переиздававшиеся с дополнениями и уточнениями.

В развитии отечественного кораблестроения, как и в других

отраслях военного дела, использовался иностранный опыт, прежде всего Голландии и Англии, о чем свидетельствует выпуск книг «Новое голландское корабельное строение, глашающее совершенно чинение корабля...» (1709) и «Книга пропорции оснастки кораблей английской...» (1716). Петр использовал и опыт своих противников в Северной войне — шведов. Добившись выхода в Балтийское море, он повелел перевести на русский язык известное с конца XVII века сочинение шведского штурмана Иоганна Мансона «Книга морская зело потребная явнопоказующая мореплавание в Балтийском море...», содержавшее исправленные морские карты с указанием мелей и порогов. Книга была напечатана в Санкт-Петербурге в 1721 году тиражом 300 экземпляров.

Детальное изучение военных изданий первой четверти XVIII века позволяет выявить характерную тенденцию военно-издательской практики петровского времени: если в области вооружения, кораблестроения и отчасти тактики печатались в основном переводные сочинения европейских военных специалистов, то в области обучения и подготовки русских войск зарубежный опыт не приживался, и Петр I целенаправленно вел дело к созданию национальных воинских уставов. Н.Н. Обручев отмечал, что в то время русское войско «не нуждалось еще в высших теоретических науках; оно едва успело на практике ознакомиться с новым военным искусством и вряд ли поняло бы их, а потому первоначально следовало дать ему только необходимое — то, что могло принести действительную пользу, именно: правила для внутреннего порядка, устройства, обучения войска и правила для действия войск в бою; наконец, следовало подчинить его особым законам»¹¹.

Настоятельная потребность в военных законоположениях, отвечающих особенностям национальной армии начала XVIII века, вызвала к жизни ряд изданий, которые впоследствии послужили основой для создания воинского устава русской армии. Еще в XIX веке исследователями был выявлен ряд фактов, свидетельствующих о существовании в первые годы царствования Петра I рукописных инструкций регламентирующего характера, в числе которых были «Устав прежних лет» и «Артикул краткий». По времени своего создания «Устав прежних лет» относится к 1700—1705 гг. Он состо-

ит из манифеста, воинского наказа и воинских статей. Содержание рукописи свидетельствует о том, что Петр I, изучая военные законоположения европейских государств, применял к создававшейся им армии те, которые признавал наиболее соответствовавшими характеру и обычаям русских людей. «Артикул краткий» был напечатан в Киеве в 1705 году. В 1714 году через типографский станок прошли «Инструкции и артикулы военные». В виде специальной памятки были составлены «Статьи воинские, как солдату надлежит в житии себя держать и в строю и во учении как обходиться». Эту памятку надлежало читать в рот два раза в неделю, чтобы «сии статьи солдат на память имел»¹². Многие регламентирующие документы проходили апробацию в войсках в виде рукописных сборников, как, например «Артикулы воинские и другие статьи. Писано в 1714 году» или «Сборник или записная книга военного человека от 1709 до 1720 года».

ИТОГОМ многолетней работы в области военного законодательства стало издание Воинского устава, утвержденного Петром I 30 марта 1716 года и вышедшего в свет 19 июля того же года в Петербурге под названием «Книга устав воинский...»¹³. Согласно императорскому указу, этот устав велено было напечатать числом не менее 1000 экземпляров (треть из которых на славянском и немецком языках для иноземцев на русской службе) и разослать во все корпуса войск, а также по губерниям и канцеляриям, «дабы неведением никто не отговаривался». В последующие годы «Книга устав воинский...» была дополнена «Артикулом воинским» и «Экзерцицием о церемониях и должностях...». В октябре 1719 года они были изданы одной книгой, составив, таким образом, единый общевоинский устав, который в основных своих положениях использовался в русской регулярной армии до начала XIX века. Сведения о последнем его выпуске относятся к 1825—1826 гг.¹⁴.

Аналогичная работа была проведена и по подготовке Морского устава. Вышедшие ранее морские инструкции, артикулы и сигналы стали исходным материалом для нового Морского устава, вышедшего в свет в Санкт-Петербургской типографии 13 апреля 1720 года под названием «Книга Устав Морской, о всем что касается доброму управлению, в бытности флота на море».

Устав состоял из пяти книг, к нему были приложены корабельные и галерные сигналы и образцы служебной отчетности. Уставу предшествовал и указ о его введении и «Предисловие к доброхотному читателю» с кратким очерком истории русского флота, написанное Петром I. Первое издание Морского устава вышло тиражом в 500 экз. Как и «Книга устав воинский» он неоднократно переиздавался и действовал с небольшими перерывами до середины XIX века, когда парусные корабли были заменены паровыми.

От военных законоположений допетровского времени, составленных в основном по образцу иностранных уставов, петровские уставы отличались ясностью изложения и доступностью понимания для офицеров и нижних чинов. Так, оценивая достоинства петровского Воинского устава, Военные специалисты начала XX века отмечали, что доходчивость его основных положений исходила «как от прекрасного, образного и удивительного для того времени правильного языка, так и от общего деловитого духа устава, так что, читая его, чувствуешь уверенность, что в нем нет ничего такого, что не имело бы достаточных оснований или было бы наваяно со стороны в виде каких-нибудь условных представлений»¹⁵. Эти качества были присущи большинству военных изданий петровской эпохи, что обусловило их значимость и практическое использование в течение многих десятилетий.

АКТИВНАЯ деятельность Петра I в области книгопечатания положила начало и выпуску печатных военно-исторических изданий. Особое место в этом тематическом разделе занимает «Книга Марсова или воинских дел...»¹⁶, вышедшая в свет в 1713 году. Она готовилась к изданию в Санкт-Петербургской типографии больше года. На ее первоначальных вариантах сохранились пометки и редакторская правка Петра I, что свидетельствует о его непосредственном участии в работе над созданием этой книги. Содержание «Книги Марсовой...» составляют в основном победные реляции, описание сражений Северной войны и соответствующие гравюры. Они собирались и брошюровались в виде альбомов, составив в итоге своеобразный памятник военным трудам Петра I и успехам русской армии и флота. В XVIII веке «Книга Марсова...» неоднократно переиздавалась и рекомендовалась для образования молодым офицерам.

Другим военно-историческим произведением, посвященным Северной войне, была книга «Рассуждение, какие законные причины его царское величество Петр Первый к начатию войны против короля Карола XII шведского имел...» (другое, более позднее название — «История свейской войны»). Авторами ее были П.П. Шафиров и Петр I. Царь не только собственноручно взялся за перо, чтобы доказать справедливость своей политики, но и распорядился разослать этот трактат, отпечатанный в 1717 году на русском и немецком языках, во все европейские страны.

История подготовки военных изданий в первой четверти XVIII века свидетельствует о неограниченном вкладе Петра I в становление военного книгоиздания в России. В эти годы книги по различным отраслям военного дела были востребованы в интересах военной науки, создания национальной армии и ее офицерского корпуса. Печатное слово способствовало формированию нравственных основ военной службы. Военная книга стала важным элементом отечественной книжной культуры.

ПОСЛЕ смерти Петра (1725) процесс развития книгопечатания в России замедлился. В 1732 году в типографии Академии наук были напечатаны переведенные в петровское время «Мемории или записки артиллерийские» П. Сюриера де Сэн-Реми. Здесь же по указанию Сената переизданы «Артикул воинский» в 1735 году и «Устав воинский» в 1737 году. Несколько изданий, в том числе «Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова», «Военное состояние Оттоманской империи», были посвящены Русско-турецкой войне 1735—1739 годов. В Московской типографии печатались издания информационного характера, такие как «Донесение о действиях под Очаковым» в 1737 году, «Журнал о взятии Хотина» в 1739 году, «Копии с реляций о военных действиях и победах».

Преобразования в армии, принятые генерал-фельдмаршалом Б.К. Минихом, сопровождались попытками разработки новых уставов и инструкций для войск. Отменить петровский Воинский устав Миних не осмеливался, но им были разосланы в войска рукописные разъяснения к отдельным положениям устава, изменявшие суть петровских «экзерциций». В полках появилась масса неточных копий с рукописных разъяснений Миниха, что нарушало единство в обучении войск. Пехотный ус-

тав 1731 года «Экзерциции пешая» среди офицеров был известен как «прусская экзерциция». Он был наполнен описанием мелочей, противоречивших духу петровского устава. Устав конницы 1731 года «Экзерциция конная» также был переведен с прусского и тоже был роздан в войска в рукописи с «теми же вредными последствиями, как и в пехоте»¹⁷.

Век этих уставов оказался недолгим. В высочайшем указе императрицы Елизаветы Петровны от 15 января 1742 года объявлялось повеление «экзерциций и барабанному бою быть как при Петре I»¹⁸. Но реального возрождения петровских традиций в русской армии в годы царствования Елизаветы не произошло. После Миниха, отправленного в ссылку, особое влияние на военные дела приобрел президент Военной коллегии генерал-фельдцейхмейстер П.И. Шувалов. Под его руководством были разработаны и 15 декабря 1755 года обнаружены новые строевые уставы для пехоты и кавалерии: «Описание пехотного полкового строя» и «Экзерциции и учреждение строев и всяких церемониалов регулярной кавалерии». Военные историки, указывая на сложность этих уставов, отмечали, что «уставы 1755 года, отрешившись от взглядов Петровского устава 1716 года на относительное значение в бою удара и огня, удалились от него и по духу»¹⁹, вследствие чего уставам 1755 года «суждено было остаться мертвой буквой для большей части русской армии»²⁰.

В заключение следует подчеркнуть, что активность Петра I на поприще книгопечатания способствовала преодолению отставания России от передовых европейских государств в развитии военной науки и практики. Наряду с переводами иностранных военных изданий, распространявшихся в русской армии и флоте передовые идеи своего времени, в России сформировались основы национального военного книгоиздания, и в военных книгах петровской эпохи впервые отразились самобытность русского военного искусства и его духовные основы, соответствовавшие национальному историческому пути России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Иванов И.Ф., Орлова Л.Н. Библиотека Петра I // Книга: Исследования и материалы. Сб. 24. М., 1972. С. 193.

² Адам Адамович Вейде (1667—1720) — один из деятельных сподвижников Петра I. Службу начал в «потешных» войсках Пе-

тра, в 1696 г. участвовал в Азовском походе, в 1697—1698 гг. по поручению царя неоднократно ездил за границу с ответственными поручениями и для изучения военного дела. Печатный экземпляр этого устава появился лишь в 1841 г.

³ Полное название: «Краткое обыкновенное учение с крепчайшим и лучшим растолкованием в строении пеших полков, как при том поступати и во усмотрении имети надлежит господа капитаном и прочим начальным и оурядником».

⁴ Буганов В.И. Петр Великий и его время. М., 1989. С. 55; Книгопечатание в первой четверти XVIII века // 400 лет русского книгопечатания. 1564—1964. Ч. 1. М., 1964. С. 136.

⁵ Макаров В.К. Из истории Петровской гравюры // Книга: Исследования и материалы. Сб. 4. М., 1961. С. 260—274.

⁶ Колосов Е.Е. Русская военная книга Петровских времен // Книга: Исследования и материалы. Сб. 16. М., 1968. С. 131.

⁷ Обручев Н. Обзор рукописных и печатных памятников, относящихся до истории военного искусства в России по 1725 год. СПб., 1853. С. 87, 88.

⁸ Полное название: «Описание артиллерии; в ней же сокращенно написано все, еже к начатию артиллерийского ведомства и основания ее, хотяшему у сего дела быти, ведати подобает. Зело прилично всем хотящим от младых лет потшатися в сей науке своего искати счастья, и как пушкарям бомбардирам и над теми людьми начальником искусным быть. Чинно описано и пристойными лицами украшено, всем сея науки охочим на пользу. Через Тимофея Бринка, артиллерийского дела капитана, ныне новопроведесея с голландского языка на славянский и повелением царского величества напечатано в Москве, лета Господня 1710 года в марте».

⁹ Полное название: «Учение и практика артиллерии или внятное описание в нынешнем времени употребляющиеся артиллерии; купно со иными новыми и во практике основанными маниры. Изъяснено артиллерии поручиком Иоганном Зигизмундом Бухнером».

¹⁰ Давыдов В.И. Первый русский военный словарь // Книга: Исследования и материалы. Сб. 22. М., 1971. С. 210—213.

¹¹ Обручев Н. Указ. соч. С. 136.

¹² Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке. М., 1958. С. 146.

¹³ Полное название: «Книга устав воинский, о должности генералов, фелт маршалов, и всего Генералитета, и протчих чинов, которые при войске надлежат быть, и о оных воинских делах, и поведении, что каждому чинить должно».

¹⁴ Столетие Военного Министерства. 1802—1902. Главный штаб: Ист. очерк. Т. 4. Ч. 1. Кн. 2. Отд. 3. СПб., 1903. С. 3.

¹⁵ Там же. С. 37.

¹⁶ Полное название: «Книга Марсова или воинских дел от войск царского величества российских во взятии преславных фортификаций, на разных местах храбрых баталий учиненных над войски его королевского величества свейского».

¹⁷ Столетие Военного Министерства... Т. 4. Ч. 1. Кн. 1. Отд. 1. СПб., 1903. С. 155.

¹⁸ Там же. Отд. 3. С. 44.

¹⁹ Там же. Отд. 1. С. 166.

²⁰ Керсновский А.А. История русской армии: В 4 т. Т. 1. М., 1992. С. 91.

**Полковник запаса
С.Н. ЛЮТОВ**

• ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ •

«ДАЖЕ В САМОЙ ТРУДНОЙ ОБСТАНОВКЕ МЫ ВЕРИЛИ В ОКОНЧАТЕЛЬНУЮ ПОБЕДУ НАД ВРАГОМ»

Четверть века, как автора публикуемых воспоминаний Виктора Федоровича Шмелева (1916—1982) нет в живых. До последних дней своих фронтовик вел активную общественную работу в совете ветеранов, в школах и воинских частях. Рукопись его воспоминаний предоставила редакции «Военно-исторического журнала» его дочь — Марина Викторовна.

Д О ВОЙНЫ я трудился в г. Москве на комбинате имени Щербакова. 23 июня 1941 года утром собирался на работу, но получил повестку о явке к 18.00 в Раменский райвоенкомат. Поехал на комбинат, где получил расчет. В военкомате объявили, что всем, кто чувствует себя здоровым, могут без обследования поставить штамп «здоров». Очередь двигалась быстро.

Вечером отправили в Москву, где формировался 258-й отдельный пулеметно-артиллерийский батальон. Одели в военную форму, выдали оружие. 26 июня поздней ночью в эшелоне отправились в сторону фронта по Ржевской (ныне — Рижской) железной дороге. Поезд шел на запад, как стало известно, в г. Себеж. Предвидя бомбежки, командир батальона выставил на крышу вагона два ручных пулемета, к одному из них приставили меня.

Прибыли. После 25-километрового марша оказались на холмистой местности, окаймлявшей железную дорогу и начиненной дотами. Предназначались они для артиллеристов и имели большие амбразуры; внизу у каждого был устроен колодец с водой, а наверху — наблюдательная площадка, ничем не прикрытая. Выход из дота был отведен в сторону.

Поскольку орудий у нас не было, хотя батальон и назывался пулеметно-артиллерийским, мы закрыли амбразуры мешками с песком. Выкопали

траншею от выхода из дота вниз по холму до лощины и замаскировали ее. Приготовили оружие, которым, по совести сказать, мы были оснащены слабовато. Каждый взвод, занимавший один дот, насчитывал в своем составе вместе с командиром пятнадцать человек, на которых приходилось по одному станковому и одному ручному пулемету, а также по три винтовки. Фактически больше половины состава оказались безоружными.

30 июня к нам подошло подкрепление — пехота. Когда пехотинцы вырыли на холмах окопы и расположились в них, мы, в отсутствие боевых действий расслабившиеся и даже прозвавшие наши долговременные огневые точки «домом отдыха туристов», наконец поняли, что этот укрепленный район будем оборонять довольно серьезно. Надеемся, что врага дальше не пропустим, а когда 3 июля 1941 года слушали по радио выступление товарища Сталина, то и вовсе уверовали в скорое освобождение от оккупантов захваченных ими районов. Впрочем, и в дальнейшем даже в самой трудной обстановке мы верили в окончательную победу над врагом.

4 июля с утра нашему батальону пришлось вести напряженный бой. Пехота была выведена скрытно с рубежа, о чем мы до самого вражеского наступления немцев не подозревали.

Немцы вначале открыли артиллерийский огонь, обработав основательно нашу оборону, правда, не нанеся нам потерь, так как все находилось в дотах. Когда же они двинулись в атаку, то пулеметный огонь из дотов, расположенных по фронту, покосил их изрядно. Атака захлебнулась. Тогда они, перегруппировав силы, выдвинули орудия на прямую наводку и стали стрелять прямо по амбразурам, вернее, по мешкам с песком, и в дотах появились раненые. Но и из повторной атаки ничего не вышло. Три раза пытались немцы взломать нашу оборону, и все три раза вынуждены были откатываться назад.

Наш взвод в бой не вступал, так как амбразура нашей огневой точки была направлена в тыл, о действиях же фронтового дота рассказали добравшиеся оттуда к нам четверо раненых красноармейцев.

Не в состоянии одолеть наш рубеж, фашисты решили обойти его с тыла, однако там наткнулись на наши доты. Мы встретили их губительным пулеметным огнем.

ПРЕКРАТИВ временно активные действия, противник расположил в укрытых местах снайперов. Если замечал движение, то немедленно летели снайперские пули. Мы потеряли не только всякую подвижность, но и возможность вести повсеместное наблюдение. К нашему доту с закрытой от нас стороны проникли несколько немцев и забросали нас гранатами. Прямого вреда не причинили, поскольку осколки ударили лишь по стенкам хода, но дым от сгоревшего заряда заполнил весь дот. Кто-то крикнул «газы», и мы суетливо надели маски, но очень быстро поняли, что дым — от порохового заряда.

Через некоторое время дот, где находился наш взвод, оказался полностью блокированным. Кто-то предложил прорваться через амбразуру с гранатами, но это предложение было отвергнуто. Решили ждать ночи, чтобы бесшумно снять вражеского часового. С часовым даже не пришлось возиться — он уснул. Не поднимая шума, мы парами двинулись в темноте через боковой выход к траншее.

Я был во второй очереди. Когда первые двое вползли в траншею, тронулись мы с напарником, и вскоре наткнулись на них. Шепотом спросили, в чем дело. В траншее, как оказалось, маячила чья-то тень. К счастью, это была всего-навсего шинель, оставленная кем-то случайно. У нас отлегло от сердца. Мы поползли дальше. Преодолев опасный участок, разделились на три группы и пошли к Себежу разными путями.

Ночь была темная, но короткая и освещенная частыми пожарами. По ним было очень хорошо ориентироваться, а когда рассвело, ориентировались по солнцу. К месту расположения наших частей мы добрались примерно во второй половине дня, сделав, как выяснилось, большой круг, поскольку шли не по карте. Через три дня мы встретили нашего командира, собирающего батальон, из которого в наличии оказалось около трети первоначального состава, т.е. человек шестьдесят—восемьдесят. И все же батальон опять стал боевым подразделением.

Пока мы собирались, немцы в районе Себежа сумели нас прижать к речке. Нашему батальону приказали прикрывать отход части. Нас предупредили, что мост через речку будет взорван, когда батальон перейдет на другую сторону. Однако вскоре мы, сдерживая наседавшего врага, увидели, что мост позади нас в пламени. Мы рванули к нему, пока он не рухнул. Я сделал глубокий вдох, закрыл глаза руками, и побежал, не глядя, в дыму и огне, настроившись преодолеть эту неожиданную полосу препятствий длиной в тридцать—сорок метров. Долго на другом берегу не мог отдышаться.

Батальон сумел прорваться и соединиться с подразделениями части. Нам было приказано

занять оборону на высоте. Рядом — проселочная дорога, километрах в четырех — большак, на котором сосредоточились главные силы части. Немцы проселочной дорогой не пошли, бросив на большак танки. Наши подразделения отступили. Батальон оказался в тылу у немцев, о чем мы узнали не сразу. Мы вынуждены были, снявшись с позиций, двигаться параллельно большаку проселочной дорогой, по которой вскоре и подошли к деревне домов в семьдесят. Там от жителей узнали, что только что отсюда умчались, завидя нас, более двадцати немецких мотоциклистов. Мы тоже не стали задерживаться, а привал сделали лишь на околице следующей деревеньки. И тут увидели, как нам навстречу галопом несутся полевая кухня и пять повозок. А нам ох как хотелось есть! Но, увы, — не до обеда было, поскольку, по словам тыловиков, за ними гнались на мотоциклах немецкие разведчики. Устроив засаду, мы почти всех их уложили, только одному из них удалось убежать.

В то время, когда мы вели скоротечный бой, повар сварил обед, подошли артиллеристы, им полевая кухня и принадлежала. Они были рады: нашли в нас надежное прикрытие и подоспели к горячей пище. На восток двинулись общей колонной.

В обозе на одной телеге везли раненых — красноармейца и фашистского ефрейтора. Немец, рыжий самоуверенный верзила, все время пинал нашего раненого бойца ногой. Капитан, узнав про это, предупредил немца, что, если тот не уймется, то его расстреляют.

Отдельный наш батальон существовал недолго, капитана перевели командовать другим подразделением, а нас распределили по ротам 259-го стрелкового полка. Меня назначили командиром отделения.

ОТСТУПАЯ, полк вел упорные бои, особенно за Великие Луки. Дважды город переходил из рук в руки, а последний раз мы так мощно ударили по немцам, что они отступили километров на тридцать на запад. Преследуя врага, видели много убитых, брошенной и поврежденной техники. Однако дальнейшее продвижение было приостановлено нашим командованием из-за того, что немцы перерезали основные пути снабжения советских войск боеприпасами и питанием.

Для нас, солдат и младших командиров, было тогда непонятно, как это можно отрезать армию. Целую армию! Понимали, не раз попадая в самое сложное положение, что можно отрезать взвод, роту, наконец — батальон. А как это — отрезать армию? Действующую армию! Так или иначе, но нам сказали, что мы отрезаны от тыла и будем пробиваться к своим на восток самостоятельно — полком. Сначала так и было — двинулись в соответствии с приказом. Но вот когда полк попал под убийственный вражеский огонь, мы, занимая боевые позиции, вынуждены были рассредоточиться и еще больше раздробиться.

В одном из боев меня задела вражеская пуля, повредив только кожу лба. Я не почувствовал боли, услышав лишь глухой звон каски да как что-то теплое стекло по лицу. Показалось — струйка пота; пора июльская. Кровь увидел, когда смахнул рукой эту струйку. Рану мне быстро перевязали. Бой продолжался недолго. Патронов у нас оставалось по 5—10 штук на винтовку. Выходить из окружения мы вынуждены были мелкими группами.

Правда, часто сбивались в большие группы, потом снова прорывались разрозненно. Наступила ночь, кругом вспыхивают немецкие ракеты. Когда рассвело, мы, пять человек, побрели лесом, ориентируясь по солнцу, встречавшиеся деревни обходили стороной. Наткнулись в густом кустарнике вблизи большака на группу младших командиров и красноармейцев. Группой, примерно человек шестьдесят, мы попытались пересечь большак, но были остановлены пулеметным огнем. Снова разбились на мелкие группы. Ближе к вечеру слышали музыку. Через усилитель проигрывались популярные патефонные пластинки с песнями Дунаевского, затем «Интернационал». Послышался и громкий призыв на русском языке: «Товарищи красноармейцы и командиры! Выходите из кустов, повесив винтовку на плечо и подняв руки вверх. Мы вас накормим и дадим вам работу». Так повторилось три раза. Из нашей группы один красноармеец поддался на уговоры, стал подбивать и остальных. От него отмахивались, а затем пригрозили. Он притих, но не надолго.

Между тем рядом со мной оказался молодой парень в гражданских брюках и нательной рубашке, поверх которой было наброшено синее одеяло.

— Лежал в деревенском госпитале, — объяснил он. — Когда появились немцы — разбежалась госпитальная прислуга, а затем, разбежались и раненые. Три дня скрывался у жителей, а потом, попросив одежду и буханку хлеба, ушел на восток.

— Ты, наверно, голодный? — спросил он меня и, не дожидаясь ответа, отломил четверть буханки. Я был очень голоден и не стал отказываться, а он попросил: — Ты поможешь мне, когда мы двинемся к своим? Не оставишь? Мне одному не добраться.

Этот молодой парень в нательной рубашке, деревенских штанах, накрывшийся синим одеялом из госпиталя, был Василий Зорькин. Война его застала на действительной службе в Красной армии. Ему было двадцать два года. До армии он жил в городе Рыбинске. С ним связала меня судьба до выхода из окружения.

Мне было сравнительно легко идти, а вот Василию приходилось трудно. Ведь он был ранен в ногу и руку, да еще обожжен. Особенно тяжело было ему двигаться в кустарнике, так как кусты сдвигали перевязки, бередили раны, вызывая нестерпимую боль. И все же, когда вре-

менами я по необходимости переходил на бег, он терпеливо следовал за мной. Что и говорить, мужественный человек! Когда, как мы считали, опасность оставалась позади, он в изнеможении опускался на живот, шая обожженную спину.

ШЕСТНАДЦАТЬ дней мы пробирались по вражескому тылу, пережив за это в общем-то непродолжительное время многочисленные опасности. Шли только днем, чтобы не сбиться с пути и не нарваться на немцев. Ночью же спали то в лесу, то в каком-нибудь заброшенном и отдаленном строении, реже в деревнях, еще не занятых немцами. Питались тем, что удавалось раздобыть у сердобольных крестьян в глухих деревушках.

Несколько раз подходили близко к линии фронта, но каждый раз, пока мы выжидали удобный момент, она отдалялась от нас порой на несколько десятков километров. Снова, рискуя и таясь, приходилось догонять ее.

Однажды встретили в лесу жителей покинутой деревни, которые накормили нас хлебом и молоком, а также объяснили, как пройти к нашим частям. Мы пошли по указанному маршруту, и вскоре вышли на дорогу, по которой проходили машины. Наши машины!..

Сколько же было радости у нас! Мы с Василием, обнявшись, не скрывали слез. Мы — у своих!

Всех выходивших из окружения с оружием сразу же направляли в действующие части. Я попал в 914-й стрелковый полк (к сожалению, номера дивизии не помню). Назначили меня командиром отделения, а потом помощником командира взвода.

Полк находился в обороне по восточному берегу реки Западная Двина, прочно удерживая свои позиции около двух месяцев. Мне казалось, что теперь-то уж не повторится то, что пришлось пережить в первые месяцы войны: мы все больше и больше укрепляли оборону.

Но не тут-то было.

В один из дней, а уже была осень, я получил задание вырыть и замаскировать окоп для наблюдательного пункта на берегу реки. Отсюда очень хорошо просматривался передний край немцев. Днем это сделать было невозможно, так как со стороны противника место также хорошо просматривалось, поэтому приступили к работе ночью. К ее окончанию задание было выполнено: окоп вырыт, обустроен и хорошо замаскирован. К утру же поступил очередной приказ — срочно собраться и оставить оборудованные позиции. Несколько позже прослышали, что парашютный десант врага ворвался в город Калинин, где наших войск, кроме тыловых служб, практически не было. От нас до города — немногим больше двухсот километров. К тому же немцы заняли одновременно и аэродром, что в шести километрах от него, перебросив свои войска к нам в тыл.

В.Ф. ШМЕЛЕВ

(Окончание следует)

БЛАГОДАРНОСТЬ ГЕНЕРАЛА АРМИИ Н.Ф. ВАТУТИНА

ПОСЛЕ того как противник превосходящими силами в конце августа 1941 года вышел к Неве и перерезал железную дорогу, связывающую Ленинград со всей страной, началась продолжавшаяся 900 дней и ночей блокада города. Но гитлеровцы наращивали силы, и было видно по всему, что они хотят охватить Ленинград вторым кольцом, лишив его тем самым связи со страной и по Ладожскому озеру. Готовясь к этим новым коварным действиям врага, советское командование создало 4-ю ударную армию, печатным органом которой была газета «В бой за Родину». В ее редакцию направили меня как уже опытного военного журналиста, что называется, понюхавшего пороху.

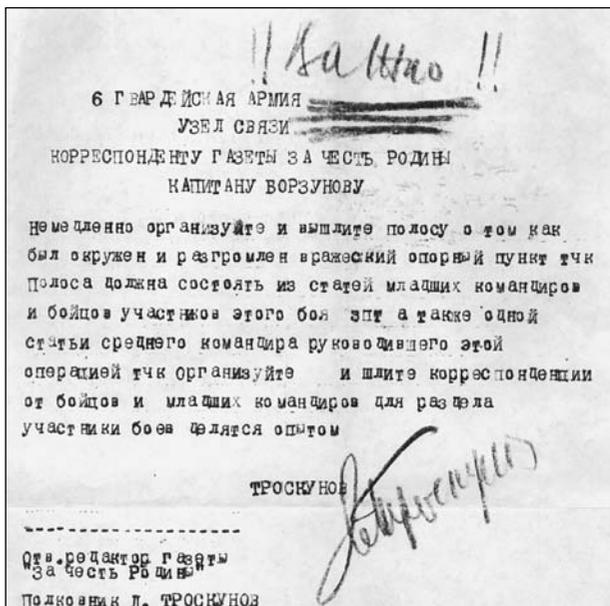
Свое новое наступление немцы предприняли рано утром 7 ноября, подвергнув ожесточенной бомбежке г. Тихвин, в котором располагалась и редакция газеты. Когда самолеты отбомбились, кто-то сообщил, что на окраине города появились немецкие танки. Пришлось срочно эвакуироваться. При этом сначала погрузили в машину редакционное имущество, а затем, вооружившись автоматами, вместе с солдатами заняли оборону. Правда, до нас танки не дошли, на этот раз обошлось без боя.

А вообще, бои за Тихвин разгорелись упорные. В результате решительных действий войска 4-й ударной армии отбросили гитлеровцев на прежние позиции, на рубеж реки Волхов, что было крупным успехом. Ход боевых действий детально отражался на газетных полосах.

В перерыве между боями сотрудникам редакции газеты «В бой за Родину» удалось собраться вместе

д. Бор Киришевского р-на Ленинградской обл., январь 1942 г.

Телеграмма из редакции газеты капитану С.М. Борзунову

Мы, военные журналисты, писали не только о самих боях, о людях, проявивших героизм, но старались освещать эти события в более широком плане, показывая, что значит эта победа для Ленинграда: продовольственные грузы для блокадного города снова пошли по железной дороге, а далее — через Ладогу.

После образования в июле 1942 года Воронежского фронта я был назначен корреспондентом фронтовой газеты «За честь Родины». Здесь я прослужил до конца войны.

И хотя фронтовая газета была рангом выше армейской, мы, разъездные корреспонденты, этого не чувствовали. По-прежнему действовали автономно, были лишены какого-либо транс-

Литературные сотрудники газеты «За честь Родины» (Воронежский фронт). Слева направо: С.Е. Головановский, Л.В. Завгородний, П. Леров, С. Гершензон, С.М. Борзунов, А.М. Хорунжий, И. Френкель. Фамилия крайнего не установлена

Станция Грязи, июль 1942 г.

● ФРОНТОВОЙ АЛЬБОМ
«ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА» ●

Специальные корреспонденты газеты «За честь Родины». Крайний справа С.М. Борзунов

Станция Грязи,
осень 1942 г.

В прифронтовой полосе: беседа с ответственным редактором газеты П.А. Молчановым (слева С.М. Борзунов)

г. Бобров, Воронежский фронт, 1942 г.

порта, безвыездно находились непосредственно в частях и подразделениях, обязаны были чуть ли не каждый день сообщать в редакцию обо всем важном, что происходило на фронте.

В каждой редакции были, конечно, свои сложности, своя специфика, своя «география» и свои особенности, но общий принцип работы оставался неизменным. Корреспондент должен был отражать самые главные, самые интересные события, происходившие в войсках, к которым придавалась его газета, находить, что называется, гвоздевые, острые, первополосные материалы. Всего этого можно было достичь только при одном условии: находиться там, где шли бои, среди непосредственных участников войны. К этому мы, фронтовые журналисты, и стремились. Не имея никакого штатного транспорта мы, как правило, добирались до места событий попутными машинами, мотоциклами и повозками, а чаще всего пешком, и организовывали статьи от людей бывалых, смелых, отважных — от красноармейцев, младших и средних командиров. К собственным корреспонденциям прибегали лишь в крайних случаях. Об этом как раз и свидетельствует телеграмма, которую ответственный редактор полковник Л. Троскунов прислал мне для исполнения. На героических примерах и умелых действиях участников боев наши газетные корреспонденты учили людей воинскому мастерству, хитрости и сноровке в борьбе с врагом. В этом прежде всего мы видели смысл своей работы. К то-

му же, часто не только по данным командиров и штабов, но и по точным оперативным газетным сообщениям корреспондентов отважным воинам присуждались различные награды и даже звания Героя Советского Союза. Именно так и произошло при форсировании Днепра.

После победы на Курской дуге меня перебросили в 3-ю гвардейскую танковую армию, двигавшуюся к берегам Днепра. Я напросился в передовой отряд — в 51-ю танковую бригаду гвардии подполковника М.С. Новохатько, входившую в 6-й гвардейский танковый корпус 3-й гвардейской танковой армии (Воронежский фронт).

Ночью готовились к переправе. Над Днепром стлался туман. Бойцы стаскивали к реке все, что могло держаться на воде: лодки, бревна, доски, оконные рамы. Сбивали самодельные плоты, набивали в плащ-палатки сено или солому. Первыми в ночь на 22 сентября 1943 года на правый берег Днепра, захватив меня с собой, на лодке, предоставленной партизанами из соединения имени В.И. Чапаева, поплыли в качестве разведчиков командир отделения отдельного мотострелкового батальона 51-й гвардейской танковой бригады гвардии сержант Иван Дмитриевич Семёнов, гвардии рядовой Василий Андреевич Сысолятин, гвардии рядовой Николай Евгеньевич Петухов и гвардии рядовой Василий Николаевич Иванов. Сильное течение прибивало нас к островку, что виднелся южнее, напротив села Григоровки,

что в Каневском районе Черкасской области (Украина). Наше появление вызвало панику в лагере противника, видимо, поэтому столь малыми силами удалось захватить рубеж на правом берегу реки и обеспечить переправу остальных подразделений части.

Одна за другой лодки подходили к круто-

И.Д. Семёнов

В.А. Сысолятин

Н.Е. Петухов

В.Н. Иванов

му берегу. Стреляя на ходу, бойцы карабкались вверх, окапывались, снова стреляли и шаг за шагом продвигались вперед. То же самое делал и я. Немцы сопротивлялись отчаянно. Бой не смолкал ни на минуту. Ели прямо в окопах, об отдыхе не приходилось и думать. Так продолжалось более суток. Вскоре на правый берег переправилась вся 51-я бригада, а затем по понтонному мосту — танковый корпус. Только теперь я получил возможность вернуться в Григоровку, чтобы написать корреспонденцию о переправе наших подразделений на западный берег, о боях за первый плацдарм, который потом был назван букринским.

Когда материал был готов, начал соображать, как доставить его в редакцию? Все двигались на западный берег, и почти никто — на восточный. Пришлось обращаться за помощью к командиру батальона. Он выделил мне в помощь своего ординарца Сергея Орлова, молодого крепкого парня, умеющего управляться с лодкой.

Однако стоило нам выплыть на середину реки, как вдруг где-то сзади гулко заработал вражеский пулемет. Пули со свистом пронеслись совсем близко, и одна нашла цель — Сергей был серьезно ранен. К счастью, в этот момент с нами поравнялась лодка, шедшая следом. Товарищи помогли перетащить раненого в свою лодку, а нашу, пробитую пулями, взяли на буксир.

На попутной подводке, подвезившей к Днепру снаряды, я добрался до командного пункта 3-й гвардейской танковой армии. Отсюда по телефону передал сообщение под названием «Герои-комсомольцы переправились первыми», а затем привез в редакцию и материал, подготовленный с моей помощью непосредственно Семеновым и Ивановым под названием «Вперед, друзья! Мы русские, мы все одолеем».

На второй день редактора газеты и меня вызвали к командующему фронтом. Генерал армии Н.Ф. Ватутин, приняв рапорт, встал из-за рабочего стола, поздоровался.

— Благодарю за оперативное выполнение задания командования по форсированию Днепра. Пример комсомольцев-разведчиков 51-й танковой бригады должен стать достоянием всех частей и подразделений фронта.

17 ноября 1943 года все четверо разведчиков были удостоены звания Героя Советского Союза. К сожалению, Николай Петухов погиб в этом бою, и звание Героя ему было присвоено посмертно. Остальные благополучно прошли всю войну, сержант Семенов дослужился до майора, демобилизовался в 1947 году, жил и работал в Волгограде; Сысолятин окончил после войны сельскохозяйственный техникум, был агрономом, затем председателем колхоза в Кировской области; Иванов после войны вернулся на родину в деревню Демино, что в Волгоградской области, работал в колхозе, погиб в 1947 году в результате несчастного случая. Мне же приказом по редакции была объявлена благодарность «За оперативную организацию материала на правом берегу Днепра». Надо сказать, что до этого случая подобные приказы по редакции не практиковались.

Полковник в отставке С.М. БОРЗУНОВ

К ЧИТАТЕЛЯМ «МОЛОДЕЖНОГО ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА»

Уважаемые читатели!

Ответы на вопросы викторины «К 110-летию со дня рождения Маршала Советского Союза К.К. Рокоссовского» (Воен.-истор. журнал. 2006. № 12): 1. Службу в русской армии К.К. Рокоссовский начал в 1914 году рядовым и вскоре стал младшим унтер-офицером Каргопольского драгунского полка; 2. В 1925 году окончил кавалерийские курсы усовершенствования комсостава, в 1929 году — курсы усовершенствования высшего начсостава при Военной академии имени М.В. Фрунзе; 3. Командовал эскадронном, отдельным кавалерийским дивизионом и кавалерийским полком, бригадой; 4. Был награжден двумя орденами Красного Знамени; 5. После окончания Гражданской войны К.К. Рокоссовский последовательно командовал 3-й кавалерийской бригадой, 5-й отдельной кавалерийской бригадой; 6. За боевые отличия и умелое руководство 5-й отдельной кавалерийской бригадой в боях с китайцами на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД) награжден третьим орденом Красного Знамени; 7. В 1930—1937 гг. К.К. Рокоссовский последовательно занимал должности командира 7-й, 15-й кавалерийских дивизий, 5-го кавалерийского корпуса; 8. В 1937 году К.К. Рокоссовский был арестован и посажен в тюрьму НКВД, где на допросах не дал никаких ложных, порочащих других военачальников показаний, хотя был подвергнут жестоким истязаниям. В марте 1940 года его полностью оправдали; 9. С ноября 1940 до 11 июля 1941 года К.К. Рокоссовский командовал 9-м механизированным корпусом, находясь в непосредственном подчинении командующего Киевским военным округом; 10. С июля 1941 года К.К. Рокоссовский командовал Ярцевской группой войск, которая в тяжелых боях с немецкими войсками группы армий «Центр» выполнила поставленную боевую задачу; 11. Командарм 16-й армии противопоставил врагу глубокую противотанковую оборону, высокую активность и маневр, а в ходе контрнаступления для развития успеха создал в армии две подвижные группы, разумно сочетал фронтальный удар с обходом и охватом противника. Имея вдвое-втрое меньше сил, чем у противника, в тяжелых условиях бездорожья и глубокого снежного покрова войска К.К. Рокоссовского успешно выполнили поставленные боевые задачи. Враг был отброшен на 100—250 км от Москвы; 12. В районе Красной Поляны войска К.К. Рокоссовского захватили два сверхтяжелых орудия, которые были специально доставлены к Москве для обстрела Кремля, но немцам не дали возможности произвести ни одного выстрела; 13. Во время прорыва немцев на Воронеж К.К. Рокоссовский был назначен командовать Брянским фронтом. Когда врагу удалось прорваться к Дону, К.К. Рокоссовский контрударом войск фронта ликвидировал прорыв и остановил врага; 14. Во время Сталинградской битвы К.К. Рокоссовский командовал Донским фронтом. Его полководческое мастерство особенно проявилось при выборе направления главного удара с решительным масштабированием на нем войск, сил и средств. В ходе борьбы с окруженным врагом К.К. Рокоссовский нанес мощный рассекающий удар по группировке противника. Не имея значительного общего превосходства над противником и уступая ему в личном составе и количестве танков в 1,2 раза, К.К. Рокоссовский сумел на направлении главного удара создать превосходство над противником по пехоте в 3 раза, по танкам — в 1,2 раза и по артиллерии — в 15 раз. Это имело решающее значение для быстрого разгрома самой отборной группировки врага в составе 22 дивизий; 15. В 1943 году К.К. Рокоссовский возглавил Центральный фронт. Войска фронта успешно провели оборонительное сражение на Курской дуге, контрнаступление западнее Курска, разгромили здесь фашистские войска, освободили от врага всю территорию от Гомеля до Киева, заняли плацдармы на западном берегу Днепра; 16. Оригинальность решения К.К. Рокоссовского при разработке операции «Багратион» заключается в том, что он предложил нанести войсками 1-го Белорусского фронта два главных удара. В результате была сокрушена одна из самых сильных группировок врага — группа армий «Центр»; 17. В 1945 году К.К. Рокоссовский, командуя войсками 2-го Белорусского фронта, провел три большие наступательные операции: Восточно-Прусскую, Померанскую, Одерскую; 18. Маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский — дважды Герой Советского Союза, кавалер ордена Победы, семи орденов Ленина, шести орденов Красного Знамени, ордена Октябрьской революции, орденов Суворова I степени и Кутузова I степени, иностранных наград: Польши — ордена «Виртути Милитари» I класса со звездой и Креста Грюнвальда I класса; Франции — ордена Почетного легиона и Военного Креста; Великобритании — Рыцарского Командорского Креста ордена Бани; Монголии — ордена Красного Знамени; награжден многими медалями; 19. В 1945—1949 гг. К.К. Рокоссовский — главнокомандующий Северной группой войск; в 1949 году — маршал Польши; в 1949—1956 гг. — министр Национальной обороны и заместитель председателя Совета министров Польши; в 1956—1957 и 1958—1962 гг. — заместитель министра обороны СССР; 20. Маршал Советского Союза Г.К. Жуков.

Победителем этого конкурса стал **Валентин Федорович Гужов**, пенсионер (г. Шенкурск Архангельской обл.).

Он получает приз — книгу: Корабли эскадры Балтийского флота. Великая Отечественная война / С.А. Гуров, В.Э. Тюлькин; Калинингр. регион. отд. Акад. военно-истор. наук. Калининград: ОАО «Янтар. сказ», 2005. 208 с., ил.

Поздравляем!

«В НАСТОЯЩЕМ СВОЕМ ВИДЕ МОРСКОЙ МУЗЕЙ С ГОРДОСТЬЮ МОЖЕТ НОСИТЬ ИМЯ ВЕЛИКОГО ПРЕОБРАЗОВАТЕЛЯ РОССИИ»

В О ВТОРОЙ половине XIX века в Российской Империи наблюдался интенсивный рост числа музеев, в том числе и связанных с военно-морской историей. Для лучшего понимания этой историко-культурной ситуации следует обратить внимание на флотскую печать тех лет, аккумулировавшую прогрессивные тенденции своего времени, среди которых существенное место занимала проблематика воссоздания военно-морского наследия страны. Так, капитан 2 ранга С.И. Елагин на страницах «Кронштадтского вестника» поставил перед общественностью целый ряд злободневных вопросов: «Где трофеи, добытые нашими моряками с таким беззаветным самоотвержением? Где эти флаги, живые свидетели столько пролитой крови? Десятка два в кронштадтском арсенале да штуки три в Морском корпусе, вот все, что более или менее известно; остальные же рассованы по столь различным и теперь уже забытым местам, что разыскание этих дорогих для истории флота документов будет стоить больших трудов»¹.

Подобного рода высказывания являлись свидетельством зрелости, актуальности идеи сохранения прошлого страны, сформировали общественное мировоззрение и послужили отправной точкой для воссоздания рассказанного в 1827 году по велению Николая I Морского музея, от которого осталась лишь Модель-камера. Было принято решение о возрождении на ее основе Морского музея спустя 37 лет после его закрытия. Руководствуясь назревшей необходимостью более тщательного сохранения военно-исторического наследия, управляющий Морским министерством Н.К. Краббе поручил директору своей канцелярии К.А. Манну «составить соображения о мерах для собрания предметов, имеющих историческое значение для морского дела... чтобы положить таким образом в Санкт-Петербурге начатки Морскому музею»².

«Составленные соображения» представляли собой четко разработанную обширную программу комплектования фондов будущего музея. Ее авторы (К.А. Манн, С.И. Елагин и Л.А. Ухтомский) строго ограничили рамками «морской специальности» перечень будущих экспонатов³, способных отражать как военно-морскую историю, так и современное состояние исторических памятников.

Для практической реализации всего комплекса намеченных мероприятий и решения организационных вопросов требовался деятельный и знающий человек. Выбор пал на талантливого изобретателя-оружейника лейтенанта Н.М. Баранова. Он начал свою деятельность на новом

поприще с приведения в порядок Модель-камеры, которая в то время представляла собой «лишь склад моделей, расположенных без всякой системы»⁴. В короткие сроки систематизировав коллекции, он опубликовал «Каталог Санкт-Петербургской Модель-камеры» — первый в истории музея и Модель-камеры печатный каталог⁵. Заручившись поддержкой Морского министерства на изъятие из учреждений морского ведомства предметов, которые представляли интерес для музея, и разворачивая широкую собирательскую работу, новый директор осмотрел портовые склады, различные хранилища, принадлежавшие морскому ведомству. При этом ему удалось не только найти и вернуть в Модель-камеру многие экспонаты, ранее принадлежавшие расформированному «Морскому музею», но и добиться неперемного поступления в возрождающийся музей всех образцов новейших изобретений в военно-морской сфере. По настоянию Баранова последние стали экспонироваться в преобразованной в отделение (филиал) Морского музея Кронштадтской модель-камере, из которой все «устаревшие» экспонаты были перевезены в Санкт-Петербург. Когда же пути технического развития флота определились более основательно, Кронштадтское отделение было упразднено, а большинство его экспонатов влилось в основные фонды.

Для воссоздаваемого военно-исторического учреждения были отведены просторные помещения на втором этаже западного крыла Главного адмиралтейства. Благодаря энергии Н.М. Баранова музей начал функционировать с января 1867 года, официальное же его открытие, на котором присутствовал великий князь Константин Николаевич, состоялось 27 августа. С целью информирования общественности о столь важном событии были привлечены крупнейшие петербургские газеты, помещавшие на своих страницах объявления о времени работы Морского музея и о том, что он «открыт бесплатно для посетителей всех званий»⁶.

П ОСЛЕ нового открытия музей состоял из отделов: исторического, кораблестроительного, артиллерийского, коммерческого судоходства и этнографического, а затем (1868 г.) к ним добавилось еще отделение действующих образцов по снабжению кораблей и обмундированию команд. Правда, оно, известное также как Центральный магазин, куда посетители не допускались, не входило в состав основной музейной экспозиции, сосредоточив в себе образцы различных предметов снабжения и сухой провизии.

Для пополнения Модель-камеры при музее была создана модельная мастерская, находившаяся, как и сам музей, согласно «Положению об управлении морским ведомством» от 18 июня 1867 года в ведении Морского технического комитета вплоть до 1917 года.

Убедительным свидетельством общественной потребности в таком учреждении стало быстрое его пополнение историческими предметами, многие из которых были ему подарены. Особую ценность составили реликвии эпохи Петра Великого⁷.

Не ограничиваясь этим, начальник музея лейтенант Н.М. Баранов 13 января 1868 года докладывал в Морской технический комитет о том, что на основании решения морского министра № 6505 «...для полного научного и исторического значения следовало бы передать музею из Артиллерийского отделения всю имеющуюся коллекцию старинных орудий и ядер, чертежей новых орудий и станков, ручного огнестрельного и холодного оружия, хотя бы по одному образцу»⁸. Вскоре музей получил более трех десятков предметов, среди которых были орудия, ружья, пистолеты, сабли, палаши, пики и другое оружие. Существенное пополнение фондов Морского музея происходило за счет поступлений оружия из русских портов и с кораблей, совершивших кругосветные плавания и дальние походы.

Следует обратить внимание, что пополнение музея экспонатами шло не только в результате активной собирательской работы, но и благодаря обмену историческими предметами между музеями, в частности, Морским и Артиллерийским. Об этом свидетельствует сохранившаяся переписка между Военным и Морским министерствами⁹. Так, 5 февраля 1869 года лейтенант Баранов докладывал управляющему Морским министерством, что «сегодняшнего числа из Артиллерийского музея Военного ведомства мною для Морского музея приняты следующие предметы: колет императора Петра I, морской мундир императрицы Екатерины II, штандарт императрицы Екатерины II, 10 флагов разных наций, два палаша Гвардейского экипажа времен Екатерины II, флотский тесак 1829 г. и мушкетон времен императора Петра I, взамен которых согласно приказа вашего превосходительства от нас в Артиллерийский музей сданы: двадцать восемь моделей медных пушек на полевых лафетах, шведские латы, римская колесница с косами и модель десантного судна»¹⁰.

В результате целенаправленной собирательской работы коллекции музея так разрослись, что для расширения экспозиционных площадей потребовалось в 1870 году присоединить к музею ряд помещений третьего этажа здания Адмиралтейства.

О ПОПУЛЯРНОСТИ музея красноречиво свидетельствуют статистика посещаемости и записи в гостевой книге. Например, в 1887 году число посетителей составило 17 тыс., 1888-м — 20 тыс., 1899-м — 22 тыс. человек.

Среди экскурсантов были воспитанники высших и средних заведений военно-сухопутного и военно-морского ведомств, офицеры и нижние чины российского флота и даже студенты... Римско-католической духовной семинарии¹¹. Особый пик посещения приходился на летние месяцы, когда в город-порт приходили иностранные военные и коммерческие суда, а также приезжали многочисленные туристы. Вместе с тем, поскольку размещенные в залах музея экспонаты снабжались достаточно лаконичными этикетками, возникла потребность в создании каталога с дополнительными сведениями о предметах, рукопись которого была готова уже к концу 1867 года. К сожалению, из-за финансовых проблем (в Морском министерстве не нашлось нужных 600 рублей!) его издание растянулось почти на двадцать лет. Только в 1885 году, когда число предметов возросло до 3000, каталог увидел свет при преемнике Н.М. Баранова капитане 2 ранга И.Я. Чайковском. Большой вклад в создание столь необходимого пособия внес известный историк флота Н.А. Коргуев, под руководством которого трудилась специально созданная для этой цели комиссия. Потребность в новом каталоге, первый тираж которого разошелся очень быстро, оказалась настолько очевидной, что спустя два года вышло его второе издание.

Обогащению фондов, а также дальнейшему благоустройству музея уделяли много внимания и возглавлявшие его впоследствии капитан 2 ранга А.Ф. Воейков (1887—1890) и полковник А.П. Шафров (1890—1899). Первый из них немало сделал для оснащения Образцового отделения, сосредоточившего в себе образцы предметов по кораблестроительной, комиссариатской и медицинской частям, второй — приступил к выполнению образцов формы одежды за весь исторический период, начиная от времени Петра I. При Шафрове были решены вопросы перенесения Модельной мастерской в новое Адмиралтейство, оснащения музея электрическим освещением (1894 г.).

Привлекательность Морского музея не ограничивалась его музейно-реликвийным значением, но была обусловлена в немалой мере и техническим аспектом. Здесь образовался, можно сказать, своеобразный синтез военно-морской истории и естественных наук, сосредоточенный в уникальном просветительском и техническом центре, где размещались новые виды оружия, подлежащие испытанию, проектные модели и чертежи судов, опытные орудийные станки, аппараты и приборы¹². С целью осмотра технических новинок Морской музей часто посещали морской министр и крупные чиновники, от которых зависело внедрение изобретений на флоте, а в музейном лекционном зале нередко проводились публичные лекции по различным вопросам военно-морского дела. Тут проходили заседания не только яхт-клуба, Общества для содействия русскому торговому мореплаванию, Общества оказания помощи при кораблекрушениях, но даже таких организаций, которые не имели прямого отношения к флоту, вроде общества любителей садоводства или общества распространения священного писания.

• ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ •

О СТРЕМЛЕНИИ музея расширить рамки изыскательских интересов, доказать свою жизненную необходимость как ведущего флотского просветительского учреждения красноречиво свидетельствовала его выставочная деятельность. Опыт участия в подобного рода мероприятиях впервые был приобретен его сотрудниками еще в 1862 году на Лондонской всемирной выставке, где Санкт-Петербургская модель-камера обратила на себя внимание моделями военных кораблей, экспонировавшимися в отделе судостроения, удостоившись бронзовой медали. О разнообразии фондов Морского музея свидетельствовало его участие в национальных выставках в Брюсселе (1880) и Гааге (1900), где демонстрировались экспонаты, относящиеся не только к русской, но и к бельгийской и голландской морской истории. За 55 лет своей деятельности (с 1862 по 1917 г.) музей принял активное участие в 32 выставках (в том числе 6 всемирных, 7 международных, 2 зарубежных национальных и 17 отечественных), на которых он был удостоен многочисленных наград¹³. Важно отметить и то, что все эти выставки способствовали не только популяризации музея, но и активному насыщению его фондов. Так, некоторые учреждения безвозмездно передавали ему свои экспонаты после окончания выставок.

Параллельно со сбором экспонатов преимущественно технического и научного характера здесь, начиная с 1867 года, стала активно формироваться коллекция живописи на морскую тематику. Музею дарили свои работы И.К. Айвазовский, А.П. Боголюбов, Л.Д. Блинов, присылали свои рисунки и акварели художники-любители из числа морских офицеров.

Ценной коллекцией явилось собрание экспонатов, связанных с убранством русских кораблей, корабельной архитектурой, отражающей соответствующие стили XVIII—XIX веков. Элементы декора чаще всего представлялись резными рельефами, а порой и сложными, исполненными в стиле русского барокко скульптурными композициями для носовой и кормовой оконечностей кораблей. Одно из достоинств этой коллекции — наличие в ней древних предметов, а также авторских моделей и некоторых подлинных украшений, изготовленных в XIX веке по рисункам или моделям выдающихся русских скульпторов П.К. Клодта, Н.С. Пименова, М.О. Микешина, М.А. Чижова. К примеру, в 1881 году в музей передали носовое украшение русского 50-пушечного корабля «Фортуна» (1713 г.) в виде греческой богини — одного из самых старых по времени создания. В это же время берет свой отсчет собрание флагов и знамен, хотя в каталогах, изданных в 1885 и 1887 гг., их число незначительно. Старейшими в этой коллекции являются «Флаг царя Московского», корабельный штандарт Петра I, знамена батальона Ладожских каналов.

Следует подчеркнуть, что в этот период речь еще не шла об исследованиях музейных предметов на научной основе, а происходил лишь активный процесс накопления материала. Пер-

вые попытки такого рода были осуществлены только в 1970 году Т.М. Матвеевой на основе коллекции Центрального военно-морского музея (ЦВММ)¹⁴.

К концу XIX века количество экспонатов настолько выросло, что прежнее музейное помещение перестало соответствовать насущным потребностям. В результате реорганизации, длившейся два года, Морской музей во многом благодаря энергии, энтузиазму и профессионализму его начальника Н.Л. Бубнова занял обширные помещения третьего этажа адмиралтейского здания. Здесь удачно разместили многочисленные предметы, ранее не находившие себе достойного места: модели парусных судов, доков, эллингов, крепостей, кранов и т.п. Большим достижением стало то, что удалось заменить прежнее разностильное экспозиционное оборудование новым, выполненным по специальным эскизам из ценной тиковой древесины. Новые витрины и турникеты придали законченность экспозиции и подчеркнули неповторимое лицо музея. От внимания руководства не ускользнули и вопросы технического свойства, в частности, дополнительного электрического освещения, телефонизации, а также, учитывая значительную стоимость экспонатов, меры противопожарного характера. Торжественное открытие обновленного музея, на котором присутствовал ряд официальных лиц, среди которых были управляющий Морским министерством генерал-адъютант П.П. Тыртов, начальник Главного морского штаба вице-адмирал Ф.К. Авелан и другие, состоялось 3 апреля 1902 года. Это событие получило широкое освещение в прессе, давшей восторженную оценку результатам реорганизации и подробно описавшей обновленные залы музея, представлявшие, по словам журналиста, «грандиозную, совершенно необычную картину»¹⁵.

При Н.Л. Бубнове продолжалось дальнейшее комплектование музейных коллекций, например, закладных досок кораблей, судов и береговых сооружений. Начальник музея самолично передал в фонд принадлежавшую ему посеребренную закладную доску корвета «Рында», лейтенант Шведе — 8-пушечной яхты «Миротлюбивая», капитан 2 ранга Мещерский подарил свыше 20 закладных досок старинных кораблей, примерно такое же их количество поступило в разное время от семьи известного кораблестроителя Н.А. Субботина, 16 — от зарубежных судостроительных заводов, где создавались корабли для России (заводы Шихау в Германии, «Виккерс и К» в Англии, Крампа в США и др.). При содействии начальника Главного управления кораблестроения и снабжения вице-адмирала В.П. Верховского 8 серебряных досок были переданы в музей из Мраморного дворца, а 9 поступили от главного командира Черноморского флота и портов Черного моря. В период 1901—1913 гг. 26 досок поступило от различных судостроительных предприятий России и 3 доски от Управления кораблестроения. Такая собирательская активность незамедлительно дала положительный результат,

и вскоре музей имел в своем фонде 119 закладных досок, из них серебряных — 87, медных — 29, посеребренных — 2 и одну бронзовую¹⁶.

Не меньше внимания уделялось показу развития и совершенствования водолазного дела, о котором публика практически не была информирована. Энергичные меры в этом направлении предприняли Бубнов и Небольсин, добившиеся от начальника водолазной школы капитана 2 ранга Кононова передачи в музей целого ряда материалов, иллюстрирующих как само водолазное дело, так и деятельность целой группы водолазных офицеров, в частности, их работу на погибшем в Финском заливе броненосце «Гангут».

ОСОБО следует выделить созданную в музее «комнату героев», призванную увековечить память о доблестных героях-моряхах, отличившихся в обороне Севастополя в 1854—1855 гг., в войне с Турцией в 1877—1878 гг. и при подавлении восстания ихэтуаней (боксерского) в Китае в 1900 году. По инициативе Бубнова здесь демонстрировались фотопортреты героев-морских и виды сражений. Поскольку характеристика и образное восприятие военных действий были невозможны без подлинных объемных экспонатов, посетителям представлялись, к примеру, листы с пробоинами от снарядов, снятые с канонерских лодок «Кореец» и «Гиляк», и другие подобные дополнительные предметы. Не были забыты и медали, выпущенные Монетным двором в честь морских сражений за все время существования российского флота. Учитывая их привлекательность для образно-художественной экспозиции, было собрано 135 разнообразных по характеру исполнения и сюжетам экземпляров.

За время своего существования музей не испытывал недостатка в посетителях, но особое внимание он обратил на себя в период подготовки к празднованию 200-летия со дня своего основания. Тогда-то, в 1908 году, ему согласно указу императора Николая II было решено присвоить имя Петра Великого. В соответствующем документе Морского министерства это решение нашло следующее обоснование: «Модель-камера, первообраз ныне существующего Морского музея, была учреждена в 1709 году и построена по собственноручному чертежу императора Петра I, а по кончине его, как видно по архивным документам, носила наименование Модель-камера Петра I. Ввиду этого и так как по богатству коллекций и в настоящем своем виде Морской музей с гордостью может носить имя великого преобразователя России...»¹⁷.

Юбилей был приурочен ко дню рождения Петра I — 30 мая и прошел в торжественной обстановке. Почти вся столичная пресса обстоятельно рассказала своим читателям о создании музея и его богатых коллекциях, о пышном церемониале самого празднования, дав при этом высокую оценку общественному значению музея. Мнение печатных изданий разделяли компетентные специалисты, справедливо признав Морской музей одним из лучших не только в России, но и среди морских музеев мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кронштадтский вестник. 1863. № 130.

² *Огородников С.Ф.* Модель-камера, впоследствии Морской музей имени Петра Великого: Исторический очерк 1709—1909 с илл. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1909. С. 40.

³ *Курносоев С.Ю.* Морские музеи: история, современность и перспективы. СПб.: ЦВММ, 2002. С. 86.

⁴ *Куницкий В.* Петербург. Модельная мастерская и модель-камера: Современное обозрение // Морской сборник. 1864. № 11. С. 3.

⁵ Там же. 1866. № 5 (приложение). С. 1—64; № 6 (приложение). С. 65—91, I—VIII.

⁶ Цит. по: *Кушнарев Е.Г.* Центральный военно-морской музей: Краткий исторический очерк // Центральный военно-морской музей: Краткий путеводитель. 2-е изд., испр. и доп. М.: Воениздат, 1959. С. 18.

⁷ См.: *Огородников С.Ф.* Указ. соч. С. 48, 49.

⁸ Цит. по: *Суханов И.П.* Из истории оружейного фонда Центрального военно-морского музея // Труды Центрального военно-морского музея. Вып. 1. СПб.: Галера Принт, 1999. С. 123.

⁹ Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 578. Оп. 1. Д. 26. Л. 99, 100.

¹⁰ Цит. по: *Шишкова Н.В.* Колет императора Петра I из коллекции Центрального военно-морского музея // Труды Центрального военно-морского музея. СПб.: Галера Принт, 1999. С. 80.

¹¹ *Энгельман И.Г.* Воспитание современного солдата и матроса. СПб., 1908. С. 296, 297; *Огородников С.Ф.* Указ. соч. С. 60.

¹² РГА ВМФ. Ф. 578. Оп. 1. Д. 48. Л. 1—33.

¹³ Там же. Д. 37, 65, 70, 71, 72, 80, 110, 115, 120, 131, 134, 139, 144, 159, 171, 172; Указатель Русского отдела Всемирной выставки 1862 г. с приложением списка наград; Заграничная морская хроника. О всемирной выставке в Лондоне // Морской сборник. 1862. № 7. С. 1—12; Иллюстрированное описание Всероссийской мануфактурной выставки. 1870 г. СПб., 1870; Отчет о Всероссийской мануфактурной выставке в С.-Петербурге / Сост. Д.А. Тимирязев. СПб., 1871; *Скальковский К.А.* Всероссийская мануфактурная выставка в промышленном отношении. СПб., 1870; Указатель Всероссийской мануфактурной выставки 1870 г. СПб., 1870; Каталог Морского отдела Московской политехнической выставки / Под редакцией П. Мордовина. М., 1872; *Манн К.А.* Воспоминания // Исторический вестник. 1917. Т. 149/150. № 7/8. С. 36—71; Московская политехническая выставка с военной точки зрения. СПб., 1872; *Ситковский Н.* Московская политехническая выставка 1872 г. Тифлис, 1872; Указатель Русского отдела Венской всемирной выставки 1873 г. СПб., 1873; Иллюстрированное описание Всероссийской художественно-промышленной выставки в Москве 1882 г. СПб.; М., 1882; Указатель Русского отдела. СПб., 1893; Всемирная Колумбова выставка 1893 г. в Чикаго. Указатель русского отдела. СПб., 1893; Выставка «Ломоносов и Елизаветинское время». Отдел XIV. Морской отдел. СПб., 1912; Рукописно-документальный фонд ЦВММ. Инв. № 31145, 31146, 31289, 31293, 31295—31297.

¹⁴ *Матвеева Т.М.* Убранство русских кораблей. Л.: Судостроение, 1979.

¹⁵ См.: В морском музее // Петербургский листок. 1902. 4 апреля; Морской музей в Петербурге // Нива. 1902. № 16. С. 318—321.

¹⁶ Каталог закладных и памятных досок кораблей и сооружений отечественного Военно-морского флота, хранящихся в ЦВММ / Под ред. М.М. Фарафонова. Л.: ЦКФ ВМФ, 1974. С. 8.

¹⁷ *Огородников С.Ф.* Указ. соч. С. 70.

И.А. ТРЕТЬЯКОВА

ЗАСЕДАНИЕ АССОЦИАЦИИ ИСТОРИКОВ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ВЗДАНИИ Президиума Российской академии наук (РАН) состоялось заседание Ассоциации историков Второй мировой войны. Президент ассоциации доктор исторических наук, профессор О.А. Ржешевский напомнил, что заседание проходит накануне 110-летия маршала К.К. Рокоссовского, поблагодарил академиков РАН Г.Н. Севастьянова и Ю.А. Полякова за участие в работе ассоциации, а также поздравил вице-президента и члена президиума ассоциации доктора исторических наук, профессора Г.А. Куманева с 75-летием со дня рождения. Главный редактор «Военно-исторического журнала» капитан 1 ранга И.А. Анфертьев за многолетнюю работу юбиляра в составе редакционного совета журнала вручил ему памятный адрес редакции и медаль журнала «За заслуги».

Профессор О.А. Ржешевский представил увидевшие свет труды членов ассоциации: книгу группы сотрудников Военно-мемориального центра ВС РФ (ВМЦ) «Великая Отечественная на земле Российской. Военно-историческое исследование» (руководители авторского коллектива — кандидат исторических наук генерал-майор А.В. Кирилин, кандидат военных наук генерал-полковник в отставке Г.Ф. Кривошеев; генерал-майор А.И. Круглов, генерал-майор в отставке В.В. Гуркин, полковник в отставке В.М. Андроников, капитан 1 ранга в отставке П.Д. Буриков); «На чужой стороне. Восточные легионы вермахта в годы Великой Отечественной войны» (автор — профессор Е.М. Малышева из Адыгейского государственного университета); «Сталин. Рузвельт. Трумэн. СССР и США в сороковых годах» (автор — заведующий кафедрой МГИМО В. Печатнов) и «Проблемы послевоенного устройства Европы в американо-советских отношениях 1941—1945 гг.» (автор — заведующий Центром истории войн и геополитики Института всеобщей истории (ИВИ) РАН, кандидат исторических наук М.Ю. Мягков); «Проблемы военной истории Отечества 1938—1945 гг.» и третье издание книги «Подвиг и подлог. Страницы Великой Отечественной войны» (автор — Г.А. Куманев).

Профессор Г.А. Куманев сообщил, что Центр военной истории России ИРИ РАН с участием Института военной истории МО РФ подготовил к изданию труды «Патриотизм — духовный стержень народов России. Тематический сборник» и «Патриотизм — один из решающих факторов безопасности Российского государства».

С научным докладом «Некоторые итоги изучения работы органов госбезопасности по обеспечению боеготовности РККА и ВМФ накануне Великой Отечественной войны» выступил кандидат исторических наук, профессор Академии ФСБ, генерал-лейтенант запаса А.А. Зданович. Докладчик подвел итоги изучения работы органов госбезопасности по обеспечению

боеготовности РККА и ВМФ накануне Великой Отечественной войны. Приведенные факты вызвали у членов ассоциации большой интерес, и докладчику было задано много вопросов.

С научным сообщением «Вторая мировая война и страны Балтии» — о международной конференции, проходившей в Риге — выступил М.Ю. Мягков. Он подчеркнул, что в настоящий момент в прибалтийских государствах активно обсуждается вопрос о «советской оккупации» 1940—1941 гг. и 1945—1991 гг. Участники конференции в своих выступлениях отметили, что данный подход является деструктивным и не способствует выявлению и освещению исторических событий на основе научного подхода. М.Ю. Мягков предложил членам ассоциации обсудить вопрос о присвоении высокого звания «Город воинской Славы» г. Воронежу.

*Полковник запаса
В.А. СЕМИДЕТКО*

ВСТРЕЧА РУКОВОДИТЕЛЕЙ ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ РОССИИ

ВМОСКВЕ по инициативе Всероссийской общественной организации ветеранов «Боевое братство» (ВООВ «Боевое братство») состоялась встреча руководителей средств массовой информации, освещающих проблемы военно-патриотического воспитания. Рассмотрены вопросы взаимодействия и перспективы сотрудничества военно-патриотических изданий в 2007 году. В работе приняли участие руководитель аппарата «Боевое братство» Г.М. Шорохов, члены исполкома и сотрудники ВООВ, представители ветеранских и общественных организаций.

В дискуссии участвовали: В.А. Хохлов (Общероссийская общественная организация инвалидов войны в Афганистане), В.А. Алексеев (главный редактор газеты «Побратим»), В.Г. Стрельников (Межрегиональное объединение ветеранов локальных войн и военных конфликтов), полковник запаса Г.Д. Миранович (заместитель главного редактора газеты «Красная звезда»), Д.П. Шеремецкий (главный редактор журнала «Армия и флот»), капитан 1 ранга И.А. Анфертьев (главный редактор «Военно-исторического журнала»), В.С. Оськин (главный редактор журнала «Воинское братство»), В.В. Некрасов (главный редактор газеты «Военное образование»), И.В. Кучменко (корреспондент газеты «Боевое братство — Юг Подмосковья»).

В ходе встречи было высказано немало предложений по координации деятельности СМИ в освещении проблем патриотического воспитания. В частности, прозвучала идея о необходимости формирования единого информационного пространства, потенциалом которого могли бы пользоваться не только СМИ патриотической и военной направленности, но и другие издания. Некоторые участники дискуссии высказались о необходимости создания консультативной структуры, которая активизировала бы обмен информацией и мнениями между редакциями газет и журналов. Это может быть клуб, ассоциация, совет или сайт в Интернете. Предложение было единогласно поддержано.

Е.С. ДАНИЛИНА

ПРЕДВИДЕНИЕ ВОЕННОГО ПИСАТЕЛЯ КОНСТАНТИНА СИМОНОВА

ВЫШЛА в свет еще одна книга о войне, написанная генералом армии М.А. Гареевым*. Хотя в названии и говорится о К.М. Симонове, это не только биография писателя, но и книга о Великой Отечественной войне, о горечи поражений и радости наших побед над коварным и сильным врагом. Автор хорошо знал Симонова, поэтому с полным правом может утверждать, что так писать о боевых действиях, как это делал Константин Михайлович, мог лишь человек, прошедший через горнило войны, человек, который не только видел, но и сам испытал ее неимоверную тяжесть. Особая ценность книги в том, что автор мастерски переносит симоновское видение войны в сегодняшний день, делится интересными, неповторимыми наблюдениями, мыслями, которые актуальны и в наше непростое время, справедливо полагая, что интересы дела и доброе имя писателя требуют не просто принятия или опровержения некоторых его выводов, но и соответствующих доказательств и обоснований с позиций современных опыта и знаний. Это тем более важно, что в свое время К.М. Симонова упрекали за слишком мрачные краски, в которых им были показаны первые месяцы войны. М.А. Гареев справедливо указывает на то, что К.М. Симонов одним из первых понял: война идет далеко не так, как задумано противником и есть многие предпосылки того, что в конечном счете мы одолеем врага. Наиболее рельефно это показано в книгах «Сол-

датами не рождаются» и «Последнее лето». М.А. Гареев справедливо полагает, что сама попытка изображения фронтовой жизни в таком масштабе, как это сделано К.М. Симоновым, случай в литературе не частый, а удачи тут и вовсе редки. Говоря о мастерстве писателя в изображении особенностей армейской жизни, действий командования по управлению войсками, М.А. Гареев с возмущением замечает: «Приходится только удивляться лихости и наивности некоторых писателей, историков, политических деятелей и журналистов, которые изображают иногда дело таким образом, что любой гражданский человек может прийти во время войны в армию и запросто управлять войсками, самоуверенно задним числом втолковывают Жукову, Рокоссовскому, Коневу (!), как надо было воевать, а в мирное время поучают, как надо осуществлять военную реформу... К. Симонов себе этого не позволял».

Автор согласен с К.М. Симоновым в том, что опыт любой войны никогда полностью не устаревает и устареть не может, если рассматривать его не как объект слепого подражания, а как кладь военной мудрости, где аккумулируется все позитивное и негативное, что было в прошлой военной практике, и вытекающие из этого принципы и закономерности развития военного дела.

М.А. Гареев отмечает и такой факт, что в творчестве К.М. Симонова вопрос управления войсками нашел наиболее полное отражение, а это интересно и современному читателю, особенно военному. Интересно хотя бы с той точ-

Обложка книги

ки зрения, что уроков из Великой Отечественной войны, по мнению М.А. Гареева, мы по-настоящему не извлекли.

В своей книге М.А. Гареев подчеркивает, что Симонов в целом положительно оценивал роль И.В. Сталина в Великой Отечественной войне. Все разговоры о том, что победили не благодаря сталинскому руководству, а вопреки ему, с точки зрения М.А. Гареева, противоречат действительности и элементарной логике хотя бы потому, что без ведома Верховного Главнокомандующего и тем более наперекор его мнению в то время нельзя было ничего предпринять. В связи с этим автор замечает: основной недостаток многих нынешних книг на историческую тему состоит в том, что они основываются не на объективном анализе и сопоставлении различных событий, фактов, свидетельств, а чаще всего на заранее намеченной версии. Затем на нее «нанализуется» все то, что подтверждает авторскую позицию. Некоторые «перестроившиеся» историки, писатели, обозвав все, что происходило во время войны «сталинизмом», показывают лишь одни мрачные деяния, из чего, естественно, ничего путного узнать невозможно. Поэтому в рецензируемой книге немало внимания уде-

лено вопросам борьбы с фальсификаторами истории Великой Отечественной войны, аргументированно и остро подвергнут критике ряд современных телепередач. В книге убедительно разоблачаются ложь и фальсификация фактов, касающихся жизненной позиции К.М. Симонова. Система доказательств, мысли и суждения автора позволяют глубоко познать всю правду о войне, учат читателя грамотно, аргументированно, со знанием дела отстаивать и защищать ее.

Автор убежден, что сегодня против России ведется ожесточенная пропагандистско-психологическая война, причем не без успеха. Чтобы с честью противостоять этому явлению, мы все должны понять, что без прочного исторического фундамента невозможно построить новое достойное общество и государство.

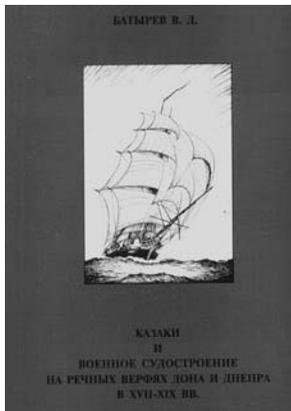
В целом книга генерала армии М.А. Гареева многому учит. Ведь К.М. Симонов прежде всего военный писатель, хорошо знающий сущность военного искусства, в произведениях которого ярко отражены элементы стратегии, оперативного искусства и тактики. Книга о Симонове, основательно занимавшегося историей Великой Отечественной войны, помогает осознать большую роль его творчества в общем духовном вкладе советской литературы и искусства в дело Победы.

Читается книга с большим интересом, и можно с уверенностью сказать, что она является хорошим подарком патриотам России, ветеранам войны и труда и будет востребована не только специалистами, военными читателями, но и широкой общественностью.

*Генерал-лейтенант
в отставке
Ю.А. ХВОРОСТЬЯНОВ*

* Гареев М.А. Константин Симонов как военный писатель. М.: ИНСАН, 2006. 320 с., ил.

УЧАСТИЕ КАЗАЧЕСТВА В ВОЕННОМ СУДОСТРОЕНИИ ДОНА И ДНЕПРА

Обложка книги

ВЫШЛА в свет монография* капитана 1 ранга в отставке В.Д. Батырева, являющегося военноморским специалистом высокого класса. Он окончил Высшее военноморское училище им. М.В. Фрунзе и Высшее военноморское училище инженеров оружия. Участвовал во многих комиссиях по испытанию подводных лодок и надводных кораблей в нашем ВМФ. С другой стороны, он великолепно знает историю казачества и является генеральным директором объединения «Казачья энциклопедия». Это объединение издало первую в истории однотомную иллюстрированную энциклопедию «Казачество» (М.: ИНФРА-М, 2003. 400 с.).

Монография посвящена истории становления и развития военного речного и морского флота на юге России —

* Батырев В.Д. Казачество и военное судостроение на речных верфях Дона и Днепра в XVII—XIX вв. М.: Российский писатель, 2005. 160 с.

на Дону, Днепре, Азовском и Черном морях, военной деятельности флота и участию в этом казачества.

В труде четыре главы. В первой рассматривается ранняя, допетровская стадия создания военного судостроения России на речных верфях Дона и Днепра в XVII веке. Уже в то время на Руси судостроение осуществлялось и развивалось самостоятельно и самобытно. Суда для военных целей и морских походов строились казаками на Дону, Северском Донце и острове Хортица, а также дорабатывались те суда, которые поставлялись центральной властью. Показательным для деятельности казаков явилось взятие ими крепости Азов в 1637 году без участия Московского государства.

Вторая глава посвящена созданию Петром I регулярного флота России на базе речных верфей Донского бассейна. Петр I создал не только регулярную армию России, но и регулярный военно-морской флот, кораблестроительные базы в бассейне Дона, морские учебные заведения, прочно встал на берегах Балтийского моря, впервые отправил суда под российским флагом для торговли с заморскими странами. В ней перед читателями встает огромная фигура государственника, который всецело посвятил себя созданию сильного Российского государства. Этот образ не может не волновать читателя нынешней России.

В третьей главе освещены вопросы создания Донской и Азовской флотилий и на их основе Черноморского флота в XVIII веке. Если в начале века были только гребные суда небольших размеров с малокалиберной артиллерией, то к его концу — многопалубные, многопушечные корабли с усовершенствованной артиллерией.

Четвертая глава посвящена причерноморскому строительству кораблей для флота конца XVIII — первой половины XIX века.

Монография снабжена рядом приложений, обобщающих основной материал. Назовем для примера первые три: краткий перечень походов казаков-первооткрывателей в Сибирь, начиная с похода атамана Ермака с отрядом донских казаков в 1581 году; краткий перечень морских походов казаков в пределы Османской Турции; краткая хронология развития судостроения на Руси в XVI—XVII вв.

Если говорить о монографии в целом, то, пожалуй, впервые в ней выполнен и представлен систематизированный, обобщенный анализ известных и малоизвестных работ и архивных источников, охватывающих создание верфей на Дону, Днепре и Черноморском побережье и участие в нем казачества, а также связанных с этим исторических событий вплоть до создания Черноморского флота. Автор удачно высветил допетровское судостроение. Монография содержит огромный исторический материал. Она читается легко и с большим интересом. Хочется выразить надежду, что молодой читатель, познакомившись с историей российского военно-морского флота, представленной в монографии, получит заряд исторического оптимизма, необходимого в будущем.

А.П. ФЕДОТОВ

КНИЖНАЯ ПОЛКА
ВОЕННОГО ИСТОРИКА

Обложка книги

МОРСКИЕ ИНЖЕНЕРЫ И СТРОИТЕЛИ БАЛТИЙСКОГО ФЛОТА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

ИЗДАННАЯ на Балтийском флоте книга* представляет собой военно-исторический труд, в котором сделана попытка обобщить более чем 300-летний опыт развития инженерно-строительных органов старейшего флота России. В ней раскрыты не известные до настоящего времени стороны деятельности структур инженерно-строительных органов Балтийского флота на различных этапах его исторического развития и применения.

Монография подготовлена авторским коллективом Калининградского регионального отделения Академии военно-исторических наук под руководством кандидата военных наук генерал-майора В.Г. Деревяго.

Была проделана большая работа по сбору, анализу и обобщению огромного фактологического материала по истории инженерно-строительных органов Балтийского флота с момента их зарождения при Петре Великом и до настоящего времени. В книге использованы документальные источники Российского государственного архива ВМФ, Центрального военного морского архива и архива Балтийского флота.

* Морские инженеры и строители Балтийского флота: история и современность / В.Г. Деревяго, Б.М. Амузин, И.Н. Кинякин, М.Б. Урюпин; Калинингр. регион. отделение Акад. военно-истор. наук, Калинингр. регион. отд.-ние Акад. воен. наук. Калининград: Фолианг: ИП Мишуткина И.В., 2006. 336: ил., фот.

А.Н. ЧАБАНОВА

Сведения об авторах номера

БАРАНОВ Валерий Петрович – заместитель главнокомандующего Внутренними войсками МВД РФ по военно-научной работе, генерал-полковник, кандидат военных наук (Москва)

БОРЗУНОВ Семен Михайлович — писатель, полковник в отставке (Москва)

БОРИСНЁВ Сергей Викторович — профессор кафедры истории Военного университета МО РФ, полковник запаса, доктор исторических наук, доцент (Москва)

ГОРНОСТАЕВ Петр Васильевич — профессор кафедры педагогики Коломенского государственного педагогического института, доктор исторических наук, профессор (г. Коломна)

ГРЮНБЕРГ Пантелеймон Николаевич — главный специалист Российского государственного архива научно-технической документации, кандидат исторических наук (Москва)

ДАНИЛИНА Евгения Сергеевна — литературный редактор редакции «Военно-исторического журнала» (Москва)

ЗЕЛОВ Николай Степанович — главный специалист Государственного архива Российской Федерации, руководитель архивохранилища личных фондов государственных, общественных деятелей СССР и РФ (Москва)

КИРСАНОВ Николай Андреевич — профессор Государственного университета по землеустройству, доктор исторических наук (Москва)

КОЛПИКОВА Елена Федоровна — журналист, кандидат химических наук (Москва)

КОРОВИН Владимир Викторович — доцент кафедры конституционного права Курского государственного технического университета, кандидат исторических наук (г. Курск)

ЛЮТОВ Сергей Николаевич — профессор кафедры Новосибирского высшего военного командного училища (военного института), полковник запаса, доктор исторических наук (г. Новосибирск)

МАНЖОСОВ Александр Николаевич — вице-президент Курского областного научного краеведческого общества, майор запаса, кандидат исторических наук (г. Курск)

МОНАСТЫРЕВА Галли Германовна — советник начальника управления Департамента градостроительной политики развития и реконструкции г. Москвы (Москва)

НИКИФОРОВ Юрий Александрович — старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, кандидат исторических наук, доцент (Москва)

ОСТРОВСКИЙ Александр Васильевич — ведущий научный редактор редакции «Военно-исторического журнала» (Москва)

ПАНЧЕНКО Анатолий Михайлович — начальник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела Новосибирского высшего военного командного училища — военного института, полковник, кандидат исторических наук (г. Новосибирск)

ПОЖИДАЕВА Наталья Николаевна — старший преподаватель Курского института государственной и муниципальной службы (г. Курск)

ПОПОВ Виктор Исаакович — участник Великой Отечественной войны и Парада Победы, полковник в отставке (Москва)

СЕМИДЕТКО Владимир Анатольевич — главный консультант Центра по розыску и увековечиванию памяти павших защитников Отечества, полковник запаса (Москва)

СУЛАЕВ Иманутдин Хабибович — докторант Дагестанского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент (г. Махачкала)

ТРЕТЬЯКОВА Ирина Анатольевна — ассистент кафедры общественных наук и страноведения России Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина (Москва)

ФЕДотов Аркадий Павлович — начальник сектора Московского радиотехнического института РАН, доктор технических наук, старший научный сотрудник (Москва)

ХВОРОСТЯНОВ Юрий Александрович — генерал-лейтенант в отставке (Москва)

ХОХЛОВ Илья Владимирович — старший преподаватель кафедры истории и археологии России Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого, лейтенант запаса, кандидат исторических наук (г. Великий Новгород)

ЧАБАНОВА Анна Николаевна — научный редактор редакции «Военно-исторического журнала» (Москва)

Материалы номера рецензировали: кандидат исторических наук, старший научный сотрудник полковник И.И. Басик (Институт военной истории МО РФ); кандидат технических наук, старший научный сотрудник генерал-лейтенант В.П. Володин (Военно-научный комитет Генерального штаба ВС РФ); заслуженный работник культуры РФ И.О. Гаркуша (Российский государственный военно-исторический архив); кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник полковник запаса А.А. Кольтюков (Институт военной истории МО РФ); кандидат исторических наук, доцент генерал-майор И.П. Макара (Военная академия Генерального штаба ВС РФ); кандидат педагогических наук адмирал флота В.В. Масорин (Главное командование ВМФ); доктор военных наук генерал-полковник А.А. Ноговицын (Главное командование ВВС); кандидат военных наук генерал-полковник А.С. Рукшин (Главное оперативное управление Генерального штаба ВС РФ); кандидат политических наук, доцент генерал-полковник А.С. Скворцов (Генеральный штаб ВС РФ); доктор военных наук, профессор генерал-полковник Н.Е. Соловцов (Командование РВСН); генерал-лейтенант в отставке Ю.А. Хворостьянов.

Редакция принимает к рассмотрению рукописи (распечатанный экземпляр и на электронном носителе) объемом не более одного авторского листа, набранного в Word 95,97,2000 через два интервала с постраничными сносками и конечными ссылками на использованные источники. Ответственность за достоверность информации, точность цифр и цитат, а также за то, что в материалах нет данных, не подлежащих открытой публикации, несут авторы. За качество полиграфического исполнения журнала и его своевременное распространение несет ответственность Редакционно-издательский центр Министерства обороны РФ, тел.: (495) 157-80-47.

В соответствии с действующим законодательством редакция имеет право не вступать с авторами в переписку, о результатах рецензирования не сообщать, рукописи не возвращать, публиковать присланные материалы помимо печатной версии в интернет-приложении «Военно-исторический журнал. Интернет-приложение» (www.mil.ru). Позиция редакции не обязательно совпадает с точкой зрения авторов. При перепечатке материалов ссылка на «Военно-исторический журнал» обязательна.

В соответствии с требованиями налоговой инспекции и финансовых органов «Военно-исторический журнал» может публиковать и оплачивать лишь те материалы и документы, в которых имеется почтовый адрес автора, ученая степень, ученое звание, номера телефонов, указаны полностью его должность, фамилия, имя, отчество, серия и номер паспорта (для военнослужащих — воинское звание, данные паспорта и удостоверение личности), число, месяц и год рождения, а также в обязательном порядке должен быть указан ИНН (идентификационный номер налогоплательщика) и номер страхового свидетельства Государственного пенсионного страхования.

За справками о присланных в редакцию материалах обращаться по тел.: (495) 693-54-10.

Компьютерная верстка — Р.И. ПАРФЕНОВ, Р.А. АЛИЕВ

Электронные версии «Военно-исторического журнала» и интернет-приложений «Военно-исторический журнал. Интернет-приложение» — на главной странице сайта Министерства обороны РФ www.mil.ru

Адрес редакции для переписки: 119160, Москва, Хорошевское шоссе, д. 38д, редакция «Военно-исторического журнала». Тел.: (495) 157-87-19.

Сдано в набор 20.03.2007
Подписано к печати 13.04.2007
Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 9,3+0,93 обл. и вкл.
Уч.-изд. л. 14+1 обл. и вкл.
Усл.-кр.-отт. 9,3+3,72 обл. и вкл.

Тираж 5800 экз. Зак. 778

Регистрац. № 01978 от 30.12.1992.

Допечатная подготовка выполнена в Редакционно-издательском центре Министерства обороны РФ

Отпечатано в ООО «Красногорская типография».

© «Военно-исторический журнал», 2007.

Основан
в августе 1939 года

УЧРЕДИТЕЛЬ
Министерство
обороны
Российской
Федерации

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Май
№5 (565)
2007 год

- ПРОТИВ ЛЖИ И ФАЛЬСИФИКАЦИЙ** 3 **AGAINST LIE AND FALSIFICATION**
Ю.А. НИКИФОРОВ — Лавровая петля генерал-лейтенанта А.А. Власова
Yu.A. NIKIFOROV — Lieutenant-General A.A. Vlasov's laurel noose
- ВОСПОМИНАНИЯ И ОЧЕРКИ** 8 **MEMOIRS AND ASSAYS**
В.И. ПОПОВ — «Мы сегодня в логове врага, но страна помнит о каждом из нас»
V.I. POPOV — "Today we are at the den of the enemy but our country keeps in mind each of us"
- П.В. ГОРНОСТАЕВ** — «Почтение о хлебе я адресовал И.В. Сталину» 12 **P.V. GORNOSTAEV** — "The sermon about the bread I addressed to J.V. Stalin"
- ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941—1945 гг.** 15 **THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941—1945**
Н.А. КИРСАНОВ — Мобилизация женщин в Красную армию в годы фашистского нашествия
N.A. KIRSANOV — Mobilization of women to the Red Army during the days of the fascist invasion
- В.В. КОРОВИН, А.Н. МАНЖОСОВ, Н.Н. ПОЖИДАЕВА** — Женщины Курской области в антифашистских добровольческих военизированных формированиях 18 **V.V. KOROVIN, A.N. MANZHOSOV, N.N. POZHIDAeva** — Women of the Kursk district in the anti-fascist formations
- АРМИЯ. ОБЩЕСТВО. КОНФЕССИИ** 24 **ARMY. SOCIETY. RELIGIONS**
И.Х. СУЛАЕВ — Мусульманское духовенство в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.
I.Kh. SULAEV — Muslim clergy during the Great Patriotic War of 1941—1945
- ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ** 27 **DOCUMENTS AND MATERIALS**
Н.С. ЗЕЛОВ — Военно-шефская работа мастеров искусств в годы Великой Отечественной войны
N.S. ZELOV — Military patronage work of the masters of art during the days of the Great Patriotic War of 1941—1945
- С.П. Королев: «СП — это я, а спутник — ПС» 31 **S.P. Korolev: "SP means me but PS means a satellite"**
(Публикация П.Н. ГРЮНБЕРГА) **(Publication of P.N. GRUNBERGA)**
- ВОИНСКОЕ ОБУЧЕНИЕ И ВОСПИТАНИЕ** 38 **MILITARY TRAINING AND EDUCATION**
А.М. ПАНЧЕНКО — Кузница военных кадров
A.M. PANCHENKO — A «manufactures» of military cadre
- ИСТОРИЯ ВОЕННОЙ НАУКИ** 43 **HISTORY OF THE MILITARY SCIENCE**
С.В. БОРИСНЁВ — Деятельность Императорского русского военно-исторического общества. 1907—1917 гг.
S.V. BORISNYEV — Activities of the Imperial Russian Military Historical Society. 1907—1917
- ЛЕТОПИСЬ ПОЛКОВ РОССИЙСКИХ** 48 **ANNALS OF THE REGIMENTS OF RUSSIA**
И.В. ХОХЛОВ — «Передать позднейшему потомству достохвальные... подвиги»
I.V. KHOKHLOV — "Hand down the praise-worthy... feats of arms to the next generation"
- ЭПОХА В БИОГРАФИЯХ** 52 **EPOQUE, REFLECTED IN BIOGRAPHIES**
Г.Г. МОНАСТЫРЕВА — «Среди зарубежных морских писателей Н.А. Монастырев занимает одно из видных мест»
G.G. MONASTYREVA — "N.A. Monastirev occupies one of the conspicuous places among foreign marine writers"
- ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ** 54 **FROM UNPUBLISHED MANUSCRIPTS**
Н.А. МОНАСТЫРЕВ — Балтийская страница моей морской карьеры (Публикация Г.Г. МОНАСТЫРЕВОЙ)
N.A. MONASTYREV — Baltic page of my naval career (Publication of G.G. MONASTYREVA)
- ФАМИЛЬНЫЙ АРХИВ** 59 **FAMILY ARCHIVE**
А.А. УПОРНИКОВ — «Стыдно за людей, которые... спешат бросить грязью в то, чему раньше поклонялись» (Публикация Е.Ф. КОЛПИКОВОЙ)
A.A. UPORNIKOV — "It is ashamed of people who... make haste to throw dirt on the thing to which they have worshiped" (Publication of E.F. KOLPIKOVA)
- ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ** 63 **MILITARY HISTORIC HERITAGE**
С.Н. ЛЮТОВ — Военное книгоиздание в России при Петре I
S.N. LYUTOV — Military book-publishing in Russia under Peter I
- МОЛОДЕЖНЫЙ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ** ★ ★ **THE YOUTH MILITARY HISTORICAL MAGAZINE**
- ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ** 67 **FROM UNPUBLISHED MANUSCRIPTS**
В.Ф. ШМЕЛЕВ — «Даже в самой трудной обстановке мы верили в окончательную победу над врагом»
V.F. SHMELEV — "Even in most difficult situation we believed in our final victory over the enemy"
- ФРОНТОВОЙ АЛЬБОМ «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА»** 70 **THE BATTLE ALBUM OF "VOENNO-ISTORICHESKY ZHURNAL"**
С.М. БОРЗУНОВ — Благодарность генерала армии Н.Ф. Ватутина
S.M. BORZUNOV — Official thank of Army-General N.F. Vatutin
- ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ** 73 **MILITARY HISTORIC HERITAGE**
И.А. ТРЕТЬЯКОВА — «В настоящем своем виде морской музей с гордостью может носить имя великого преобразователя России»
I.A. TRET'YAKOVA — "At present time the sea museum may proudly have the mane of the great transformer of Russia"
- КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ** 78 **CRITIQUE AND BIBLIOGRAPHY**
Ю.А. ХВОРОСТЬЯНОВ — Предвидение военного писателя Константина Симонова
Yu.A. KHVOROSTYANOV — Military writer Konstantin Simonov's prevision
- А.П. ФЕДОТОВ** — Участие казачества в военном судостроении Дона и Днепра 79 **A.P. FEDOTOV** — Participation of Cossacks in the Navy shipbuilding in the Don and Dnepr regions
- НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ИНФОРМАЦИЯ** — 11, 77; **КНИЖНАЯ ПОЛКА ВОЕННОГО ИСТОРИКА** — 17, 23, 62, 79; **ХРОНОГРАФ** — 54; **ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА»** — 37; **К ЧИТАТЕЛЯМ «МОЛОДЕЖНОГО ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА»** — 72; **СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И РЕЦЕНЗЕНТАХ НОМЕРА** — 80
- SCIENTIFIC SURVEY AND INFORMATION** — 11, 77; **THE BOOK-SHELF OF A MILITARY HISTORIAN** — 17, 23, 62, 79; **CHRONOGRAPH** — 54; **THE EDITORIAL MAIL OF "VOENNO-ISTORICHESKY ZHURNAL"** — 37; **TO THE READERS OF "THE YOUTH MILITARY HISTORICAL MAGAZINE"** — 72; **INFORMATION ABOUT AUTHORS AND REVIEWERS OF THE ISSUE** — 80

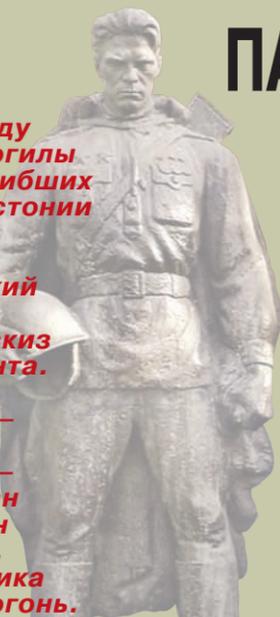
VOENNO-
ISTORICHESKIY
ZHURNAL

5 (565)

The Journal of Military History
2007 May

Edition of the Ministry of Defense
of the Russian Federation
Founded in August, 1939

ПАМЯТНИК воину-освободителю Таллина от фашистов был установлен в 1947 году на месте братской могилы красноармейцев, погибших при освобождении Эстонии от фашистских войск в сентябре 1944-го. В 1945 году Таллинский горисполком провел конкурс на лучший эскиз надгробного монумента. **Бронзовый памятник «Скорбящий солдат»** – скульптора Рооса и архитектора Аласа – был не только признан лучшим, но и отмечен Сталинской премией. В 1965 году у памятника был зажжен Вечный огонь.

РАЗРУШИТЬ ПАМЯТНИК ВОЗМОЖНО, СТЕРЕТЬ ПАМЯТЬ – НЕТ!

10 ЯНВАРЯ 2007 года парламент Эстонии принял решение демонтировать памятник воину-освободителю в Таллине. В этот же день был принят «Закон об охране воинских погребений», который фактически предусматривает демонтаж монументов советским воинам и перенесение их могил.

Это очередной шаг руководства Эстонии в многолетней борьбе с «оккупационным наследием» Советского Союза, основные вехи которой – превращение русского населения страны в граждан второго сорта, эсэсовские марши по улицам городов, преследование ветеранов войны за ношение орденов и исправление учебников истории, из которых исчезают подвиги советских людей в годы Великой Отечественной войны. С начала 1990-х годов в Эстонии монументы советским воинам нередко обливали краской, рисовали на них свастикку. Теперь там начали сносить памятники.

Что дальше? Разрушение братских могил? Запрет на упоминание Победы над фашизмом? Клеймо на одежду всех ветеранов Красной (Советской) армии, как у евреев в «третьем рейхе»?

В ответ на решение эстонских властей 24 января 2007 года более тысячи человек вышли на митинг в Москве. Несколько сотен активистов молодежного движения «Наши» были одеты в форму воина-освободителя. Акции протеста состоялись также у посольства Эстонии и в других городах России.

В память о советских воинах, освободивших Прибалтику от фашизма, Молодежное демократическое антифашистское движение (МДАД) «НАШИ» проводит акцию – «Разрушить памятник возможно, стереть память – НЕТ!» Во второй половине апреля планируется выезд участников акции в Таллин и заступление на символическую «Вахту памяти» у памятника воину-освободителю. Участники акции набираются из числа добровольцев. В основном это студенческая молодежь, которая равнодушна к оскорблению великого подвига воинов Красной армии, к унижению в Эстонии ветеранов Великой Отечественной войны. Это патриоты своей Родины, которые помнят, какой ценой нам досталась Победа.

В памятке заступающему на «Вахту памяти» сказано: «В Таллине вы заступаете на «Вахту памяти» на один час. Вы стоите по стойке «смирно», держа каску в правой руке, а пилотку – в левой. Пока вы стоите, помните, что в эту минуту за вами – вся наша страна. Погибшие и живые, солдаты и обычные люди, которые победили в те страшные годы. Подумайте о них. вспомните своих родных и близких, которые не вернулись с войны, пропали без вести, умерли от ран после войны. Линия фронта не всегда проходит через окопы. Памятник – это ваша линия фронта, и сдать ее нельзя».

А.Н. ЧАБАНОВА

Выдвижение активистов МДАД «НАШИ» на митинг протеста на Красной площади

За один разрушенный памятник из камня власти Эстонии получат тысячи живых памятников

Акция протеста у посольства Эстонии в России

Центральный музей Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

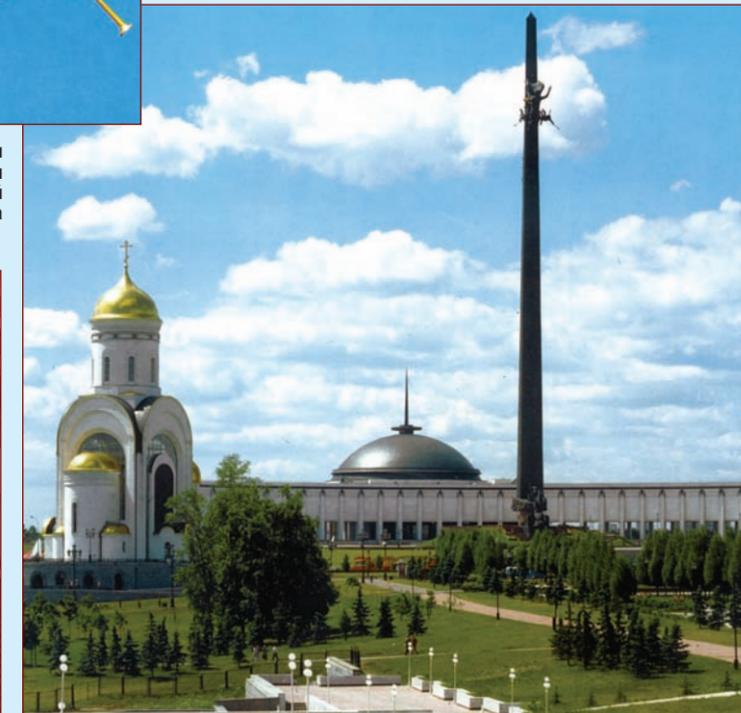
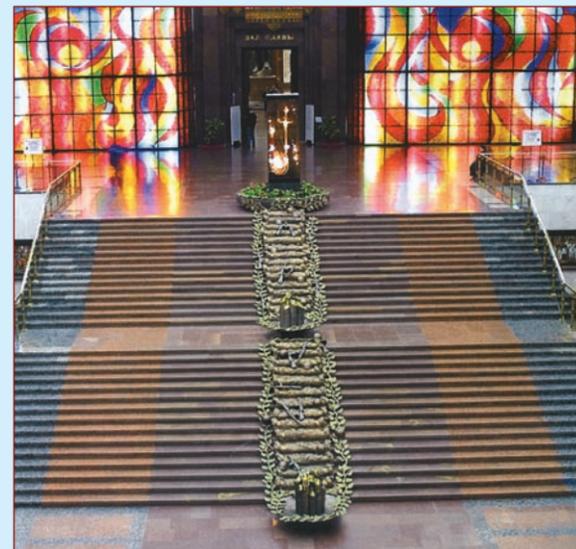
Святой Георгий победоносец у подножия монумента

Бронзовая фигура богини Ники на стометровой отметке монумента

Военный парад в честь закладки будущего памятника Победы на Поклонной горе 23 февраля 1958 г.

Мемориал Победы на Поклонной горе

Парадная лестница, ведущая к залу Славы

Бронзовая скульптура «Солдат Победы», расположенная в зале Славы
Скульптор В.И. ЗНОБА

Скульптурная группа «Скорбь» в зале Памяти
Автор Л. КЕРБЕЛЬ, резчики по мрамору П.А. и А.П. НОСОВЫ, И.Т. КРУГЛОВ

БОЕВЫЕ ЗНАМЕНА РОССИИ —

СИМВОЛ ВОИНСКОЙ ЧЕСТИ, ДОБЛЕСТИ И СЛАВЫ

Обложка книги

В.Л. Минёр

Фрагмент древнерусского знамени с изображением великого князя Владимира Киевского

Знамя Ермака

Фрагмент Александровской юбилейной ленты для армейских и гарнизонных знамен образца 1838 г.

Фрагмент гвардейского штандарта образца 1857 г.

Рисунок штандарта Конной роты Кадетского корпуса 1732 г.

Военнослужащие лейб-гвардии Егерского полка со знаменем, врученным в честь 100-летия части Санкт-Петербург, 1896 г.

РАСПОРЯЖЕНИЕ

ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О присуждении грантов Президента Российской Федерации для поддержки творческих проектов общенационального значения в области культуры и искусства

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 1 июля 1996 г. № 1010 "О мерах по усилению государственной поддержки культуры и искусства в Российской Федерации" присудить гранты Президента Российской Федерации для поддержки творческих проектов общенационального значения в области культуры и искусства руководителям проектов по результатам конкурса, проведенного в 2005 году:

Минеру Вячеславу Леонидовичу, начальнику Центрального музея внутренних войск МВД России (г. Москва), на издание на основе коллекций знамен ведущих музеев России книги "Боевые знамена России"

Президент Российской Федерации **В.Путин**

29 мая 2006 года
№ 243-рп

Две стороны знамени образца 1690 г.

Корнет со штандартом 1756—1762 гг.
Штандарт Георгиевский юбилейный лейб-гвардии Конного полка 1817 г.

Георгиевские знамена армейской пехоты образца 1806—1813 гг.

Навершия гвардейских знамен образца 1830 г.

Две стороны Боевого Красного Знамени 1-й гвардейской армии образца 1943 г.

Знамя ударных революционных батальонов образца 1917 г.

Вымпел Министерства обороны СССР образца 1972 г. 28-му полку химической защиты

Красноармеец артбатареи ОМСДОН у развернутого Красного Знамени

БИБЛИОТЕКА исторической литературы пополнилась книгой «Боевые знамена России»*. Ее автор — доктор исторических наук полковник В.Л. Минёр в доступной форме показал генезис отечественных стягов и изменения, происходившие на различных исторических этапах в их размерах, расцветке, символике. Исследование охватывает период со времен Древней Руси по конец XX века. На основе документов и воспоминаний рассмотрено превращение знамени из амуниционной вещи в святыню и главный атрибут армии, приведены

примеры мужества и героизма русских солдат и офицеров, связанные с сохранением знамен, как символа чести полка. В книге помещено около трехсот изображений полотнищ и наверший.

Цвет и детали рисунка знамени имели большое значение, так как соединяли в себе символы русской национальной идеи — государя, веру и Отечество. Эти символы дополнялись лавровыми венками или ветвями, которые в свою очередь символизировали воинскую славу. Затем стали выделяться лишь символы государя и веры, лавровые ветви были заменены звездами, имевшими лишь декоративное значение. Кроме того, исчезли многие детали,

отражавшие характер отличий частей. Так, на Георгиевских знаменах начала XIX века осталось только одно такое отличие — Георгиевский крест в копье на навершия. Цвета полотнищ также имели огромную внутреннюю связь с идеей русского знамени. Но процесс изменения расцветки, деталей орнамента и рисунка знамен не всегда отражал сущность идей и символики русской армии. Объективной необходимости менять что-либо часто тоже не было. Резкая, хотя, может быть, и справедливая с исторической точки зрения смена символов на знаменах, не всеми военнослужащими воспринималась позитивно.

В боевых знаменах советской эпохи кардинально изменилась расцветка и символика стягов. Однако

одна боевая традиция была унаследована сразу же и в дальнейшем только укреплялась — верность знамени. Боевые знамена по-прежнему оставались символом воинского коллектива.

Каждый год в армию приходят новые поколения юношей. Молодых воинов знакомят с историей части, олицетворением которой является и Боевое Знамя. Воплощая в себе символ воинской чести, доблести и славы, стяг напоминает каждому военнослужащему о священном долге самоотверженно служить Отечеству, защищать его мужественно и умело, продолжая лучшие боевые традиции России.

Генерал-полковник С.В. БАРАНОВ

* Минёр В.Л. Боевые знамена России. М.: Редакция журнала «На боевом посту» Внутренних войск МВД России, 2006. 272 с., ил.